

ПИОНЕР 4

1980

1870—1980

Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше...

В. И. ЛЕНИН

ЮНЫЙ ЛЕНИНЕЦ!

В солнечные апрельские дни, когда по всей нашей необъятной стране полновластно шагает весна, ты вместе со всем народом встречаешь светлый и радостный праздник—110-ю годовщину со дня рождения вождя Октября — Владимира Ильича Ленина...

Ленин...

С этим именем связаны все думы и чаяния советских людей, все наши победы и свершения на пути к коммунизму.

Ленин...

Самому прекрасному и могучему на нашей Советской земле — гигантским электростанциям, заводам и фабрикам, каналам и шахтам, колхозам и совхозам — народ присвоил имя вождя Революции.

Ленин...

Бессмертны его дела и мысли, непобедимо его учение.

Партия Ленина свято претворяет в жизнь его мудрые заветы. Ленин дорог и близок каждому советскому человеку, всем людям доброй воли на планете, всем борцам за мир и народное счастье.

«Ленин дорог нам не только потому, что он — знамя нашей революции, основатель нашей партии, строитель первого в мире социалистического государства. Он нам дорог и близок еще и потому,— и, может быть, особенно потому,— что его острый творческий ум и непобедимая логика, глубина анализа и смелость выводов и действий, его неукротимая страстность революционера и вместе с тем величайшая человечность, простота и чуткость — все это было и будет для нас ориентиром в жизни, бесценной опорой и помощью в сегодняшних делах».

Так сказал о В. И. Ленине пламенный коммунист-ленинец товарищ Леонид Ильич Брежнев.

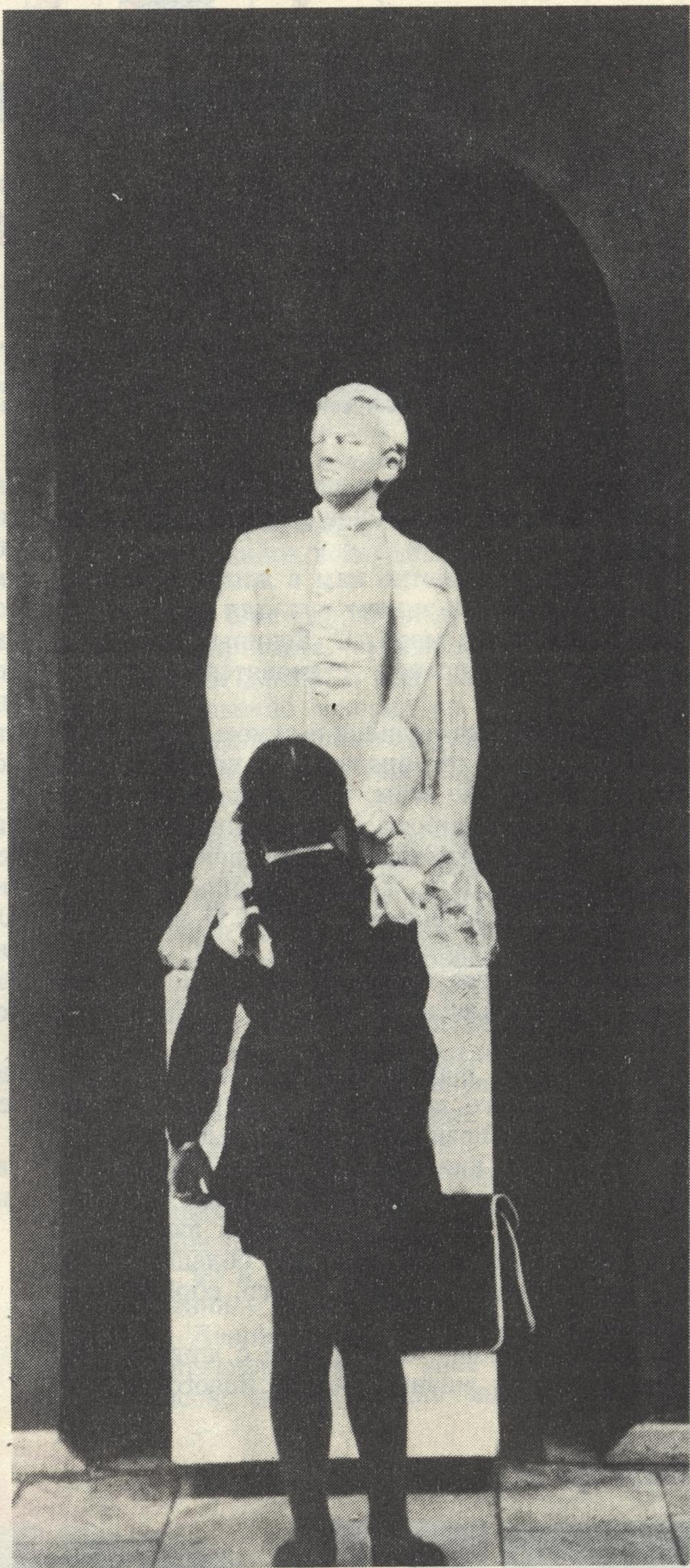
В канун Ленинской недели и Всесоюзного сбора «Пионеры всей страны делу Ленина верны!» еще раз вчитайся в эти слова, вместе с друзьями по отряду ответьте на вопрос о том, как каждый из вас выполняет ленинские заветы, как в повседневной жизни — дома, в школе, на улице — оправдывает каждый из вас высокое, гордое звание юного ленинца.

В. И. Ленин верил в подрастающее поколение, мечтал о том, чтобы советские ребята росли коммунистами, сознательными строителями нового общества.

Юный ленинец!

Каждым прожитым днем, своими делами на благо Родины оправдывай высокое доверие партии Ленина, Ленинского комсомола, всего советского народа. Держи равнение на коммунистов и комсомольцев, гордо неси Красное пионерское знамя.

К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

ЛЕНИН — всегда живой

А. К. ПРОТОЗАНОВ,
кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР,
первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома Компартии Казахстана

Ленин. Сколько чувств пробуждает в душе и в сердце это священное для каждого из нас имя!

Все дорого и памятно нам в жизни товарища Ленина. Как много значит она для народа, для страны, для всего мира. С Лениным человечество духовно взрослеет, становится мудрее и чище.

Владимир Ильич родился в самом центре России, на Волге. И это знаменательно. Есть в ленинском облике, во всем, что свершил он, такая же окрыляющая широта, что открывается взгляду с откоса над великою русской рекой...

Мы отмечаем День памяти Ленина в апреле, когда оживает и расцветает земля. И это символично. Вождь трудового народа В. И. Ленин — главный творец той огромной общечеловеческой весны, что началась в октябре семнадцатого года.

Год за годом, шаг за шагом идете вы, юная смена Ленинского комсомола и партии коммунистов, по пути познания жизни, мыслей и трудов Ильича. Из книг, из рассказов старших вы узнаете о человеке, который прожил свою недолгую земную жизнь ради счастья людей, и о его борьбе. Подрастая, вы все больше знакомитесь с Лениным, учитесь у него, обращаетесь к нему за советом.

Владимир Ильич, «как живой с живыми говоря», входит в жизнь каждого нового поколения. Гениальный стратег революции, величайший мыслитель, основатель Коммунистической партии и Советского государства, он остается самым мудрым и человечным современником. Мы сверяем по Ленину свои дела и поступки, свои мысли, планы, свою работу, как сверяют время по самым точным часам. Мы обращаемся к Ленину, и он советует, вдохновляет, помогает найти ответ на самые жгучие вопросы современности.

Вся многогранная и кипучая деятельность партии, ее боевого штаба, ЦК, Политбюро во главе с выдающимся политическим и государственным деятелем, верным ленинцем товарищем Леонидом Ильичом Брежневым — это неустанное воплощение в жизнь заветов Ленина, творческое развитие и продолжение мыслей, дел и слов Ленина.

В любом уголке нашей страны вы увидите, какие замечательные преобразования свершены советским народом по ленинским заветам.

Нашу Восточно-Казахстанскую область называют Рудным Алтаем. Называют так за несметные богатства ее недр.

Но только революция поставила эти богатства на службу народу.

Сохранилось более пятидесяти ленинских документов — писем, записок, постановлений СНК и ЦК партии, свидетельствующих о том огромном значении, какое придавал вождь революции Восточному Казахстану. Он писал о необходимости скорейшей организации производства на Риддерских рудниках, подчеркивал, что это дело «...имеет громадную общегосударственную и общефедеративную важность».

Было трудное время разрухи и голода. Бывшие владельцы рудников — английские концессионеры затопили шахты, частично вывезли техническую документацию, демонтировали оборудование электростанции и обогатительной фабрики.

Горнорабочие Рудного Алтая выполнили данную Ильичу клятву: своими руками в короткий срок восстановили производство, дали стране необходимый ей металл. В годы первых пятилеток Восточный Казахстан стал крупнейшим индустриальным центром нашего социалистического Отечества. Каждая третья пуля, выпущенная по врагу в дни Великой Отечественной войны, была отлита из восточноказахстанского металла!

Наша область сегодня — это край крупной индустрии. У нас действуют 174 промышленных предприятия. Флагманом цветной металлургии страны называют Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат имени В. И. Ленина. Цинк этого прославленного предприятия признан на Лондонской бирже эталоном высшего качества.

Широко известен Усть-Каменогорский титано-магниевый комбинат имени 50-летия Октябрьской революции. По качеству выпускаемой продукции он занимает ведущее место в стране.

Восточно-Казахстанская область вырабатывает сейчас электроэнергии в восемь раз больше, чем весь Казахстан в 1940 году, и в три раза больше, нежели все электростанции России в 1913 году.

Вот они, зримые, реальные черты нашей действительности. Но, пожалуй, самый главный и самый важный итог наших свершений — это то, что выросли замечательные кадры рабочих, инженеров, ученых, тружеников сельского хозяйства, что окрепла и закалилась братская дружба народов. Ныне на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах Восточно-Казахстанской области трудятся представители более ста национальностей и народностей. Всех их объединяют и роднят общие трудовые дела, общие заботы о том, чтобы еще краше и богаче была наша страна, ярче и разностороннее наша жизнь.

Вот оно — живое воплощение ленинской мечты!

С чувством благодарности думают люди о Ленине, о его простоте, скромности. Вспоминают о его любви к детям, о том, как добро, уважительно, откровенно говорил он с ними. Как заботился в трудное время гражданской войны и разрухи, чтобы у детей были еда и одежда, книги и школа.

Революционер и преобразователь мира, он видел в детях продолжателей своего дела. «...Не правда ли, ты вырастешь коммунистом?» — часто обращался Ильич к своим юным собеседникам. Он хотел, чтобы они росли убежденными борцами, людьми знающими и умелыми, чистыми и бескорыстными в помыслах и поступках. Как никто другой, он умел предвидеть будущее и верил в будущее. И он говорил, что дети будут бороться еще лучше, еще усерднее будут строить здание нового общества.

Как эстафету, принимаете ленинские заветы вы, юные пионеры, внуки и правнуки бойцов революции. Вы познаете заветы Ленина не только на уроках, но и в живом, непосредственном соприкосновении с действительностью. Бессмертный образ Ленина ведет вас по дорогам отцов. Смелее, активнее идите по этим священным дорогам. Высоко несите звание юных ленинцев!

Рисунок А. БОРИСОВА.

М. ДЕВЯТОВ.
В. И. Ленин. Октябрьский ветер.

Вера ИНБЕР

РУКА ЛЕНИНА

В его тетрадях и блокнотах,
В заметках беглых от руки
Мы о космических полетах
Не обнаружим ни строки.

Полеты в космос... До того ли!
И где бензин? И где металл?
Сто тысяч тракторов (всего лишь) —
Вот он о чем тогда мечтал.

Все меньше рационы хлеба,
Не дышит ни один завод.
Разруха. Тиф. Тут не до неба —
Земля, земля к себе зовет...

Но он сумел таким горючим
Снабдить Советскую страну,
Чтоб ей поднять в небесных кручах
Космическую целину.

Чтобы туда, за грань эфира,
Впервые нам направить путь,
Куда от сотворенья мира
Не удавалось заглянуть.

И вот теперь навеки Ленин
(Хоть необычен жест такой)
Войдет в сознанье поколений
С протянутою ввысь рукой.

Владимир **КРАСИЛЬЩИКОВ**

ХЛЕБА ОСТАЛОСЬ НА ДВА ДНЯ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 1.

Рисунки М. **ЛИСОГОРСКОГО.**

Действовать, действовать, действовать!

Каждый полученный вагон с продовольствием был самой желанной радостью Александра Дмитриевича.

Под вечер Цюрупа на крупнейшем московском элеваторе — в Сокольниках. Подходит маршрутный состав с хлебом. Александр Дмитриевич идет вдоль вагонов, радуясь тому, что путь его долог, долог. Поднимается в последний вагон. При свете керосиновой «летучей мыши» тускло мерцают стволы винтовок. Тепло розовеет насыпанная двумя высокими холмами пшеница.

Он невольно притрагивается, точно гладит, ласкает зерно. Набирает в горсть, задумчиво смотрит. Кажется, все зерно одинаковое, а если присмотришься... Куда там! Нет двух одинаковых зерен. У каждого свое лицо. Это вот сморщилось, как от боли. У этого щиток хиловат. И это щуплое. Не вволю напились тепла, воды, солнца. Зато это вон какое — гладкое, довольное, будто сияет, будто улыбается. Да и как же не сиять? В нем — в одном! — целое богатство. Целый клад! Только из таких зерен родится добрый — ноздреватый, пышный хлеб. Скорее их все — все зерна до единого — в дело! Смолоть и беречь — беречь каждую крупицу, как ока зеницу. Ох! Даже стихами заговорил. Пуще ока, пуще глаза беречь!

Не стесняясь никого, не боясь показаться излишне чувствительным, Александр Дмитриевич поцеловал хлебное зерно. Пересыпал с ладони на ладонь. Погладил. Но что это? Что-то тяжелое... На ладони — пуля.

Кто-то, плохо видный ему, не то жаловался, не то хвастал из угла вагона:

— В два часа ночи возле Раковки паровоз наш с рельсов сошел: белые взрывчатку подложили. Ну, мы, понятно, повыскакивали из вагонов, залегли вдоль полотна... Броневик подошел на подмогу — отбились. День простояли — путь восстанавливали, паровоз поднимали. Это все, когда туда ехали, с мануфактурой и прочим для обмена на хлеб. И обратно — та же песня. Ночью на станции Филоново: «та-та-та» — пулемет по нас. Белые окружили. Кричат: «Хлебца захотели, краснопузые? Будет вам ужо хлебец на кровяных дрожжах!..» Насилу отбились. Только отъехали — впереди путь разобран...

— Здравствуйте, товарищи! — Цюрупа вошел в полосу света от лампы. — С приездом вас благополучным!

— Надо бы благополучнее, да нельзя! Некуда! — иронически вздохнули в углу.

— Не ропщи, Зубарев! — осадили его. — На этот раз вроде, скажи спасибо, все живые воротились.

«На этот раз...» — отметил про себя Александр Дмитриевич, моргая, приглядываясь к полумраку. В углу вагона, рядом с тем бойцом, что рассказывал, на тесовых нарах лежал юноша в тельняшке, в модных матросских брюках-«клешах», подхваченных гимназическим ремнем. Голова его и правое плечо белели уже несвежими повязками.

«Вот так же и мой Митя, мой Петя где-нибудь... — подумал Цюрупа. — Кажется, Митин полк сняли с фронта и перебросили куда-то под Тамбов — добывать хлеб». С какой-то непонятной, нелепой надеждой он вдруг спросил юношу в тельняшке:

— Под Тамбовом вам бывать не случалось?

— Как же! — ломающимся баском ответил тот. — Как же! В самую заваруху угодил: семнадцатого — восемнадцатого, когда беляки Тамбов захватили. Станция Токаревка — на всю жизнь запомню. Вечером поезд наш тронулся, при потушенных огнях, самым тихим ходом. А мы цепью рассыпались вдоль полотна. А у них три пулемета на тачанках. Верст семь так шли — раненых не смогли подобрать, но хлеб спасли.

«...Не смогли подобрать! — Александр Дмитриевич вздрогнул. — Митя... Что с ним? Слово

«хлеб» стало сейчас вплотную со словом «кровь». Каждый фунт, каждое зернышко добыты с бою, оплачены кровью, жизнью... С лазутчиками так не расправляются, как с продовольственниками. В станице Платовской генерал Попов захватил наш продовольственный отряд, которому крестьяне сдавали хлеб. Тот самый хлеб, что идет в Царицын... Командир отряда и комиссар его распяты. Все бойцы и местные жители порублены шашками — старики, женщины, дети. За что? За то, что давали хлеб красным: «В другой раз не дадут!»

Однако пора на заседание Совета Народных Комиссаров. Как бы не опоздать. Ленин терпеть не может, когда опаздывают. Сам приходит так, что можно часы проверять, и с других требует.

Александр Дмитриевич дотронулся до шершавой, обветренной руки юноши — такие, точно такие руки у Пети! — порывисто сжал ее:

— Спасибо, сынок! Спасибо.

Как ни торопил Александр Дмитриевич шофера, как ни гнал тот машину, все равно опоздали. Хмурясь, Ленин поднялся из-за стола и вместо приветствия укоряюще протянул навстречу часы:

— Придется объявить выговор и занести в протокол. Да-с. Вам. За опоздание.

— Помилуйте, Владимир Ильич! — шутливо оправдывался Цюрупа. — Шина лопнула... Послушайте, что я вам скажу... Вот, пожалуйста, телеграмма из Царицына. Всего за месяц отправлено две тысячи триста семьдесят девять вагонов продовольствия. В том числе пшеница... ячмень... крахмал... жмыхи...

— Просто как музыка звучит! — Ленин покачал головой. — Лучше музыки!

Александр Дмитриевич, вдохновляясь, продолжал:

— Мука, масло подсолнечное, семя льняное, хлеб ржаной... Отправлено в Петроград, в Москву и Московскую губернию, в Смоленск, в Тулу, в Ярославль, во Владимирскую, Псковскую, Тверскую губернии... Оружейникам, кузнецам, ткачам, матерям, детям... Прибавьте к этому шестьсот шестьдесят семь вагонов, заготовленных помимо Царицына! Прибавьте сто девятнадцать вагонов, переотправленных из Нижнего Новгорода! Прибавьте отправки по воде: хлеба — триста шестьдесят четыре тысячи триста один пуд...

— Подумайте! — заметил кто-то из народных комиссаров. — Наизусть помнит.

— Попробуй забудь это! Разве можно забыть?! Зернового фуража — сто шестьдесят три тысячи семьдесят семь пудов, семенных грузов — тысяча двести пудов, всего... О-ох! Извините. Голова что-то...

Товарищи бросились к нему, подхватили, не дали упасть. Перенесли, бережно уложили на диван:

— Что такое? С сердцем плохо?

— Он без сознания.

— Доктора! Доктора скорее!

Прибежал запыхавшийся врач из кремлевской амбулатории. Осмотрел. Выслушал трубочкой. Постукал.

— Что с ним? — спросил встревоженный и растерянный Ленин.

— Это сейчас пройдет, Владимир Ильич. Надо бы чаю и хоть кусочек сахару... Это обычный голодный обморок. От постоянного, систематического недоедания.

* * *

Открытый автомобиль главнокомандующего катил по степному большаку. Деникин сидел позади шофера, слегка откинувшись, устало положив руки на эфес шашки.

Словно по заказу, после дождей установились погожие, румяные дни. И дорога, к удовольствию генерала, уже не была грязна, но еще и не пылила. Плыли по обеим сторонам убранные поля, пышнозеленые рощи — гаи, как их здесь зовут, белоснежные россыпи хат, жмущихся поближе к речушкам и балкам. Казалось, прямо над головой — протяни только руку — пламенели за оградами золотые шары поспевавших яблок, смачно зеленели груши. Красно-сине-зеленые петухи во весь дух горланили, предвещая близкий закат. Сытые гуси, бог весть как уцелевшие в столь несытное время, важно переваливаясь, неспешно расхаживали по стерне — нагуливали жирок.

«Будто и земля и небо возликовали, радуясь приходу нашей армии!» — Генерал усмехнулся наивной нелепости лезших в голову мыслей, поплотнее надвинул фуражку, загородившись от солнца, которое склонялось все ниже, забубнил вполголоса под нос нечто бессвязное, чувствуя, как губы вздрагивали в такт с колесами:

— Трам-та-та-там, трам-та-та-там...

«Все идет неплохо, — думал он. — Еще месяц назад большевики получали отсюда хлеб с маслом... И вот, извольте, я еду не куда-нибудь, а в Тихорецкую. Да, господа товарищи! Сей ключик от амбара с хлебом и маслом не в ваших руках...»

Вдоль дороги громоздились разбитые повозки, с которых окрестные станичники уже поснимали все колеса. А за поворотом, на выезде из хутора, оказался аэроплан, уткнувшийся в землю. Ткань на его крыльях была иссечена, и красные лоскутки трепетали там, где были звезды.

Дальше на глаза Деникину попала артиллерийская упряжка: нахлестывая коней, казаки вытаскивали из лужи броневик. На его башне неуверенно, но броско было написано белой краской: «Степан Разин».

«Так-то вот, Степан Тимофеевич!» — не без мстительной радости подумал Деникин, уселся поудобнее, обернулся: всадники, сопровождавшие автомобиль, не поспевали за ним.

— Сейчас въедем в станицу, — обратился адъютант к шоферу. — От конвоя ни на шаг.

Серая лента большака уперлась в буровато-

Не стесняясь никого, Александр Дмитриевич поцеловал хлебное зерно, пересыпал с ладони на ладонь.

розовые сады, затерялась в нагромождении белых домиков. Над ними, властвуя и паря, высились, будто раздутые, главы-луковки церкви. Оттуда уже доносился колокольный звон. Автомобиль подкинуло и тряхнуло так, что генерал повалился на дверцу и должен был ухватиться за мягкий подлокотник. Новый «роллс-ройс» неуклюже занырял по колдобинам и ухабам: вверх-вниз, вверх-вниз, как по волнам.

— Поздравляю вас, Антон Иванович, — обернулся адъютант, — с прибытием в один из очагов мировой цивилизации...

— Напрасно смеетесь, голубчик. Тихорецкая — это хлеб Царицына, а Царицын... Он сейчас для красной Москвы поважнее, чем Рим и Спарта, вместе взятые.

Позвольте! Что это? Откуда-то слева потянуло гарью. Нет, не той специфической гарью, запах которой неизменно сопутствует войне. Это был особый — въедливый и сытый одновременно — чад, угарный и неотвязный, тревожно знакомый и памятный запах. Ну, да! Он слышал его на фронте, когда немцы подожгли армейские склады провианта. Да, да! Конечно, это хлеб горит...

Автомобиль двигался в плотном окружении казаков. Прохожие, завидев их демонически черные бурки, спешили в стороны. Любопытные станичницы выглядывали из-за гераней и тюлевых занавесок. На железнодорожном переезде путь генералу преградила толпа. Казаки привычно и живо разметали ее надвое, освободив широкий проезд. Но Антон Иванович положил руку на плечо шофера.

— Минутку, — обратился он к пехотному капитану, погоны которого выделялись в толпе. — Что такое?

— Комиссара поймали, ваше превосходительство! — Капитан вытянулся, выступив из

толпы. — Хлеб жег. Станционные склады спалил, тысяч тридцать пудов — целый состав!

Солдаты расступились, и перед генералом предстал крупный молодой человек в грязном армейском белье. Переступая босыми ногами, он придерживал разодранный ворот рубашки, словно старался укутаться. Большие глаза его, заплывшие от побоев, смотрели печально и в то же время вызывающе, даже как-то задорно. Кто он? Вчерашний мастеровой? Или студент, увлеченный идеями Маркса? Может быть, офицер, изверившийся в правоте того дела, за которое бьется белая армия? Есть ведь и такие...

Здоровое, розовое плечо пленника, заметное сквозь располосованный рукав, пробудило в генерале зависть, которую всегда вызывает вид молодого тела у старика. И тут же, проникаясь состраданием, Деникин подумал: «Ох, несладко тебе придется через полчаса, когда попадешь к мастерам вырезать звезды на чужих спинах». При этой мысли мурашки побежали по собственной спине Антона Ивановича, захотелось как-то облегчить участь молодого человека: неужто он сжег хлеб, которого так много надо, чтобы поддержать силы и здоровье в его большом теле? Подавив невольную жалость, спросил:

— Это правда? Ты поджег?

Пленник молчал, опустив голову и отведя взгляд.

— Он! Он! — закричали из толпы казаки-бородачи. — Мы его во как знаем, ваше превосходительство! При Советах комиссаром продовольствия здесь был.

— Сколько хлеба по станицам-хуторам набрал, ужасть!

— И все в Царицын, в Царицын гнал! Их тут целая шайка была — компрод. А энтот у их верховодил. Его из самой Москвы сам главный хлебный комиссар прислал... Денно и нощно хлеб отправляли. Полки ихние станцию оставили, а энтот, комиссар то есть, как бешеный, все грузил, все отправлял!..

Не слушая дальше бородачей, Деникин обратился к пленнику:

— Зачем ты сжег хлеб, который сам запасал?

— Зачем?.. Шутить изволите, ваше превосходительство. — Пленник усмехнулся, с бесшабашно лихой дерзостью тряхнул головой да так глянул в глаза, что Антон Иванович поспешил отвести взгляд.

— Ну, а все-таки? — продолжал настаивать Деникин.

— Чтобы встретить тебя по достоинству. Это наша вам хлеб-соль, примите на доброе здоровье. — Юноша кивнул в ту сторону, откуда попрежнему тянуло гарью.

— Ну, что ж... — насупившись, произнес Деникин. — Только зря все это: дело ваше битое. — И тронул плечо шофера.

— Битое? — встрепенулся молодой комиссар. — Эх, ты! Да что с тобой толковать?! Хлебсоль тебе на крышку гроба...

Уже далеко позади осталась будка у железнодорожного переезда, уже не слышно стало гудения толпы, а перед глазами Деникина все стоял босой юноша и улыбался чему-то своему, недоступному пониманию главнокомандующего: «Хлеб-соль тебе на крышку гроба...»

Невеселые размышления постепенно захватили Антона Ивановича. Ведь нарочно начал наступление, чтобы не дать красным воспользоваться хлебом нового урожая!.. Пушки бросают, пулеметы, а хлеб... Видно, продовольственное дело у них поставлено лучше военного. Да так оно и должно быть: хлеб — оружие пострашнее любых пушек и пулеметов. Надо распорядиться, чтобы с продовольственными комиссарами не церемонились. Поступать, как с лазутчиками, как со шпионами! Нет, еще строже! Куда уж строже-то?.. Все равно! Жесточайшим, беспощаднейшим образом!..

Между тем автомобиль подкатил к церкви. Депутация отцов станицы — землевладельцев, духовенства, «истинных демократов от торговли» — встретила генерала с хлебом-солью на подносе, покрытом расшитым белоснежным рушником. Один оратор-патриот сменял другого. Деникин все смотрел на вышитых петухов, и ему, как предсмертный вздох, все слышался молодой сочно-звонкий голос продовольственного комиссара:

«Хлеб-соль тебе на крышку гроба...»

«Верно ведь, есть такой старый обычай... Ничего, ничего-о! — упрямо утешал себя генерал. — Мы еще посмотрим, кто кого. Впереди у нас прямой путь на Царицын, а Царицын — этто!.. Что там толковать?! Вперед! Вперед, к Волге!»

* * *

«Дорогой Александр Дмитриевич! Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом.

Предписание: три недели лечиться! И слушаться Лидию Александровну, которая Вас направит в санаторий.

Ей-ей, непростительно зря швыряться слабым здоровьем. Надо выправиться!

Привет! Ваш Ленин».

«...Наркому тов. Цюрупе предписывается выехать для отдыха и лечения в Кунцево в санаторию.

Предс. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Александр Дмитриевич спрятал два листочка из ленинского блокнота, которые ревниво хранил, и выглянул в окно. Экое буйство зелени! Тишина, безмятежность, минувший век... Трудно поверить, что вокруг бурлят страсти — миллионы людей воюют в кольце фронтов.

Нет! Невозможно, немыслимо сидеть сложа руки в этом усадебном благополучии! Схватил пиджак, стремительно вышел из душной комнаты. Пройдя через парк, поднялся на косогор — и перед ним открылось ржаное поле. Как хорошо! Легкость какая! Кажется, сразу два десятка

лет скинул. Вскочить бы сейчас в седло и скакать, скакать по дороге меж хлебов!..

Он занес ногу, чтобы шагнуть, но под ней зашевелились живые хлебные стебли, вымахавшие посреди тропинки. Остановился. Не сорвал — только прикоснулся к ближнему колосу, оглядел «с ног до головы»: «Здравствуй! Представься, пожалуйста. Покажи характер и лицо. Так... Колоски собраны в длинный двурядный колос на неломком стержне. Чешуйки, ости — все, как полагается. По скольку зерновок в колоске? По четыре! Да ты у нас богатырь. Зерно еще неспелое... В стадии восковой, нет, молочно-восковой спелости. Рано убирать, но скоро...»

Никогда еще не ждал он так урожая, никогда так нетерпеливо не вглядывался, не вслушивался в природу. Конечно, и прежде ему было знакомо нетерпение земледельца, ожидающего плоды своего труда. Но теперь... теперь было совсем другое. В этом колосе, известном человеку с незапамятных времен, неподвластном ни войнам, ни революциям, воплотились сейчас судьбы и войны и революции. Маленький, хрупкий на вид — кажется, дунь, и нет его, — но всесильный колос хранил в своих зернах прошлое, настоящее, будущее.

Давно уже люди заприметили, что зерно хранит память о родине — о той земле, на которой выросло. Из теплых стран оно лучше, чем из холодных. Во влажных долинах родится хуже, чем на высоких нагорьях. Да, немало он знал, этот хлебный колос, немало помнил, немало мог рассказать тому, кто умел слушать и слышать. И его, Цюрупы, судьба наверняка таилась, вызревала в зернах этого колоса вместе с судьбами будущих урожаев. Ну-ка, добрый колос, расскажи-поведай, что там впереди...

Урожай... Жизнь... Победа. И мы победим. Иного пути у нас нет. Победим. Будем сильны, прекрасны, счастливы. Станем славны и тем, что наши дети никогда, никогда не познают голода. Верно ведь, товарищ колос? Так ведь? Победим, вызволим Машу с детьми...

Конечно, Александр Дмитриевич не знал этого и не мог знать, а колос — все может статься —

Слушая музыку Баха...

уже предчувствовал, как Маша с детьми будет освобождена.

Так будет, и Ленин тут же напишет Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету:

«Цюрупа получает 2000 руб., семья 7 чел., обеды по 12 руб. (и ужин), в день 84×30= = 2520 рублей. Недоедают! Берут 4 обеда, этого мало. Дети — подростки, нужно больше, чем взрослому. Прошу увеличить жалованье ему до 4000 руб. и дать сверх того пособие 5000 руб. единовременно семье, приехавшей из Уфы без платья»...

Александр Дмитриевич еще не знал, что ошибется Ильич, написав так. Не семеро будет в твоей семье, Александр Цюрупа, а восемь человек. Восьмая — воспитанница Гайша́ Бика-Гиреева. Какой это будет жалкий, беспомощный, затравленный ребенок, когда ты ее подберешь, потерявшую родителей, полуживую от голода. Всю еду, все, что дадут, будет прятать под подушку. Как только Маше удастся ее отмыть? Непонятно, а все же отмоет, подкормит, чем сможет. У самих негусто, да уж куда ни шло: где пятеро детей, там и шестеро... В общем, ничего: «А мы ее... и несоленую», — как говаривал когда-то известный тургеневский мужик.

И о том, как закончится война, мог бы рассказать хлебный колос, и о том, как Ленин придет в гости к Александру Дмитриевичу. Присядет на корточки перед младшим сыном Воликом, поднимет, усадит на колени: «Тс-с!» Знакомый пианист будет играть «Итальянский концерт» Баха. Покажется, будто можно дотронуться до звуков, — потоком они вольются, вторгнутся, вломятся в комнату. Заполнят ее, величественные и нежные, спокойные и взволнованные, то сумасбродные и рассудительные, то радостные и скорбные одновременно, как сама жизнь. Да, он всегда помогает своей музыкой, Иоганн Себастьян Бах, помогает и в светлую и в трудную минуту. Знает сам и тебя заставляет поверить, что любовь безгранична, а добро несокрушимо.

Думая о том же, о чем и Цюрупа, чувствуя так же, Ленин склонится к нему и тихо, не мешая пианисту, скажет на ухо:

— Слушаю Баха, и мне начинает казаться, что никогда не умру.

Александр Дмитриевич глянет на Ильича и шутя признается:

— В последнее время мне не раз казалось, будто я мертв. Но тут же я вспоминал, что план заготовок не выполнен, и поднимался.

— Да-а... — Ленин вздохнет и опять тихо, доверительно: — Даже мы, современники, не вполне отдаем себе отчет, чего стоило прокормить страну, когда были отторгнуты самые хлебные области...

— Владимир Ильич! — Цюрупа смутится и протестующе всплеснет руками: — Ну к чему это?

— А к тому, — Ленин теснее придвинется, так что Волик у него на коленях заерзает, — хочу, чтоб вы знали мое мнение о вашей работе. Считаю аппарат Компрода лучшим у нас, обязательно скажу об этом на съезде партии. Наша продовольственная политика, которую вы проводили, спасла Революцию, Советскую власть. Казалось, это борьба только за хлеб; на самом деле — за социализм. Действуйте...

Много предстоит еще действовать! Вскоре Александр Дмитриевич будет назначен заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров — заместителем Ильича. Через некоторое время лягут на него и заботы Народного Комиссара Рабоче-Крестьянской Инспекции. А когда будет создан Союз Советских Социалистических Республик, Александр Дмитриевич станет одновременно заместителем Председателя Совнаркома, Совета Труда и Обороны СССР, Председателем Госплана, потом возглавит Народный Комиссариат Внешней Торговли. Все это, не считая работы члена Центрального Комитета партии, члена Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Исполнительного Комитета СССР.

Однажды он вернется домой и обратит внимание на яркую книгу, присланную издательством: «Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Первая Конституция первой Республики Труда.

Задумчиво перелистает страницы.

«Россия объявляется Республикой Советов... Уничтожение эксплуатации человека человеком... Не трудящийся да не ест...»

Александр Дмитриевич закроет книгу, но тут же снова раскроет, подсядет к письменному столу, обмакнет перо, замешкается. Не послышится ли кому-нибудь претензия в том, что хочет написать? Но ведь каждую буковку в этой книге он по праву мог бы считать своей — выношенной, выстраданной, вписанной годами лишений и беспредельного, как сама Революция, труда. То, что он хочет высказать, раскроет его судьбу, его характер и, конечно же, никак не умалит скромности.

Он решительно выведет на титульном листе Конституции, как дарственную надпись автора: «Моим детям — вместо завещания. А. Цюрупа...»

Так будет. А пока... Царицын представился ему хлебным колосом Революции, у которого Деникин подрезал корень. Надо действовать. Надо добывать Хлеб Революции, кормить страну, сжимаемую кольцом фронтов. Так хочется пожить спокойно, тихо, отдохнуть хотя бы день!.. Кто бы знал, чего стоит каждый день — каждый час! — нести это бремя! Каждый день — каждый час! — спотыкаться, падать, заставлять себя подниматься и снова шагать, шагать, под огнем и ветром, вперед — только вперед...

Он выпустил из рук вещий колос, вернулся в санаторий, собрал нехитрый багаж и к вечеру был уже в рабочем кабинете.

КОНЕЦ

С. ГЕРАСИМОВ.
В. И. Ленин на II съезде Советов.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Из поэмы «Владимир Ильич Ленин»

Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал — все.
Я слышал
рассказ
крестьянина-сибирца.
Отобрали,
отстояли винтовками
и раем
разделали селеньице.

Они не читали
и не слышали Ленина,
но это
были ленинцы.
Я видел горы —
на них
и куст не рос.
Только
тучи
на скалы
упали ничком.
И на сто верст
у единственного горца
лохмотья
сияли
ленинским значком.

УЛЬЯНОВСК— ВЛАДИМИРА

Флигель, в котором 22 апреля 1870 года родился Владимир Ильич Ульянов.

Роберт БАБЛОЯН

Ульяновск — город, о котором мы знаем с самых ранних лет, в который мечтаем попасть повзрослев и который не перестаем любить до глубокой старости...

Семнадцать лет прожил здесь Володя Ульянов. И каждая страница жизни будущего вождя революции — даже годы детства — для нас, его потомков, интересна и поучительна.

Внизу на снимке — панорама старого Симбирска. Сюда семья Ульяновых приехала из Нижнего Новгорода в 1869 году и поселилась на улице Стрелецкой. Три дома, в которых в разное время жили Ульяновы на этой улице, ныне тщательно реставрированы и перенесены на территорию Ленинского мемориала. На верхнем рисунке — дом, в котором 10(22) апреля 1870 года родился Володя Ульянов. Этот флигелек был первой в Симбирске квартирой инспектора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова и его семьи.

Дом, в котором Ульяновы жили в 1870—1871 годах, тоже находится сейчас на территории мемориала. Теперь здесь выставка подарков Музею В. И. Ленина и городу Ульяновску от его гостей.

Дольше всего Ульяновы жили на улице Стрелецкой в третьем доме — с 1871 по 1875 год (снимок внизу). Здесь их квартира состояла из гостиной, кабинета Ильи Николаевича, детской и столовой.

Илья Николаевич и Мария Александровна рано научили своих детей азбуке, арифметическому счету. К пяти-шести годам дети уже умели читать. С семи лет родители Володи стали готовить его в гимназию. В августе 1879 года педагогический совет Симбирской мужской классической гимназии зачислил его в первый класс. (Теперь в этом здании школа № 1.)

Более шестисот улиц и переулков в сегодняшнем Ульяновске.

И многие улицы, здания, памятные места связаны с Лениным, с его родителями, братьями, сестрами.

Ленинский мемориал. 16 апреля 1970 года — накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина — состоялось его открытие. Три года длилась гигантская, поистине всенародная стройка. Из Тулы и Ленинграда шли металлоконструкции, с Украины — гранит, из Армении и Гру-

Так выглядела улица Стрелецкая в конце прошлого столетия.

РОДИНА УЛЬЯНОВА

Фотографии Б. СМИРНОВА, А. АЛЕКСАНДРОВА

зии — мрамор. Москвичи делали облицовку, саратовцы — стекло...

Ленинский мемориал — это комплекс сооружений. Сюда входит громадное здание, опирающееся на пятьдесят колонн. Здесь размещаются Ульяновский филиал Центрального музея В. И. Ленина, Дом политического просвещения обкома КПСС и Большой зал мемориала.

Во внутреннем дворике мемориала три дома, с которыми связано раннее детство Владимира Ильича. Мы уже рассказывали о них.

— Вас интересует количество посетителей? — говорит Антонина Ивановна Томуль, директор Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина. — Пожалуйста. Со дня открытия мемориала, за десять лет, здесь побывало семь миллионов экскурсантов.

В экспозиционном зале много света, он впечатляет своим простором и торжественностью. Посетители становятся здесь собраннее, сосредоточеннее и, как мне кажется, требовательнее к себе.

За несколько часов пребывания в музее посетитель может познакомиться с тем или иным периодом из жизни вождя, внимательно вчитаться в пророческие его строки, услышать го-

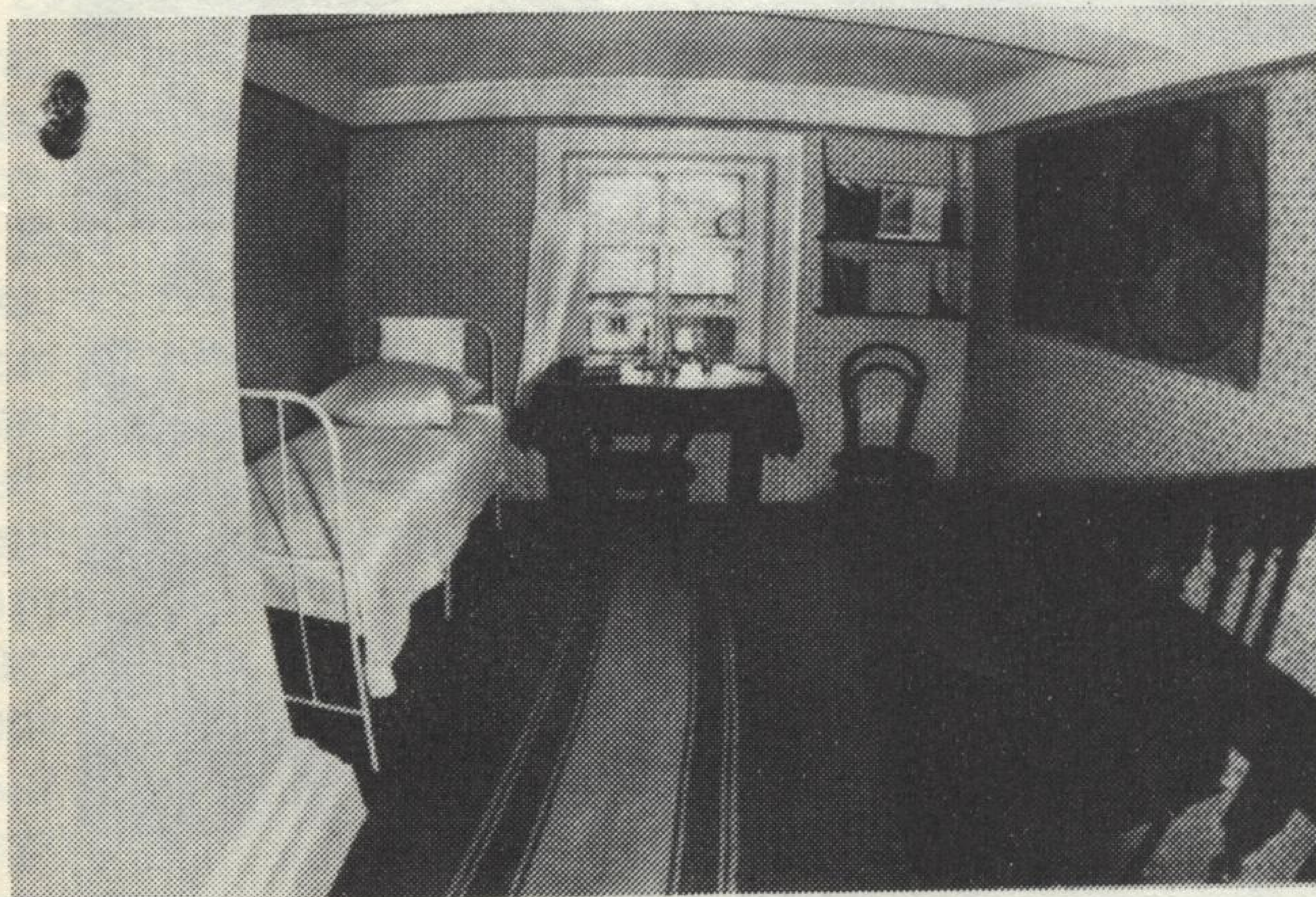
Ежегодно в день рождения вождя к его памятнику приходят ульяновские пионеры.

Здание гимназии, где учился Володя Ульянов.

На верхних снимках — письменный столик, за которым Володя Ульянов готовился к занятиям, и его спальня.
Внизу — общий вид Ленинского мемориала.

лос Ленина, записанный на пленке, увидеть живого Ленина на небольшом экране в документальном кинофильме, снятом более полувека назад.

Кто из нас не знает о любви Ленина к книгам? Он был читателем многих библиотек крупнейших городов Европы. Петербург, Лондон, Париж, Берн, Стокгольм, Прага... Долог этот список.

Но первое место в этом ряду, конечно, принадлежит скромной, сохранившейся и поныне библиотеке родного города. Карамзинская публичная библиотека — одна из старейших в России — основана в 1848 году. Теперь здесь Дворец книги имени В. И. Ленина.

Да, нам дорога каждая улица, каждый дом, связанные с ранним детством и юношескими годами Владимира Ильича. Первый дом, первый класс, первая библиотека, первый театр... Сохранилось и здание бывшего Симбирского театра, где часто бывал гимназист Владимир Ульянов...

После многих переездов семья Ульяновых в 1878 году наконец приобретает собственный дом на бывшей Московской улице. Здесь они прожили до 1887 года. Из этого дома Владимир Ильич с аттестатом зрелости отправился в Казань в университет, навсегда простившись с родным городом...

Среди других памятных документов он увез из родного города и такой:

«Весьма талантливый, постоянно усердный и аккуратный, Ульянов во всех классах был первым учеником и при окончании курса награжден золотою медалью, как самый достойнейший по успехам, развитию и поведению».

Такой была характеристика, выданная Владимиру Ульянову после экзаменов на аттестат зрелости.

Ребята, вдумайтесь в эти строки!

Н. В. ПОПОВА,
член Президиума Союза советских обществ дружбы, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

СТАНОВИТЕСЬ В РЯДЫ БОРЦОВ ЗА МИР!

...Память снова и снова возвращает меня к январским дням 1924 года. По городу разнеслась весть о смерти Ленина. Мы, молодежь, собрались в нашем комсомольском клубе, убрали из зала лишнюю мебель, укрепили на стене большой портрет Ильича. Каждый с трепетом ждал той минуты, когда он станет в траурный почетный караул.

Эти скорбные дни заставили каждого из нас заглянуть в себя, тверже определить свой путь. 22 января 1924 года, стоя в карауле у портрета Ильича, я дала себе обещание посвятить всю жизнь служению делу мира и справедливости.

...Я вспоминаю самые тяжелые дни Великой Отечественной войны — враг рвался к Москве.

Многие на Западе были уверены, что Москва вот-вот падет. А в это время у нас в Колонном зале Дома союзов шел антифашистский митинг. Его участницы — советские женщины обратились ко всем женщинам мира: «Создавайте единый фронт борьбы против кровавого гитлеризма! В нашем единении сила и залог победы! Наше дело правое, враг будет разгромлен, мы победим!»

Величайшее движение современности — борьба за мир между народами — родилось в пламени войны против фашизма. И вся моя последующая жизнь связана с этой борьбой.

...Июнь 1945 года. На грузовом «дугласе» мы летим над дымящимися развалинами Европы на конференцию участниц движения Сопротивления Франции. Мне выпала честь возглавлять советскую делегацию. На этой встрече было решено создать Международную демократическую федерацию женщин. Через несколько месяцев открылся учредительный конгресс МДФЖ. Президентом этой организации стала героиня Сопротивления Эжени Коттон. Генеральным секретарем единогласно была избрана Мари-Клод Вайян-Кутюрье — человек удивительной судьбы. Она появилась в разгар работы конгресса прямо из фашистского лагеря смерти. «Как член подпольной организации Освенцима, я должна была покинуть его последней!» — так объяснила Мари-Клод причину своего опоздания. В руководство федерацией были избраны Долорес Ибаррури — героическая дочь испанского народа; Цола Драгойчева — народная героиня Болгарии, ее фашисты дважды приговаривали к смертной казни. Позднее в руководство федерации вступили многие мои замечательные современницы — Вилма Эспин Гильойс, соратница Фиделя Кастро; Анджела Дэвис — несгибаемый борец против расизма; Фрида Браун — выдающийся общественный деятель Австралии, нынешний президент МДФЖ; Нгуен Тхи Динь — в годы войны заместитель главнокомандующего Народными Вооруженными Силами Южного Вьетнама. Эти героические женщины удостоены звания лауреатов международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Еще на заре Советской власти, когда мы не имели дипломатических отношений со многими капиталистическими государствами, В. И. Ленин говорил: «Мы видим, что каждый год и даже каждый месяц число сторонников и друзей Советской республики внутри каждой капиталистической страны растет в 10, в 100, в 1000 раз, и надо сказать, что у нас друзей и союзников больше, чем мы это знаем!»

Огромную роль в укреплении мира играют общества дружбы. В их работе участвуют миллионы советских людей, целые коллективы колхозов, предприятий, учреждений. Особенно приятно, что среди активистов обществ дружбы — сотни школ и КИДов.

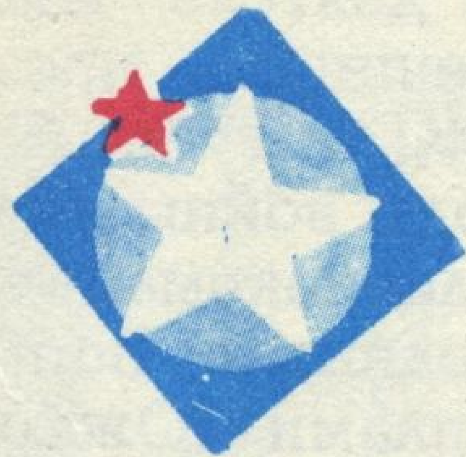
И мне хочется напомнить вам, ребята, слова выдающегося государственного и общественного деятеля нашего времени, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Леонида Ильича Брежнева, сказанные в августе прошлого года в Артеке: «Каждое поколение вносит свой вклад в историю, и вам тоже предстоит вписать свои страницы в биографию человечества. Настанет время, из рук старших вы примете эстафету социального и научного прогресса, возьмете на себя заботу о своей стране, о мире... Становитесь в ряды борцов за народное дело, за мир на земле!»

Этими словами Леонид Ильич напомнил вам, ребята, важнейший ленинский завет.

ЗАОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА
ШКОЛЬНЫХ ЛЕНИНСКИХ МУЗЕЕВ И КОМНАТ

ШКОЛЬНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ МУЗЕЙ. ЛЕНИНСКАЯ КОМНАТА.

**Как много их в нашей стране.
В каждом городе, каждом селе,
каждом поселке.
Тысячи, десятки тысяч.
Все здесь сделано руками ребят
любовно и старательно.
Это центр жизни школы, ее сердце.
Здесь звучит пионерская клятва,
вручается октябрятская звездочка,
комсомольский билет.
Здесь торжественно рапортуют ребята
о своих победах и успехах.
Ведут принципиальный разговор
об активности, гражданской позиции,
поверяют свою жизнь
ленинскими принципами и заветами.
Слава и авторитет некоторых музеев,
созданных ребятами,
давно уже перешагнули школьные границы —
их знают в других городах,
к ним обращаются за советом,
приезжают и пишут
из разных уголков страны.
Такие музеи носят имя Народных.
Заслужить это непросто и очень почетно.
Множество музеев откликнулись
на перекличку «Пионера».
Ребята рассказывали в своих письмах
не только об экспонатах,
альбомах и стендах.
Они говорили о том, как взрослеют душой,
как нравственно закаляются,
соприкасаясь с жизнью Ленина.
«Пионер» благодарит
всех наших корреспондентов —
все школьные музеи и ленинские комнаты,
принявшие участие в перекличке.
Сегодня, в канун 110-й годовщины
со дня рождения великого вождя
первого в мире государства
рабочих и крестьян
Владимира Ильича Ленина,
мы приглашаем на наши страницы
школьные ленинские музеи Москвы
и Ленинграда, Казани и Пскова,
Горок Ленинских,
ребят из польских поселков
Поронин и Белый Дунаец...
Эти города и поселки дороги сердцу
каждого человека — здесь жил
и работал Владимир Ильич Ленин.
Как хранят ребята ленинские традиции?
Как берегут историю
священных для каждого человека
ленинских мест?
Об этом рассказы
специальных корреспондентов
журнала «Пионер».**

В нашей школе есть ленинский уголок. Здесь всегда пионерский пост. На столах разложены книги о Ленине, о его соратниках, друзьях. Сюда можно прийти, когда хочешь. Почитать, посмотреть альбомы с репродукциями. И хотя за столами всегда много ребят, здесь удивительно тихо.
Эльвира Ахатова, село Теньки, ТАССР

Моя любимая книга — «Вишневый сад» Зои Ивановны Воскресенской. Книга о том, как семья Ульяновых спасла от морозов вишневый сад. Мама и папа подарили мне ее в день рождения.
Гуля Садыкова, г. Ишимбай БАССР

У Ленина мы учимся доброте, отзывчивости, целеустремленности. О Владимире Ильиче мне рассказывала бабушка — она сама видела его.
Дима Дудко, г. Зеленоград

Я была совсем маленькой, а мой брат учился уже в шестом классе. Он учил дома стихотворение „Ленин и печник". Увидел, что я внимательно слушаю, и стал рассказывать мне о Ленине.
Салима Хайретдинова, пос. Янаул, БАССР

Я много читала о том, каким честным и правдивым рос Володя Ульянов. Однажды я дома разбила вазу. Очень трусила и хотела соврать. Но сказала правду.
Лена Кравцова, г. Кемерово.

Когда мы, первоклассники, впервые перешагнули порог школы, нас прежде всего повели в школьный ленинский музей.
Аскар Нуриалеев, г. Уфа.

ЛЕНИНГРАД НАРВСКАЯ ЗАСТАВА

«Пусть не для истории, пусть только для себя...»

Ленинская комната в интернате № 40 всегда самым главным местом в школе считалась: тут и в пионеры принимали и в комсомол. Ребята приносили сюда книги о Ленине, репродукции с его портретов. На уроках труда мастерили для ленинской комнаты кто макет шалаша в Разливе, кто макет дома, в котором Владимир Ильич жил в Шушенском. Экспозиция была не бедная, младшие ребята гордились своей ленинской комнатой, а старшие... Старшие вслед за учителями, за пионервожатой Еленой Ивановной все чаще говорили: чего-то нам не хватает...

Не сразу, но додумались: неповторимости не было, «единственности». Точно такие же комнаты, с такими же экспонатами можно увидеть и в других школах, в других городах.

Но у них-то город особенный! Недаром он назван именем Ленина: здесь можно найти людей, которые слышали Ильича, здесь сохранились дома, в которых он бывал, комнаты, где он жил и работал.

Вот чего не хватало их музею! Умения найти ленинские места **своего** города, самим пройти по камням, которые Ленина помнят. Пройти, а потом, если получится, рассказать об увиденном.

Школа-интернат № 40 расположена на окраине города, за Нарвской заставой. Неподалеку находится производственное объединение «Кировский завод». В состав его входит завод, называвшийся раньше Путиловским. Ребята привыкли слышать, сами не раз повторяли: «Славные традиции Нарвской заставы», «Знаменитый Путиловский завод». А что это за традиции и почему завод знаменитый знали не очень-то хорошо. Что называется, «в общих чертах», не задумываясь.

Вот эти темы: «Революционные традиции рабочих Нарвской заставы», «Ленин и путиловцы» — выбрали учителя, комсомольцы и пионеры интерната для того, чтобы собрать материал для своего ленинского музея в год, когда весь мир отмечает 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича.

На традиционной пионерской линейке 2 октября каждый отряд получил свиток плотной бумаги, там было записано задание, тема, над которой будет работать отряд.

Поначалу, когда взялись за работу, мечтали ребята о великих исторических открытиях. Но очень скоро узнали с огорчением, что опоздали: история Октябрьской революции, все, что связано с именем Ленина, тщательно изучено, с любовью собрано, хранится в государственных архивах и музеях.

— Что приуныли, исследователи? — спросила Елена Ивановна Егорова, старшая пионервожатая интерната.— Открытия делают не только для истории. Открытия можно делать и для себя. А тут вам работы — край непочатый.

Верно сказала: работы край непочатый, открытий «для себя» хватает, а поле деятельности рядом, возле самой школы.

Начали с библиотек. Почитали об истории своего района, Путиловского завода, Нарвской заставы. Захотелось повнимательнее рассмотреть то, о чем прочли. Отправились в музей Кировского завода, потом — в музей Нарвской заставы.

И вот что узнали.

История Путиловского завода тесно связана с историей Революции. В июне 1894 года стачка прокатчиков на Путиловском заводе привлекла внимание двадцатичетырехлетнего Владимира Ильича Ленина. В декабре того же года Ленин впервые посетил завод.

С 1896 года на Путиловском заводе работал Михаил Иванович Калинин. «На заводе я впервые учился классовой революционной борьбе, впервые познакомился с марксизмом»,— писал он впоследствии.

Когда Ленин был сослан в село Шушенское, к нему приходили сосланные в Восточную Сибирь путиловские рабочие.

12 (25) мая 1917 года Ленин выступил перед рабочими Путиловского завода, на многолюдном митинге он произнес речь о задачах пролетариата в революции.

Отряды путиловских рабочих принимали участие в штурме Зимнего. В дни Октябрь-

ского вооруженного восстания путиловские красногвардейцы охраняли Смольный.

Утром 28 октября 1917 года, когда войска Краснова—Керенского шли к Петрограду, Владимир Ильич Ленин обратился к путиловским рабочим с просьбой срочно изготовить вооружение. Путиловцы обещали оборудовать бронепоезд. В ту же ночь, в ночь на 29 октября, Ленин приехал на завод и узнал, что его задание выполнено. «Сделан был поезд добротно, хотя и выглядел неказисто. Под командой путиловца Войцеховского бронепоезд участвовал в боях против контрреволюционных войск Краснова»,— вспоминал потом М. Г. Алексеев.

Изучили литературу и познакомились с музеями, перешли интернатовцы к поисковой работе.

Нашли то место, где находилась конспиративная квартира путиловского рабочего Бориса Зиновьева, там часто бывал Владимир Ильич. Место было известно, но пионеры из 5-го класса в музее Ленина у научных сотрудников узнали, каким путем приходил туда Владимир Ильич. Теперь они сумеют начертить карту и пройти потом по этому пути. Семиклассники выясняют в архиве, как Ленин в первый раз пришел на Путиловский завод: тоже собираются устроить экскурсию по этому маршруту.

— Так,— говорят,— историю лучше воспринимаешь. Когда пешком пройдешь да по сторонам хорошенько посмотришь.

В том же отряде и более сложный маршрут составляют: выясняют, какими путями через Карелию в Петербург доставляли газету «Искра». Когда погода позволит, пойдут в поход и по этому маршруту.

Работа сейчас в самом разгаре, в интернате № 40 итогов не подводят — рано, мол, пока. А мы попробуем. Послушаем, что они сами о себе говорят.

Валерий Павлович Шипов, воспитатель 7-го класса:

— Удивительно! Семиклассники научились исторически мыслить. Самостоятельные выводы делают. Так меня порадовали...

Нора Николаевна Колударова, библиотекарь:

— Раньше наши ребята спрашивали в библиотеке только фантастику да приключения. А теперь только и слышишь: «Дайте историческую книжку!», «Что-нибудь о нашем городе!», «Мне бы о заводах, лучше — о Путиловском»...

Евгений Александрович Клиот, воспитатель 5-го класса:

— Смотрели ребята фильм о Ленине, читали книги о его детских годах, в музее видели похвальные листы Володи Ульянова — и сами словно бы подросли, посерьезнели. Привыкли с себя больше спрашивать. Жизнь Ленина должна быть для них эталоном, мы к этому их приучаем.

Света Яковлева, ученица 4-го класса «А»:

— Мне больше всего запомнилось, что Володя Ульянов приходил в гимназию пораньше, чтобы помочь другим, кому трудно. Я думаю, нам тоже надо больше смотреть, кому бы помочь.

Сережа Донец, из 5-го класса:

— В нашем классе все завели себе такие альбомы, чтобы писать о своей личности. И еще — что я сделал для интерната. А взрослые пишут нам пожелания: какими нам надо быть, кому чего не хватает — трудолюбия там или смелости. Я считаю, это помогает. Я считаю, свои плохие поступки надо записывать, тогда с ними легче бороться. Климат у нас в интернате хороший, очень вредных ребят нету. Но можно и получше быть: не важничать, не задаваться, если хорошо учишься, даже если ты староста.

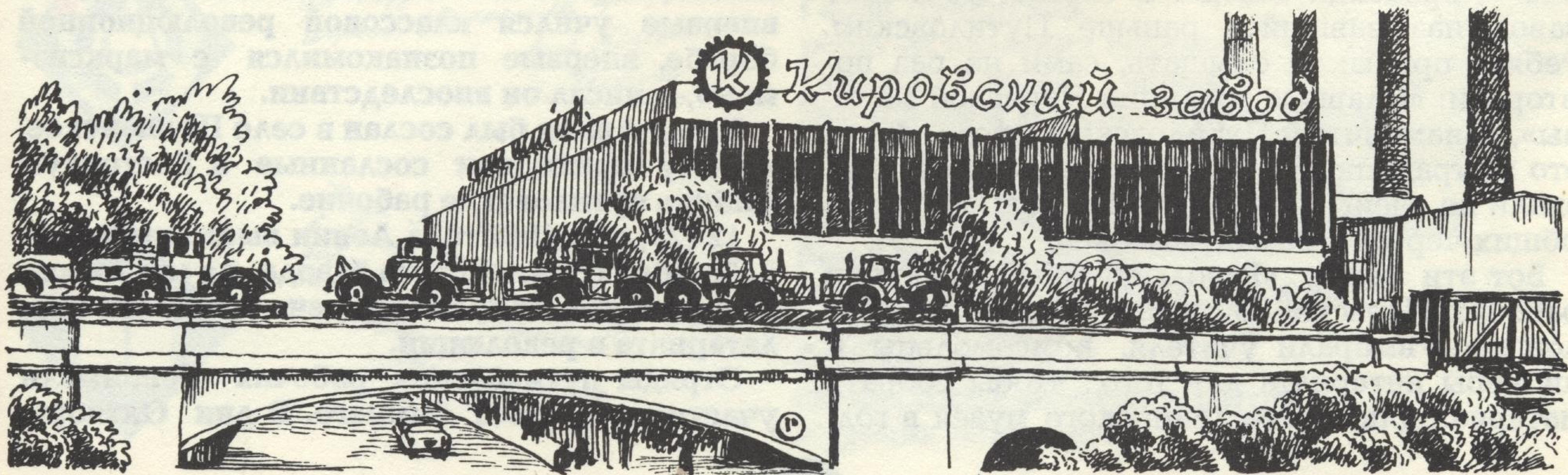
Андрей Монахов, 7-й класс:

— У нас был вечер «За ленинское отношение к природе». Декреты читали о земле, о заповедных зонах. Теперь ребята стали такие бережные — на траву наступить опасаются, не то что цветок сорвать. Я на этом вечере глухарем был. Хорошая роль, крыльями махать можно.

Елена Ивановна Егорова, старшая пионервожатая:

— До этого года все мальчики в интернате мечтали стать моряками: это потому, что у нас шефы — моряки. А теперь все чаще слышу: «Кончу 8-й класс, пойду в ПТУ на Кировский завод». Познакомились с заводом, узнали его историю, его будущее — сами захотели стать кировцами.

С. БОГАТЫРЕВА

Ю. БЕЛОВ. В. И. Ленин у путиловцев.

Гусейн АРИФ (Гусейнзаде)

ИМЯ ЛЕНИНА

Оно зазвучало на нищей
земле
В немеркнущий памятный
год, это имя,
Редеющей ночью,
в клубящейся мгле
Оно возвестило восход,
это имя.
Плеснула народного гнева
река!
И в песенном слове
и в звоне штыка
Оно повторялось для нас
на века,
Как знамя великих
свобод — это имя.
Лежал перед нами
неведомый путь,
Стальные ветра обжигали
нам грудь,
И не было времени нам
отдохнуть —
Звало нас на подвиг,
вперед это имя.

Вперед, через годы боев
и атак,
Сквозь пламя ревущее,
грозы и мрак
Прошли мы, сверяя по
Ленину шаг,
И было как славы оплот —
это имя.
Мы братством труда
и единством сильны;
И МИР записали в Законе
страны,
И будем мы слову вовеки
верны.
И вновь повторяет народ
это имя.
Так здравствуй и крепни,
родная страна!
Могучая, ты побеждать
рождена.
Не меркнут героев
твоих имена.
И в дальнем созвездье
блеснет это имя.

Перевел с азербайджанского А. ГРИЧ.

Сверять жизнь по Ленину

На вопросы журнала «Пионер» отвечает лауреат Государственной премии СССР, писательница Зоя Ивановна ВОСКРЕСЕНСКАЯ

«Пионер». Когда и как впервые вошел Ленин в вашу жизнь, какую роль сыграл в вашей последующей судьбе?

З. И. Воскресенская. Мне было лет одиннадцать-двенадцать, когда я впервые увидела электрическую лампочку, познала волшебный свет маленькой прозрачной груши. Я с трудом поворачивала тугой черный челнок, прикрепленный к стене, и наблюдала, как внутри груши трепетала и накалялась жилка и вдруг комната освещалась ярким, до боли в глазах светом. После тусклой керосиновой лампы, что висела у нас дома на стене и часто горела двумя кривыми рогами, распространяя чад и копоть, для меня электрическая лампочка казалась чудом.

Такое же примерно было у меня ощущение, когда я в пятнадцать лет раскрыла и стала читать небольшую брошюрку, отпечатанную на газетной бумаге, в сереньной обложке, на которой было крупно напечатано: Н. Ленин (В. И. Ульянов) «ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ». Не сразу накалилась живым светом жилка в мозгу и сердце. Не сразу стало все понятно. Помню, с каким терпением разъясняли мне каждое положение этой замечательной книжки старый коммунист Андрей Копьев и старый комсомолец Борис Лещинский. Этим «старикам» тогда было — одному лет двадцать пять, а другому двадцать. Моя жизнь осветилась новым светом. Я вступила в комсомол. Привел меня туда Ленин своей маленькой книжечкой, полной таких больших, удивительных и увлекательных мыслей и откровений, спрессованных в одной фразе: «Учиться коммунизму». Эти ленинские слова стали девизом всей моей жизни. Светили и светят.

«Пионер». Вами написано много книг для ребят о В. И. Ленине и Н. К. Крупской. Что толкнуло вас взяться за перо и вместе с другими советскими детскими писателями участвовать в создании Ленинианы?

З. И. Воскресенская. К этому я готовилась всю свою сознательную жизнь, даже не подозревая, что когда-нибудь отважусь писать о Ленине, о Крупской. А началось с малого. Комсомол поручил мне ответственное дело: быть пионервожатой на заводе имени Калинина в Смоленске, а затем послал работать политруком в детколонию малолетних правонарушителей.

В колонии были одни мальчишки, дети от восьми до шестнадцати лет, круглые сироты, потерявшие родителей в годы гражданской войны. У многих ребят белогвардейцы казнили родителей на их глазах. Миллионы таких детей бродили по стране. По призыву Ленина партия, комсомол, чекисты во главе с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским спасали юное поколение, собирали беспризорных, одичавших детей, определяли их в детские дома и трудовые колонии. Мальчишки в нашей колонии были с огромным запасом житейского опыта, они добывали себе пропитание всеми доступными средствами, в том числе воровством. Многие забыли свои фамилии и были прописаны под кличками: «Чечетка», «Цыган», «Сохатый», «Соленый»... Почти все были неграмотные или только успели овладеть азбукой. Но все знали имена прославленных полководцев и хотели знать все о Ленине, самом отважном, справедливом и мудром человеке.

Тогда были лишь небольшие брошюры и плакаты с краткими биографическими сведениями о В. И. Ленине. А ребят интересовал живой портрет Ильича. На Смоленщине было много старых большевиков, знавших Ленина, вступивших в партию до революции, но они были еще очень молоды и по горло заняты восстановлением хозяйства. Мы, комсомольцы, ловили их на собраниях, останавливали на улицах, жадно расспрашивали о революции, о Ленине. А вечером передавали свои «интервью» нашим воспитанникам. И они, эти отчаянные путешественники, исколесившие на буферах и крышах вагонов всю Россию, познавшие в свои детские годы войну и

голод, переболевшие всеми тифами и «испанками», сидели светлые и строгие, слушая рассказы о Ленине, о революции. И я сама вместе с ними осмысливала величие тех дней и событий, подвиг Ленина.

Так рождались первые устные рассказы о Ленине. Я их не записывала, но с тех пор стало привычкой, когда приходилось бывать в местах, где жил, работал Владимир Ильич, разыскивать людей, которые общались с ним, укрывали от царской охранки и юнкеров Временного правительства, слушали его на митингах и съездах. Более сорока лет назад я прошла по всем ленинским тропкам в Финляндии, побывала во всех домах, где он жил, разыскала многих людей, которые его укрывали. Тогда, в тридцатые годы, большинство их были живы и здравствовали. Много раз встречалась с Оскаром Энгбергом, который отбывал вместе с Владимиром Ильичем свою ссылку в селе Шушенском. Но и тогда я не помышляла писать о Ленине, а использовала собранные материалы в своей пропагандистской работе. Но когда приближалось 90-летие со дня рождения Владимира Ильича, я взялась за перо. Мне, как в далекие комсомольские годы, захотелось рассказать детям, именно детям, о Ленине, его жизненном подвиге, его великой человечности. Ровно двадцать лет назад я опубликовала в журнале «Юность» свой первый рассказ «Сквозь ледяную мглу». С тех пор ленинская тема стала делом моей жизни.

«Пионер». Мы говорим: «Дело Ленина живет и побеждает». Вы состоите в партии коммунистов уже более полувека. Какие, на ваш взгляд, изменения в нашей жизни за последние годы наиболее впечатляющие, что, по вашему мнению, значит сегодня «сверять свою жизнь по Владимиру Ильичу»?

З. И. Воскресенская. Самое большое благо на земле — это мир.

В кровавом хаосе первой мировой войны первым словом победившей социалистической революции, самой бескровной революции в истории человечества, было слово МИР. И его провозгласил Ленин.

Нам навязали две войны. Дважды мировой капитализм в образе Антанты, а затем в обличье гитлеровского фашизма обрушивался на Страну Советов всей тяжестью своих «берт», «тигров», «мессершмиттов», пытаясь раздавить, уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян. Конец обеих войн известен: советский народ выстоял и победил!

Почти тридцать пять лет в Европе сохраняется мир.

Каждый честный человек должен испытывать чувство беспредельной признательности странам социалистического содружества, ведущим самоотверженную борьбу за разрядку международной напряженности.

Мы, советские люди, единодушно и горячо одобряем мудрую внешнюю политику нашей партии, возглавляемой стойким борцом за мир Леонидом Ильичом Брежневым.

«Советский Союз не запугать никому. Наши силы и возможности огромны. Мы и наши союзники всегда сумеем постоять за себя и дать отпор любым враждебным наскокам».

Эти слова Л. И. Брежнева вселяют уверенность, воодушевляют на новые трудовые подвиги.

Самым знаменательным событием последних лет в жизни нашей страны я считаю принятие новой Конституции, в которой законодательно закреплены воплощенные в жизнь заветы Ленина, предначертан величественный путь нашего народа к коммунизму. Сто сорок миллионов человек приняли участие в обсуждении проекта Конституции. Сотни тысяч предложений, пожеланий, поправок поступили в комиссию. Такого примера народного творчества история человечества не знает.

Советские люди встречают 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина как светлый праздник, преисполненные стремлением жить, учиться, трудиться по-ленински!

Лена БОНДАРЕВА занимается в литературно-творческой студии и в кружке художественного слова. Живет она в городе Херсоне. Лене 14 лет.

Ленин

Горит над миром ленинское знамя,
Нас ленинские мысли окрыляют.
Живет Ильич! Он вечно будет с нами,
Его слова на подвиг вдохновляют.

На нас с улыбкой смотрит он с портретов,
И взор его прекрасный, светлый, чистый:
— Счастливого пути вам в жизни, дети!
Ведь вам продолжить дело коммунистов!

«Однажды вечером, идя домой, я начал что-то бормотать про себя. Эти слова я повторил вслух и вдруг понял, что это стихи. Прибежав домой, я записал их в блокнот. Потом старательно доработал стихи и теперь посылаю их вам. Учусь я в 8-м классе. Куанбек ЛЮПОВ». Остается добавить, что живет Куанбек в селе Мало-Узень Саратовской области.

Уходящей зиме
Я крикнул вослед:
«Зима, что будет,
Скажи, на Земле
Через тысячу лет?»
Голос зимы
Слышится мне в ответ:
«Жизнь».

«Я люблю читать и слушать стихи и много сочинила их сама»,— пишет Лена КОПТИЛИНА. Лена живет в Москве, учится в 6-м классе.

Подснежник

Расцвел весной
В проталинке подснежник.
Любопытный, маленький,
Самый первый, нежный.
Увидев в небе облачко,
Спросил он осторожно:
«А вас потрогать можно?»

Володя МИРОШНИКОВ живет в селе Молчаново Амурской области, учится в 8-м классе.

Ледоход на Амуре

По Амуру идет шуга!
Тихий гул, и вода вздымается.
Лед идет! Лед трещит и шумит!
Хочет выдержать лед, но ломается.

И со вздохом падают льдины
Друг на друга, и слышится гул.
Синий лед и весеннее счастье
По течению мчит Амур!

Долго льдины плывут вереницей
И в погоду и в синий туман,
Как летят караванами птицы,
Возвращаясь из дальних стран.

ШАЛАШ В РАЗЛИВЕ.
Сергей ОЧКИН, 11 лет.

НА ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЕ.
Алеша ИЛЬИН, 10 лет.

*

Наташа ЖУКОВА учится в 7-м классе. Она из села Александровка Тамбовской области.

Весна в лесу

У леса топчутся грачи,
Как важные персоны.
Проковылял «храбрец» косой,
По-моему, он сонный.

А на поляне старец дуб
Под солнцем греет плечи,
И под ногами у него
Малец ручей лепечет.

*

Другая Наташа ЖУКОВА живет в городе Гомеле. Вот какие стихи сочинила она.

Рушник

Мы сегодня лен трепали.
Мяли его, били.
Что вы, что вы! Не ругали,
Мы его хвалили!

Да и он не обижался,
Чистым волоком остался,
Серой ниткой стал потом,
Дальше — чистым полотном.

Мы белили-вышивали
Синим васильком,
К празднику веселому,
Стал он рушником!

Эти стихи Ира ЯКУШЕВА сочинила еще в 1-м классе. А сейчас она учится в 3-м. Живет Ира в городе Катайске.

Серый ослик

Весь он серый-серый,
Симпатичный ослик.
Серенькие ушки
И спина и хвостик.
Увидав павлина,
Он сказал со вздохом:
«Ну и пусть я серый.
Разве это плохо?»

*

Лена МОРОЗОВА живет в Москве. Сейчас она учится в 7-м классе 610-й школы. Этот рассказ она сочинила в 4-м классе.

Разговор обиженных вещей

— Фуф! Апчхи! Апчхи! — Это сказала Меловая Тряпка.— Я вся пропиталась меловой пылью! А эти забывчивые ребята даже не подумали меня вымыть.

— Тебе еще ничего.— Это скрипучим басом вмешалась Дверь.— А вот меня каждый пинает ногой, все бока поотбивали...

— Подумаешь! — Это наперебой захныкали и запищали Парты.

— Я вся исцарапана ножом!

— Я вся исписана...

— А во мне воз бумаги!

Тут не выдержали и Шкафы:

— А нас, вы думаете, нас ценят?

Ручка, которая лежала под партой, пискнула:

— Думаете, мне не обидно? У папы одного мальчика, моего нынешнего хозяина, я всегда лежала в футляре, была заправлена и никогда не делала ни одной ошибки. А этот, этот мальчишка...— Тут Ручка заплакала.— В каждом слове он заставляет меня делать по две, по три ошибки, я не заправлена и, как видите, валяюсь на полу!

Учебник, лежавший на последней парте, ничего не сказал, только вздохнул, и тут все увидели, что у него нет обложки.

— А мне каково! — воскликнула Указка.— Мне отломали половину головки!

Дальше я слушать не стала и вышла в коридор. Отовсюду раздавались обиженные голоса.

Только в учительской было тихо. Я заглянула туда. Вещи, которые находились там, пили кофе и разговаривали о погоде.

Поронин Белый Дунаец

Поронин и Белый Дунаец — два почти слившихся поселка на юге Польши, в ста километрах от Кракова. Вокруг высятся горы (польские Татры), покрытые лесом. Вдоль дороги бежит речка Закопанка.

В Польшу Владимир Ильич переехал из Франции в июне 1912 года. Местом своего жительства он выбрал Краков, который в ту пору был всего в одиннадцати километрах от тогдашней границы с Россией. Письма и газеты из Петербурга доставлялись в Краков за 2—3 дня. Отсюда можно было оперативнее руководить газетой «Правда» и деятельностью большевистских организаций.

Краковские революционеры имели большой опыт в нелегальной переброске литературы и людей через русскую границу. С их помощью была быстро налажена надежная связь Ленина с Россией. На квартиру к Владимиру Ильичу приезжали многие товарищи. Ленин подолгу говорил с ними, наставлял, давал советы.

Но весной 1913 года у Надежды Константиновны Крупской ухудшилось здоровье, и врачи порекомендовали ей пожить в горах. Вскоре Ульяновы поселились в Белом Дунайце в простом доме Тересы Скупень. Со стороны можно было подумать, что в доме у Скупень появились обыкновенные дачники. Но на самом деле Ленин и здесь, «на даче», очень много работал: писал, читал, делал выписки из книг.

Владимир Ильич в письме к матери писал: «Место здесь чудесное. Воздух превосходный... Население — польские крестьяне, «гурали» (горные жители)... Деревня — типа почти русского. Соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети».

В этом же доме и в доме Павла Гута-Мостового в Поронине Ленин провел совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, прибывшими сюда из разных концов России.

В мае 1914 года Ульяновы опять приезжают в Белый Дунаец. В это время Ленин отдает много сил подготовке VI съезда партии, который должен был состояться в Кракове или в Поронине. Помешала съезду разразившаяся первая мировая война.

Через неделю после начала военных действий, 8 августа, Владимир Ильич был арестован жандармами и заключен в тюрьму (южная часть Польши входила в то время в состав Австро-Венгрии). Арест Ленина вызвал волну протеста. В его защиту выступили видные польские писатели, депутаты-социалисты венского парламента. Через одиннадцать дней Владимир Ильич Ленин был освобожден и в конце месяца выехал в нейтральную Швейцарию.

Пребыванием в Польше Владимир Ильич остался очень доволен. В этот период из-под пера Ленина вышло около трехсот статей, не считая заметок, рецензий, предисловий.

Сотни тысяч человек ежегодно посещают музеи В. И. Ленина в Поронине, Белом Дунайце. Крепко дружат с ними и польские харцеры.

А на морских просторах можно увидеть теплоход «Поронин», построенный для Советского Союза гданьскими судостроителями. За трудовые успехи экипаж теплохода был занесен в Летопись комсомольской славы ЦК ВЛКСМ.

У наших моряков давно уже идет дружеская переписка с поронинскими школьниками и руководителем местной харцерской организации Анелой Бафией. Вот строки из одного письма: «Сейчас мы работаем в условиях ледового зимнего плавания на севере Охотского моря. Мы доставляем народнохозяйственные грузы в отдаленные районы нашей Родины под проводкой таких мощных ледоколов, как «Ленинград» и «Ермак»...» А польские ребята пишут морякам о своих делах. И дела эти интересные.

О том, как помогают своему музею Ленина поронинские ребята, рассказывает специальный корреспондент «Пионера» Олег ТИХОМИРОВ.

Навсегда в сердце

Мы идем в харцувку (это вроде пионерской комнаты в наших школах), тесно усаживаемся, и Анела Бафия, руководитель местной харцерской организации, чтобы снять первоначальную скованность, предлагает ребятам спеть. Те переглядываются, о чем-то тихо советуются, и вот в харцувке звучит хорошо знакомая песня:

День за днем идут года,
Зори новых поколений,
Но никто и никогда
Не забудет имя — Ленин.

Харцеры поют по-русски. Поют четко и с увлечением.

А потом я прошу ребят рассказать о харцерской работе.

Яцек Кубицкий, ученик 7-го класса (он смущенно улыбается):

— Мы гордимся, что живем в таком историческом месте. И рады, что в гости к нам приезжает столько людей. Мы приносим к памятнику Ленину цветы, а в торжественные дни и праздники несем возле него почетный караул. Еще мы подготавливаем концерт с песнями о Ленине, выступаем в школе и в деревнях.

Халина Кузжма, ученица 8-го класса:

— Песни о Ленине мы поем и у костра, когда ходим в походы по ленинскому пути. Владимир Ильич очень любил холм Голицова Грапа и горное озеро Морское Око. Были мы в деревне Буковина, куда Ленин ездил на велосипеде. Во время таких походов мы устраиваем конкурс: кто больше знает о жизни Ленина.

Гося Бахледа-Жарска, ученица 8-го класса:

— Вообще мы любим конкурсы. Общество польско-советской дружбы проводило недавно конкурс русской поэзии.

Спрашиваю:

— Ты участвовала в этом конкурсе?

— Да, я читала отрывок из «Евгения Онегина».

— Успешно?

За Госью отвечают друзья:

— Еще как! Ее наградили книгой о Ленинграде.

Янина Гавелак, ученица 7-го класса:

— Мы часто ходим в музей Ленина и помогаем его работникам рассылать письма и пакеты с материалами о жизни Ленина в Поронине и Белом Дунайце. Зимой на территории музея расчищаем дорожки от снега. Мы всегда внимательно следим, что пишут о Ленине в газете «Пионерская правда» и в журнале «Пионер».

Ивона Магера, ученица 8-го класса:

— Мы много пишем о Ленине в своей стенной газете. К 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича мы выпустили юбилейную газету и организовали выставку его фотографий.

Тереса Стох, ученица 7-го класса:

— У нас есть кружок русского языка. В нем занимаются восемьдесят человек. Мы там учим стихи и песни, читаем книги, пишем письма в СССР, рассказываем в них, как жил Ленин в Польше.

Анела Бафия, учительница географии:

— Мы просим передать читателям «Пионера» наш горячий привет. Скажите им, что Ленин навсегда в нашем сердце. Пусть советские пионеры почаще нам пишут: получать их письма для нас радость.

Значок Союза польских харцеров.

Яцек Кубицкий.

Янина Гавелак.

Халина Кузжма.

Ивона Магера.

Гося Бахледа-Жарска.

Тереса Стох.

Сегодня в клубе «Товарищ» — дорогая гостья, Генеральный секретарь СИМЕА Эва ХОРВАТ.

Те из вас, ребята, кто внимательно следит за работой клуба «Товарищ», участвует в викторинах Викки, знают: СИМЕА — это международный Комитет детских и юношеских организаций. Он создан при ВФДМ — Всемирной федерации демократической молодежи. СИМЕА объединяет около пятидесяти детских организаций из многих стран мира. Члены СИМЕА сообща помогают передовой молодежи бороться за мир и счастье людей.

Итак, на вопросы «Пионера» отвечает Эва Хорват.

«ДА!» — МИРУ, «НЕТ!» — ВОЙНЕ

«Пионер». Какие задачи ставит перед собой СИМЕА в нынешнем году?

Э. Хорват. Прошедший Международный год ребенка привлек внимание всех к судьбе юных граждан планеты. Понятно, что самая страшная беда, грозящая детям, — война. И чтобы детство у всех ребят было радостное и счастливое, надо прежде всего обеспечить им мирное небо над головой.

Поэтому самые важные акции СИМЕА в нынешнем году будут посвящены борьбе за мир, за разоружение. Дети разных народов встретятся в летних лагерях, там они скажут свое «Нет!» войне и гонке вооружений, свое искреннее «Да!» миру и дружбе.

«Пионер». Этот год — олимпийский. Как отметит это спортивное событие СИМЕА?

Э. Хорват. Московской Олимпиаде-80 будут посвящены выставки детских рисунков во многих странах мира. Темы работ юных художников — спорт и дружба. Вы, наверное, знаете, ребята, что СИМЕА ежегодно проводит международные детские соревнования — легкоатлетическое четырехборье «Дружба». На этот раз соревнования будут посвящены предстоящим Олимпийским играм в Москве. Юные спортсмены встретятся на спортивных аренах Румынии, чтобы в благородной борьбе решить, кто из них самый сильный, ловкий, быстрый.

«Пионер». Какие новые детские организации стали членами СИМЕА в последнее время?

Э. Хорват. Надо сказать, что Международный год ребенка дал нам возможность ближе познакомиться со многими детскими организациями. С их руководителями мы не раз встречались в прошлом году на форумах и конференциях в защиту детства.

Недавно членами СИМЕА стали организации «Пионеры Ирландии» и Социалистические пионеры Швеции, детская секция организации Марокканская молодежь за прогресс и социализм.

Генеральный секретарь СИМЕА Эва Хорват у нас в гостях.

В этом году мы принимаем в свои ряды Национальный детский союз «Мексиканские пионеры» и юную сандинистскую ассоциацию имени Луиса Альфонсо Веласкеса Флореса, из Никарагуа.

В последние годы в работе СИМЕА иногда участвовали детские буржуазные и религиозные организации. Например, скауты, «Соколы», молодые христиане.

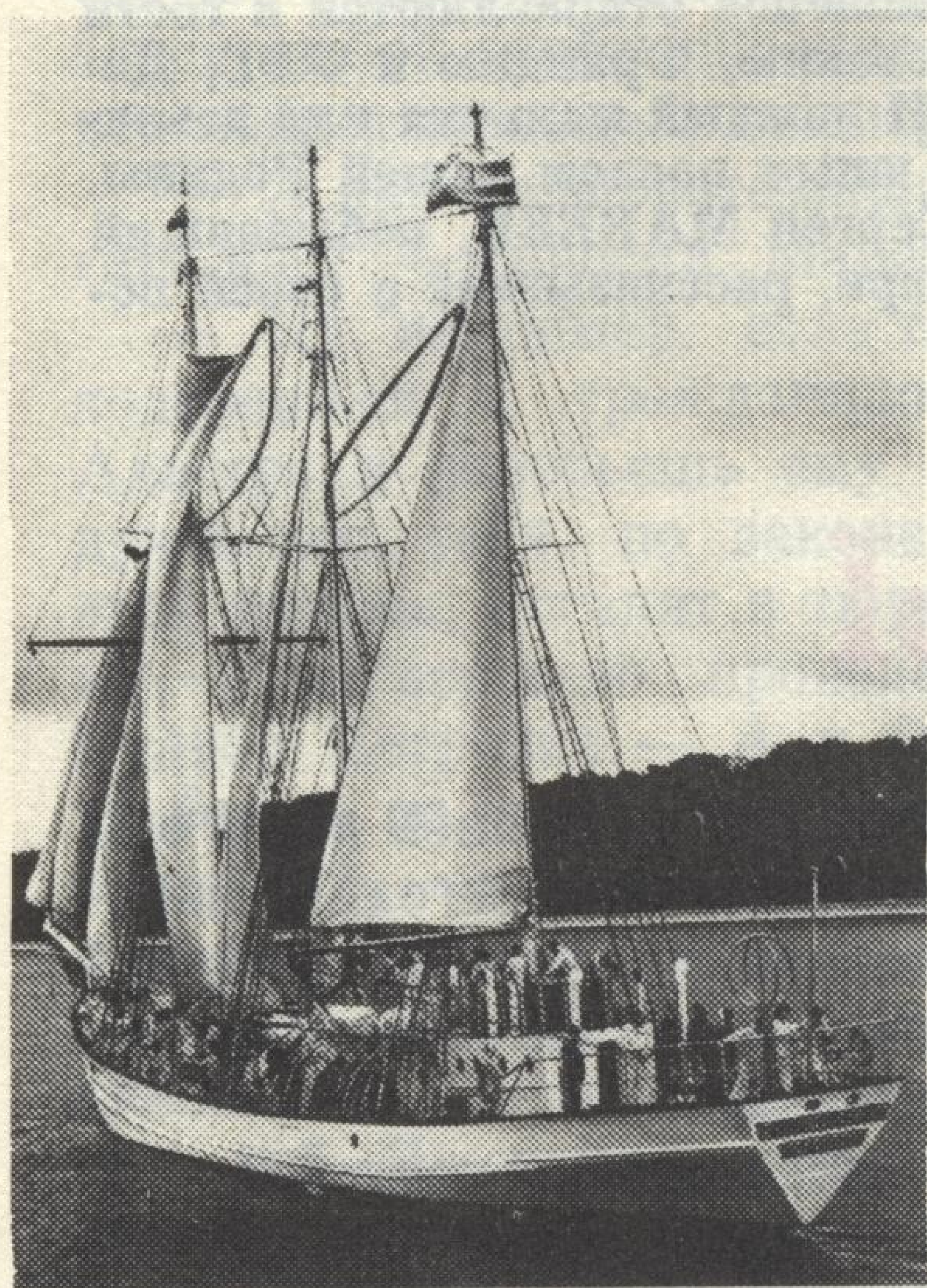
«Пионер». Что вы можете сказать об участии Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина в делах СИМЕА?

Э. Хорват. Очень непросто ответить на этот вопрос в короткой беседе. Пионерская организация Советского Союза была в числе инициаторов создания СИМЕА. Понятно, что юные ленинцы принимают самое горячее участие в наших акциях, откликаются на все важные события современности. По-моему, и не может быть иначе в стране, где столько делается для счастья детей.

Леонид Ильич Брежнев в прошлом году не раз обращался к детям, говорил о судьбах юного поколения. Мы помним его выступление 1 января 1979 года, речь на Международном детском празднике в Артеке и, конечно, обращение к участникам Всемирной конференции «За мирное и счастливое детство для всех детей». В этих выступлениях — программа действий для всех, кто любит детей и хочет им добра.

И сегодня я желаю читателям журнала «Пионер» и всем юным ленинцам хорошо учиться и трудиться, чтобы стать достойными великой заботы партии и Советского государства!

Horváth Éva

«Завиша Черный» уходит в новое плавание.

Под парусами «Завиши Черного»

В 1946 году, когда я был еще мальчишкой, мы с товарищами по харцерской дружине отправились в плавание по реке Бзуре на трофейном понтоне. Чудесное было путешествие!

Конечно, взяли с собой гармонь и всю дорогу распевали песни. Больше всего нам тогда нравилась старинная морская песня «На борту «Завиши». Ее знает каждый поляк. В ней поется о дальних странствиях на борту «Завиши» — прекрасного корабля, названного так в честь знаменитого польского рыцаря Завиши Черного. Его подвиги стали легендой. Легенда осталась и от парусника — его сожгли гитлеровцы, как только захватили польское побережье Балтики...

Страна еще залечивала раны, нанесенные войной, а на судоверфи в Гданьске уже началось строительство первого трехмачтового парусника для Союза харцеров. Вскоре он стал флагманом флотилии из двухсот яхт. Ему решили дать имя «Завиша Черный».

Экипаж «Завиши» — 41 человек. Из них только шестеро — профессиональные моряки.

Остальные — ребята, те, кто любит море, путешествия и нелегкую морскую работу. На «Завише» учатся корабельному делу. На смену старшим в экипаж приходят младшие.

В 1978 году мне посчастливилось вместе с харцерами совершить одно из самых долгих плаваний на «Завише» — в Гавану, на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Парусник вышел из Гдыни 11 мая. На пути в Гавану он бросал якорь в Гавре, Плимуте, Лиссабоне, Кадисе, Танжере, Алжире, Лас-Пальмасе, Сент-Джонсе и Мариго... И вот наконец 21 июля «Завиша» пришвартовался в порту Гаваны по соседству с макетом шхуны «Гранма», с борта которой Фидель Кастро и его товарищи высадились на Кубе.

В Гаване я спросил капитана Януша Збераевского: «Какие минуты плавания вы считаете самыми тяжелыми?» Он ответил: «Переход через Балтику — там во время шторма температура упала до —2°, и весь корабль покрылся снегом... Да и в Гаване не легче: жара до 40°! Представляете, каково нашему коку Мирославу Валясеку, когда у плиты на камбузе ртутный столбик термометра останавливается на отметке +60°!».

Никогда не забыть мне фестивальных дней, волнующих минут братства польских харцеров с молодежью мира. Сколько писем и открыток шлют они теперь своим новым друзьям!

Я рад, что через много лет сбылась мечта моего детства — плыть под парусами «Завиши». Желаю и вам, дорогие читатели «Пионера», необыкновенных приключений!

Влодзимеж СТРИЖЕВСКИЙ, польский журналист

«ФРЕЗИ»

КИМОНО И ВЕЛОСИПЕД

«Скорее бы мне вырасти. Я буду сильным дзюдоистом, как мой брат Уве. Может быть, стану мастером, и мне вручат черный пояс. А что? Очень может быть!»

Этого малыша дзюдоиста из ГДР зовут Дирк Дзибек. Он занимается в секции дзюдо армейского клуба в городе Прешен-Зюд. Здесь учатся искусству борьбы пятьдесят маленьких спортсменов. Старший брат Дирка — Уве начал заниматься дзюдо с четырех лет. Сейчас ему уже десять лет, он получил первый разряд и носит желтый пояс.

Маленькие спортсмены живут в восьми окрестных деревнях. Все они приезжают в клуб на велосипедах. Ни расстояния, ни плохая погода не останавливают ребят. Вот почему я думаю, что мечта Дирка стать мастером обязательно сбудется!

Гюнтер ВИРТ

«Мал, да удал», — говорит о Дирке его тренер.

Развалины древней арабской крепости близ города Тлемсена.

Каждое лето делегации советских пионеров отправляются в гости к своим друзьям — в Польшу и Чехословакию, Францию и ФРГ, Данию и Конго, во многие другие страны. И каждый мальчик или девочка в красном галстуке становится тогда юным послом нашей Родины.

Наш специальный корреспондент Сергей МАКЕЕВ, побывавший с делегацией советских пионеров в Алжире, рассказывает о своей поездке.

ДЕНЬ РОДИНЫ

Вот уже несколько дней мы живем в международном детском лагере в Алжире, в окрестностях города Орана, на побережье Средиземного моря.

Наша делегация приехала сюда по приглашению алжирской детской организации «Эль-Кашеф», что в переводе с арабского значит «Разведчики» [1]. Юные алжирцы помогают взрослым строить новую жизнь в своей стране, учатся любить свою отчизну, готовятся охранять ее рубежи.

Очень долгим был наш путь в Африку. Далеко-далеко осталась Родина. Но мы-то сами — ее частица. Мы привезли с собой наше пионерское знамя, и у каждого — алый галстук на груди.

...Тот памятный день начался, как обычно, с подъема флагов. Алжирцы, болгары, венгры, юные тельмановцы из ГДР, иракцы, конголезцы, кубинцы, ливанцы, ливийцы, тунисцы, сирийцы, чехи, югославы построились по отрядам возле своих знамен.

А первым в этот день поднялся высоко на мачту наш, советский флаг. Потому что сегодня в лагере был День Советского Союза. Вот красное полотнище с серпом и молотом расправилось на утреннем ветерке и будто засветилось в лучах африканского солнца.

Я взглянул на лица своих ребят — пионеров из Казахстана: на мальчишек Серика, Сагада, Марата, на девочек Айгуль и Сауле, на нашу переводчицу Веру Ивановну. В эту минуту, мне кажется, родилось то особое чувство ответственности, с которым мы прожили весь день.

После завтрака, как обычно, весь лагерь подался на пляж, на песчаный берег Средиземного моря. Солнце жарило нещадно. Когда, наконец, все ребята вышли из воды, мои пионеры начали действовать: сегодня на пляже «русские игры»! «Сиди, сиди, Яша, под ореховым кустом», — слышится звонкий голос Сауле. Она замечательно читает стихи, в лагере ее уже знают, наверное, поэтому на ее голос быстро собирается целая ватага ребят. «Гуси, гуси!» — начинает другую игру наш баянист Сагад. «Га, га, га!» — отвечают ему. Сначала охотнее всех подхватывают младшие, потом и старшие забывают о купании и жарком солнце.

После пляжа у всех час свободного времени. У всех, но только не у нас. К обеду мы должны напечь тысячу блинов, чтобы каждый в лагере попробовал. А на первое у нас были щи. Как ни странно, мы нашли на рынке все продукты и специи, нужные для щей. Но все же они получились не такие вкусные, как дома. Может быть, здесь вода другая?..

И вот — сиеста. Так в жарких странах называют послеобеденный отдых. Начиная с полудня так печет, что работать во всю силу нельзя. Для ребят в лагере сиеста обязательна. Правда, моим алматинцам к жаре не привыкать, укладывались днем они неохотно. Но сегодня, набегавшись по пляжу, напарившись на кухне, сами идут по комнатам...

Добраться до постелей нам не удалось. Как раз в это время в ворота лагеря въехал синий «фиат». Человек, вышедший из машины, направился ко мне. И я пошел ему навстречу, узнав в светловолосом незнакомце соотечественника.

Мы познакомились. Сотрудник генерального консульства СССР в Оране приехал к нам с просьбой.

— Понимаете, ребята, — объяснил Виктор Петрович, — здесь живут с родителями советские дети. Их папы — нефтяники, ищут нефть в Сахаре, помогая алжирским специалистам, и по целым неделям не бывают дома. Ребята одни. Зимой, когда идут занятия в школе, скучать некогда. А сейчас... И отпуск у родителей еще не скоро... Поедемте к нам, а? Вы, наверное, и петь и танцевать умеете?

Ребята смотрели на меня вопросительно. «Отоспаться, конечно, можно и завтра», — подумал я. И сказал:

— Поехали!

...По дороге к дому, где живут советские нефтяники и сотрудники консульства, Виктор Петрович остановил машину и пригласил нас войти в небольшой двухэтажный особняк. Над входом был укреплен Государственный флаг СССР.

В прохладном холле Виктор Петрович усадил нас в удобные кресла и сказал:

[1] Сейчас эта организация называется пионерская организация имени Хуари Бумедьена.

— Здесь вы на территории СССР. Там, за этими стенами, другая страна, там действуют другие законы. А здесь любой советский человек найдет помощь и защиту.

— А как вы можете защитить нас? — спросил Марат.

— Ну, например, если ты подерешься с гражданином Алжира и разобьешь ему в драке нос, тебя, по законам этой страны, посадят в тюрьму,— насмешливо произнес Виктор Петрович.— А я буду бегать по судам, нанимать адвокатов, умолять правительство тебя простить...

Марат сделал торопливое движение, будто хотел почесать лоб. На самом деле он рукой закрывал ссадину. Я-то знал, откуда она взялась у этого непоседы!

— А вообще-то консульства и посольства защищают интересы своей страны за рубежом. Чтобы хорошо жилось и работалось нашим людям, специалистам, — продолжал уже серьезно Виктор Петрович.— Наша страна и Алжир очень крепко дружат с самых первых дней победы алжирской революции. Вы знаете, наверное, что Алжиром долго правили французские колонизаторы. Они грабили страну, мучили народ. Борьба за национальную независимость Алжира была очень кровопролитной, больше миллиона борцов отдали жизнь за свободу, около десяти лет шли бои. А когда пришла победа, советские люди помогли истощенной битвами молодой республике встать на ноги... Поэтому и вы, ребята, должны ценить эту дружбу, стараться, чтобы она еще больше крепла,— закончил Виктор Петрович.

В красном уголке большого дома, где живут советские специалисты, нас уже ждали. В зале собрались не только ребята, но и взрослые, в основном мамы.

Мы пели, читали стихи и танцевали. Под конец пели взрослые песни: «Катюшу» и «Этот День Победы», Сагад подыгрывал на баяне, я на гитаре...

На обратном пути в лагерь мы попросили Виктора Петровича остановить машину в торговом квартале, чтобы купить сувениры. Походили из лавочки в лавочку, выбирая, кому что.

Зашли в большой магазин. И тут же навстречу нам метнулся от прилавка согнувшийся в поклоне хозяин.

— Что угодно месье и мадам? — спросил он.

Как это было непривычно после доброго слова «камарад», с которым все обращались друг к другу в лагере!

— Ничего не поделаешь,— вздохнул Виктор Петрович.— Большая часть торговли пока еще в руках частников. В стране немного магазинов принадлежит государству.

...Лагерь уже просыпался после сиесты.

Конечно, очень тяжело было тащить целый ящик экспонатов — выставку с рассказом о нашей стране и о пионерской организации, книги, открытки, вымпелы, значки, игрушки — из Европы в Африку. Но теперь мы об этом не жалели — такой бурный интерес вызвала наша выставка, так много вопросов нам задавали, так жадно ловили каждое наше слово. Особенно долго ребята рассматривали альбом о советской пионерской организации, расспрашивали о пионерах-героях, о сегодняшних делах пионерии... Мы радовались, что многие ребята в Африке знают о Советском Союзе, а те, кто не знал,— узнали сегодня.

К вечеру нам пришлось покинуть гостей выставки и перебраться на полянку в центре лагеря. Там, в тени сосен, мы решили провести игру-путешествие по Советскому Союзу.

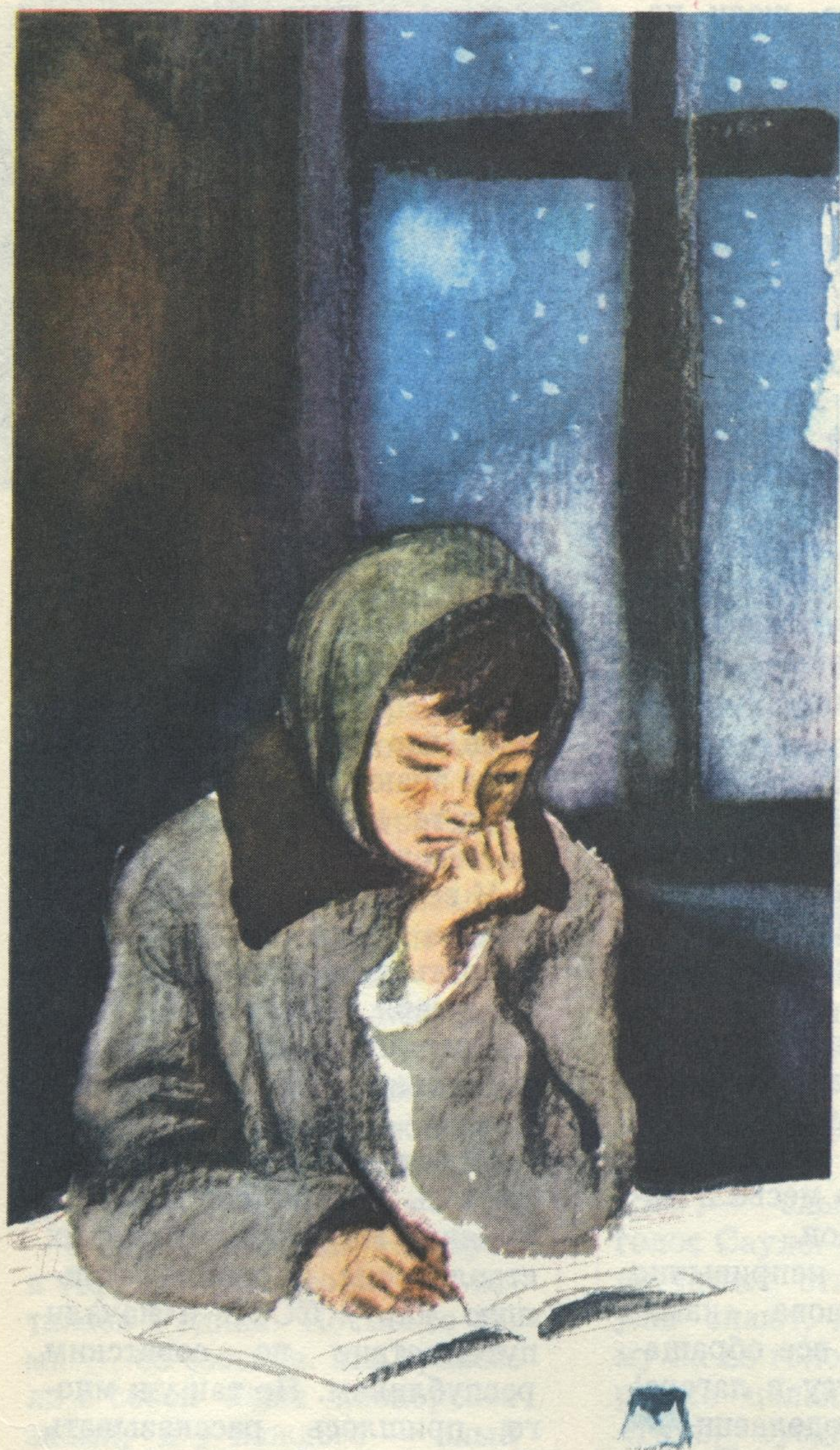
И вот, в назначенное время весь лагерь собрался на поляне. На двух сосновых стволах мы укрепили большую карту СССР и начали путешествие по советским республикам. Не так уж много пришлось рассказывать Сауле, зато Серик и Айгуль сбились с ног: что ни республика — то новый танец. Они едва успевали менять костюмы. Да и мы с Сагадом охрипли: что ни республика — то новая песня. Потом еще и еще песни — пионерские, комсомольские, народные. Вечер закончили хороводом: места на поляне не хватило для всех, и хоровод опоясал жилой корпус...

Замерцали последние угольки костра. Закончился НАШ ДЕНЬ. Впереди у нас были интересные поездки по стране, экскурсии к памятникам арабской старины, встречи с замечательными людьми — алжирскими рабочими и крестьянами, которые строят новую жизнь. Все было интересно! Возможно, что-то из увиденного забудется. Но этот НАШ ДЕНЬ навсегда останется в памяти.

Весь лагерь принимал участие в молодежной антиимпериалистической демонстрации в городе Оране. В центре на снимке — советская делегация.

Алжирская делегация построилась на утренней линейке.

Тамара КВИТКО

Неотправленные письма

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА.

Письмо первое

Нет, папа, я не плачу. Просто у меня немного в глазу щиплет. И пятно на тетради — это не от слез, а, должно быть, бумага такая попалась. Впрочем, может, одна какая-нибудь слезинка и упала, я не заметила.

Я совсем не плачу. Давно. Месяц или два, или три. С того самого дня. Наверное, что-то внутри у меня тогда изменилось, что совсем нет слез. Если горе такое большое, что в него даже поверить не можешь, тогда, оказывается, совсем нет слез.

Я не плачу, папа. Только, когда сегодня утром пришел почтальон и девочки читали письма от отцов и матерей, и прыгали, и визжали, и обнимались от радости, мне вдруг стало так душно, точно кто-то схватил меня за горло. Я взяла Лю на руки и пошла в сад.

Нет, папа, ты не подумай, что я позавидовала им. Ведь и я могла получить такое письмо, так же прыгать, кричать, целовать Лю и всех девочек от радости, от восторга. А мне так хочется получить от тебя письмо, так мучительно хочется увидеть тебя хоть на минутку, хоть на самую крохотную секунду! Мне так не хватает твоего голоса, твоих рук, твоих глаз. Мне так нужно, чтобы ты посмотрел на меня и сказал мне «пичуга», чтобы я прижалась к твоей щеке крепко-крепко, и пусть она будет колючая — ничего!

Мы с Лю гуляли долго-долго, пока у нее нос не посинел. Тогда я испугалась, что она простудится, и побежала домой.

Ты еще не знаешь Лю: это твоя новая дочка. То есть, конечно, она была чья-то дочка, но теперь она — твоя.

И вот мы поднимаемся по лестнице, Лю хнычет, потому что она сонная, ей надо днем спать. Мы поднимаемся по лестнице, а навстречу мне бегут девочки и кричат: «Валька! Валька! Какая ты счастливая — тебе письмо!». А я знаю, что никакая я не счастливая, что это письмо не от тебя. Но все равно сердце бешено бьется, и я мчусь, что есть сил, и влетаю в кабинет нашей воспитательницы Анны Ивановны... А потом я медленно, тихонечко прохожу в спальню, Лю засыпает у меня на руках, а я распечатываю конверт и читаю, что ты, мой папа, Андрей Ва-

сильевич Петров, в списках убитых и раненых не числишься, а пропал без вести.

Я уже третью бумажку такую получаю. Но пусть их будет хоть сто, я все равно знаю, что ты жив, и никакой фашист никогда тебя не убьет и не победит, потому что ты сильный и храбрый. Слышишь, папка, — ты жив! Ты не должен, не можешь погибнуть! Ведь нельзя оставить нас с Лю одних на всем свете, и нужно отомстить за маму, и за меня, и за Лю. А я ведь ничего еще не могу, и в армию меня не берут, говорят: подрасти.

Я на несколько минут оставила письмо, потому что Лю спит, а во сне она часто раскрывается. Мне приходится часто подниматься к ней — такой неспокойный ребенок.

И вот я думаю: ну как в Москве могут знать абсолютно обо всех Петровых, где какой находится, и какой именно — ты? Петровых так много! И, наверное, есть между ними еще Андрей Васильевич, и тоже майор. А, может быть, этот пропавший майор Петров вовсе не ты! Может, как раз наоборот, — это я пропала, а ты меня разыскиваешь? Отец Маруси Хомутовой, одной нашей девочки, искал, искал ее и никак не мог найти. А совсем недавно — отыскал! Может быть, и ты меня ищешь, и тоже не находишь? Ведь это возможно, правда? Папа, милый, если я не буду так думать, я не знаю, как я буду тогда жить!..

Когда Лю со мной, мне легче. Потому что Лю маленькая, и я должна заботиться о ней. Но Лю спит, девочки пишут письма своим родителям, и я тоже решила написать тебе письмо. Это ничего, что я его сейчас никуда не пошлю. Раз ты живой, я буду тебе писать. Я тебе обо всем, обо всем расскажу. И о том, как убили маму, и как я осталась одна, и как нашла Лю, которая тоже осталась без мамы, и как после этого нас обеих нашли красноармейцы и взяли с собой в теплушку, а потом поместили в детский дом. Эти красноармейцы уехали в тыл, чтобы получить там танки и поехать с ними на фронт.

Я не буду вырывать из тетрадки эти листки, как делают наши девочки: они свои письма отправляют, а я — нет. Но я буду все записывать в эту тетрадку. Ее подарил мне один командир, тоже майор, и тоже Андрей Васильевич. Только фамилия у него другая, она не так часто встречается, как наша. Его фамилия Анисимов. Это он со своими бойцами подобрал нас с Лю и взял в свой вагон. А когда Лю заплакала, потому что была уже ночь, совсем холодная ночь, он снял свою шинель и накрыл нас. Ему тоже, наверное, было холодно, но он не жаловался. Может быть, ему казалось тогда, что мы его дочки?

Я лежала под шинелью, и мне все представлялось, будто это твоя шинель. А когда бойцы стали упрашивать майора Анисимова, чтобы он взял у кого-нибудь из них шинель, он сказал:

— Ничего, други! Я не замерзну, я сибиряк. Лучше чайку горячего попью...

Вот какой это человек!

Ой, Лю проснулась! Нужно бежать к ней. До свиданья, папочка, мой дорогой и живой! Завтра еще напишу.

Письмо второе

У нас в комнате тихо-тихо. Девочки спят. Толстая Файка посапывает своим курносым носом. Наташа улыбается во сне — ей, наверно, снится что-то хорошее, Лю, как большая, положила ладошку под щеку и тоже улыбается, а мне совсем не хочется спать. Только бы Анна Ивановна не зашла: рассердится и погонит в постель.

За окном падает снег. Он сейчас совсем не белый, а голубой. Кружатся снежинки у фонаря, и я вспоминаю, как однажды в такой же вечер мы все — я, ты и мама — по первому снегу поехали в город. Я сидела у тебя на руках, а сани мчались так быстро, что у меня все замирало внутри, как будто там совсем пусто было, я даже дышать боялась. А когда сани огибали угол улицы, я зажмуривала глаза, и тогда мне казалось, что я не еду, а лечу, высоко-высоко. Было даже страшно.

Потом мы вышли из саней, и такая красота была вокруг, что я начала петь, и кричать, и прыгать, точно мне какой-то замечательный подарок подарили, и все не могла наглядеться на это снежное-преснежное поле, на пушистые и мохнатые елки у дороги, на саму дорогу, чистую и искрящуюся, как в сказочном царстве... И тебе, наверное, тогда казалось, что ты получил какой-то хороший подарок, правда? Мы оба были как сумасшедшие от радости — бегали, бросались снежками, ты свалил меня в сугроб и все грозился, что накормишь снегом, а я барахталась и отбивалась, пока к нам не подошла мама. Сначала она нас с тобой подзадоривала, но потом спохватилась и сказала тебе строгим голосом: «Саша! Ну довольно, ну хватит, ну, что ты, право! Совсем как мальчишка! Ведь ребенок простудится!». Тогда ты поднялся и сказал, очищая с меня снег: «А хорошо! До чего же хорошо в поле!.. Жаль, что мы так мало бываем вместе». И добавил, вздохнув: «Ну, пора ехать, дорогие! Мне еще на завод заглянуть надо».

Ты, конечно, ничего этого не помнишь, потому что с тех пор прошла тысяча лет, хотя это было всего год назад. Ты сейчас думаешь о войне, о том, чтобы победить, прогнать врагов и еще о том, что где-то мы с мамой. Но я — я все помню.

А лучше всего помню один день. Помню его так, точно он был вчера. Наверное, и ты его помнишь, и майор Анисимов, и Анна Ивановна, и все наши советские люди тоже помнят его, как вчера, хотя ничего особенного в нем не было, — это был наш последний мирный день.

Я сидела за твоим письменным столом, грызла карандаш и злилась. Еще бы не злиться! Все пятые классы во всем Советском Союзе были уже на каникулах, а наш пятый класс еще

должен был в понедельник идти на экзамен: Нина Владимировна, наша учительница по математике, целый месяц была больна и только что вышла из больницы. Я сидела, грызла карандаш и старалась справиться с двумя поездами, один из которых следовал со станции А и проходил за час 50 километров, а другой следовал со станции Б и проходил за час 40 километров. Мне нужно было выяснить, через сколько часов поезда встретятся. Вот этого я и не знала, и мне было так досадно, что я почти весь карандаш изгрызла. Я не заметила, что карандаш чернильный, и язык, и губы, и руки вскоре стали у меня лиловые.

Пришла мама с работы и начала хлопотать по хозяйству, а потом и ты пришел, но у тебя был такой усталый вид, что мне стало неудобно надоедать тебе, и я решила: как-нибудь обойдется! Может быть, эти поезда вовсе и не попадутся мне на экзамене? Но ты только взглянул на мое лицо и, конечно, сразу догадался, что у меня не получается задача.

— Опять паришься, пичуга? — спросил ты.

— Опять! — ответила я.

— Давай-ка разберемся, в чем там у тебя загвоздка. Только — чур! — сначала помыть лицо и руки.

Потом мы вместе принялись за поезда. Наморщив лоб, ты прочел задачу, затем улыбнулся и произнес:

— Да! Это задаченция — умопомраченция? Ну, что же, постараемся с ней справиться. Представь себе...

Ты только начал объяснять, как я сразу все поняла и сказала: «Знаю! Знаю! Подожди минуточку — сейчас решу. Удивляюсь, как это я сама не могла догадаться!».

После обеда мы вытащили на балкон ковер и подушку. Мама наводила порядок в шкафу, а мы лежали, обнявшись, и я сказала, что ты колючий, совсем как ежик, а ты сказал:

— Вот завтра воскресенье, и я побреюсь. А что если совсем не бриться, а отпустить себе бороду? Как ты смотришь на это, пичуга?

— Тогда ты будешь похож на Робинзона.

— Нет, — ответил ты, — я буду похож на своего деда, знаменитого волшебника Помидоро Картофлини, короля сказочного царства Огородия. А у короля борода была длиной в сто двадцать четыре метра пятьдесят один сантиметр. Эта борода однажды спасла меня от смертельной опасности, но я тебе ничего не скажу об этом, потому что — о непочтительная дочь! — вижу по твоим глазам, что ты не веришь своему старому отцу!..

— Верю, верю, папочка! Расскажи! И ты совсем не старый, и я нисколечко не смеюсь! — ответила я, давясь от смеха.

— То-то же! — сказал ты и начал рассказывать, как однажды, гуляя в горах, вы с дедом заблудились и попали в королевство злой волшебницы Саранчины, и эта волшебница решила погубить вас. Она рассекла волшебным мечом гору, и вы очутились перед громадной пропастью. Дед так огорчился, что сел на землю и заплакал от отчаяния.

— Позволь, позволь! — сказала я. — Он ведь тоже был волшебник.

— Да, но на чужой территории его волшебство было недействительно. «Что нам делать, что нам делать?» — причитал дед. «Ничего, — сказал я мужественно, — подождем, пока Саранчина улетит по своим делам, тогда мы и выберемся отсюда». Действительно, ночью Саранчина улетела в далекую страну, чтобы получить дань с побежденного волшебника Филоксеро. Она вихрем пронеслась над нами, закричав: «Ага, попались, голубчики!» — и скрылась. Тогда я быстро связал узлом конец дедовой бороды и забросил ее на дерево, которое росло по ту сторону пропасти. Получился превосходный мост. Я перебрался по мосту через пропасть, а потом потащил за бороду деда, знаешь, как рыбаки сети тянут, и через полчаса мы благополучно добрались до дома!

— А Саранчина? — спросила я.

— Узнав о нашем спасении, Саранчина так разгневалась, что у нее лопнула какая-то сердечная жилка, и яд, которым было наполнено ее сердце, разлился по всему телу. Ей влили в рот тридцать три литра валерьянки, вызвали карету скорой волшебной помощи, но ни валерьянка, ни врачи не смогли ей помочь. Злая волшебница умерла.

Я и не почувствовала, как ты перенес меня на постель и как мама сняла с меня платье. А когда я проснулась, в окна уже светило солнце, но проснулась я не от солнца, а оттого, что на улице раздавались какие-то странные гулкие звуки, точно в небе разрывались шары, вроде тех цветных шаров, что продают для детей, но не обычные, а очень большие. Тебя в комнате уже не было, но мама была рядом. Мама глядела в окно, сжав руки, и шептала: «Какой ужас! Какой ужас!». Она шептала эти слова непрерывно. И я поняла, что случилось что-то очень страшное, я только не знала, что это страшное — война и что война так начинается.

Весь день тебя не было; лишь поздно ночью послышались твои шаги, но я не узнала их — ты никогда не носил сапог. А когда ты открыл дверь, мне в первую минуту показалось, что пришел кто-то чужой, какой-то военный человек, но я узнала твои глаза, твои губы, твои щеки — ты так и не успел побриться, и я поняла, что утром война только постучала в окно нашей комнаты, а теперь она вошла в нее и заберет тебя с собой.

— Варя! — сказал ты маме. — Варенька, не надо! Не надо! Я вернусь, я непременно вернусь, дорогая, любимая моя! Но если даже что-нибудь случится со мной, мы не забудем, сколько счастливых лет мы прожили вместе, ты воспитаешь нашу дочурку хорошим человеком... Ну, Варя! Не надо, родная!

Мама спрятала лицо на твоей груди и начала уверять, что она не плачет, что это просто так, что она все понимает, она верит, что ты

вернешься и незачем тебе беспокоиться о нас, все будет хорошо...

Мне казалось, что ты не видишь меня,— я стояла справа, а ты не смотрел в мою сторону. Но ты, не глядя на меня, протянул правую руку, обнял меня и притянул к себе. Тогда я вдруг увидела, как много морщинок у тебя на лице (прежде почему-то я никогда их не замечала), как сразу потемнели твои глаза, которые всегда были светлыми, и поняла, что у тебя горе.

Я поцеловала один глаз, потом другой, и так мы все трое сидели, обнявшись, каждый слышал, как бьются два других сердца. Все три сердца бились, как одно, и нам не нужно было никаких слов.

Эту минуту ты тоже, конечно, не забыл. А я забыть ее не смогу никогда...

Только ночью фашисты дали нам отдых на несколько часов; ночью они, наверно, боялись летать. Но уже в пять часов утра вновь завыли сирены, и по радио сообщили:

— Граждане! Воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога! Соблюдайте полное спокойствие! Спускайтесь в бомбоубежище!

Мы соблюдали спокойствие и уходили в бомбоубежище. Это было очень скучно; приходилось по пять-шесть раз соблюдать спокойствие и спускаться в бомбоубежище, а в нем было мрачно и сыро, как в погребе, оттуда ничего не было ни видно, ни слышно. Но я дала маме «честное пионерское», что при каждой воздушной тревоге буду спускаться вниз, и ничего нельзя было поделать.

Мама почти все время не бывала дома — она работала в госпитале и приходила оттуда усталая, заплаканная; я спрашивала ее, почему она так много плачет?

— Не могу,— говорила она,— не могу видеть их муки. Так хочется хоть немного облегчить их страдания, что, если могла бы, взяла их боль себе. Такие молодые, красивые... А что если...

Она умолкла на полуслове, но я разгадала это «а если»: она думала о тебе.

Мама думала о тебе, я тоже все время думала о тебе, мы старались не говорить о том, что было у нас в мыслях, хотя от этих мыслей нельзя было даже на минутку спрятаться.

Через две недели после твоего отъезда к нам пришел один военный, я даже испугалась, когда увидела в дверях военного в гимнастерке: вдруг — ты? Но его глаза мне сказали обратное: это был незнакомый.

Он поздоровался с мамой и спросил:

— Вы жена майора Петрова?

— Да,— ответила мама.

— Мне поручено помочь вам выехать из города.

— Я не собираюсь уезжать,— сказала мама.

— Варвара Семеновна, надо! Настоятельно советую!

— Я здесь нужна, у меня в госпитале пост.

— Варвара Семеновна, вы жена военного. Вы обязаны выехать! Подумайте и о своей дочери. Скажу вам прямо — наши войска должны

Мама спрятала лицо на твоей груди и начала уверять, что она не плачет, она верит, что ты вернешься.

будут оставить город. Это произойдет через несколько дней, и лучше, чтобы вы уехали завтра же, в крайнем случае — послезавтра. Генерал, — он назвал незнакомую фамилию, — просит вас выехать с госпиталем. Это приказ. Ни одного советского бойца мы не можем оставить у врага.

— Хорошо, — согласилась мама. — Выеду с госпиталем.

В этот день я пошла в госпиталь вместе с ней.

Мы шли по улицам, держась за руки, улицы были тихие, безлюдные. Я глядела на дома — такие знакомые и уже незнакомые после того, как их разукрасили черными пятнами, а окна вымазали глиной, чтобы ночью не блестели. На иные дома, даже двухэтажные, были надеты зеленые сетки, точно в театре. Мне казалось, что все это не настоящее, не всамделишное. Не верилось, что по мостовой, по которой сейчас хожу я, завтра или через три дня или через неделю будет ходить гитлеровский солдат, что он войдет в эту дверь, будет стоять под этими деревьями, слушать шум этого фонтана, рвать цветы с клумб. Не может быть этого!

Двое суток мы не выходили из госпиталя. Надо было все там уложить, упаковать, приготовить к отъезду раненых. Мама вместе с другими работниками госпиталя совсем сбилась с ног. Я тоже старалась чем-нибудь помочь, но меня только просили, чтобы я сидела тихо и не мешала взрослым. Может быть, маме и другим только казалось, что я ничего не могу. Хотя я, правду сказать, какую-то бутылочку умудрилась разбить. Здесь было гораздо лучше, чем в бомбоубежище, но нельзя было без слез смотреть на раненых, когда их выносили из палат, чтобы отправить в тыл поездом.

Когда уже последняя машина с ранеными направилась к вокзалу, мама спохватилась, что через два часа поезд уходит, а наши собственные вещи еще не уложены. Мы побежали домой и начали укладываться. В чемодане оказалось все, что попадало под руку, потом чемодан ни за что не хотел закрываться. Мы совсем измаялись, но приехал госпитальный санитар, присланный начальником госпиталя, он быстро закрыл чемодан, обрядил его в чехол и позвал нас в машину. Поезд стоял на станции еще добрых четыре часа — где-то вражеские самолеты разбомбили железнодорожные пути, и мама долго переживала — можно было спокойно упаковаться, а в спешке мы позабыли дома мои теплые платья, мамину шубу и еще многое другое.

— Ничего, Варвара Семеновна, — сказал военный, приходивший к нам три дня назад. — Вы не на чужбину едете. О вас позаботятся, не беспокойтесь!..

Письмо третье

И снова, как в тот первый день войны, я проснулась от ухания зениток. Они били совсем близко, так близко, что звенели окна.

— Встань, Валюша! Вставай! Быстро! — затормошила меня мама.

Еще не совсем рассвело. Поезд стоял на какой-то станции. Сонная, я старалась попасть ногами в туфли, и никак это мне не удавалось. А зенитки били все сильнее и чаще, и вдруг совсем рядом что-то сильно завыло, завизжало и грохнуло. Вагон зашатался. Со столика упал и разбился графин, за ним полетели склянки.

— Валя, беги! В нас метят! — крикнула мама.

— А ты? — спросила я.

— Беги, Валя! Бегите все и прихватите мою дочку! — кричала она раненым. — В поле бегите!..

Этот голос был совсем не похож на мамин, это был какой-то чужой голос, и я хотела крикнуть в ответ: «Нет, я не пойду без тебя!». Но какой-то военный подхватил меня и вынес из вагона.

Мы бежали, пригнувшись, под составами, и каждые несколько минут слышали вой падающих бомб и страшный грохот взрывов. Тогда мы падали ничком на шпалы, потом снова вставали и снова бежали, пригнувшись, чтобы они нас не заметили.

А о н и все летали и летали, бомбы падали одна за другой. Казалось, будто они падают на наши спины. Появился еще один самолет, потом еще и еще. Прильнув к колючей траве, мы лежали в овраге, и я прятала в колючки лицо, только бы не видеть их, а сердце кричало: «Мама! Мамочка!»

Наконец они улетели.

Мы вылезли из оврага и взглянули на станцию.

Станции не было.

Нашего поезда не было.

Никакого поезда не было...

...Лю теребит меня за рукав.

— Идем! Не надо писать — мне скучно!

— Подожди, — говорю я. — Я пишу папе письмо. А ты поиграй с девочками.

— Напиши папе: пусть приедет поскорее и привезет игрушки!

— Хорошо. Я напишу.

Я обо всем пишу тебе. Только у меня не хватает сил, чтобы рассказать тебе о том дне. Я сижу в классе. Учительнице кажется, что я очень внимательно слушаю ее рассказ о скандинавских странах, а я думаю: как написать тебе о том дне? Пересчитываю приборы в столовой, нарезаю хлеб, слежу, чтобы все малыши ели, а думаю все о том же. Прострачиваю в нашей мастерской сорочки для раненых, обметываю петли, переговариваюсь с девочками, и снова думаю. Вечером укладываю Лю в постель и рассказываю ей об одном знакомом дедушке, у которого борода в семь километров, а когда она засыпает, ложусь сама. Но сон долго не приходит ко мне, я все думаю, как рассказать тебе?

Звенит тишина, и мне кажется, что это снова летят они, и снова я бегу из оврага, и только одно слово бьется во мне: мама! мамочка!.. И снова, все ближе и ближе темные груды облом-

ков, и откуда-то из-под них слышатся стоны, они режут сердце. Но я не останавливаюсь, я не могу остановиться... И вдруг — клок серого в клетку платья...

Солнце тускнеет, тускнеет, потом гаснет, и черное небо внезапно опрокидывается и валит меня с ног... Мама!..

* * *

Темные боги смотрят на меня тусклым, безразличным взглядом. Я тоже смотрю на них и хочу спросить маму, зачем она повесила в углу эти картины? Но чья-то рука касается моего лба, и кто-то говорит тихо:

— Спи, касатка, спи, сиротинка моя. Ты больная, нельзя тебе шевелиться.

Это мне говорят? Это я сиротинка?

Я сажусь на постели, и седая женщина, которую я вижу впервые в жизни, прижимает меня к своей груди, и крестит, и плачет вместе со мной.

Снова возвращается ночь, она тянется долго. Я больна. На моем лбу все время холодный компресс, и все же мне жарко, душно. Но это ничего: я должна встать, чтобы найти маму. Я непременно должна встать, сейчас же, сию минуту! Но ноги меня не слушают, опять они не мои. Я слышу далекий-далекий голос:

— Нервное потрясение слишком велико... Сейчас трудно сказать...

Наконец ночь рассеивается. Но я еще много дней лежу в постели.

— Валюшка, — спрашивает тетя Даша, — блинков испечь тебе?

— Не надо, — отвечаю я.

— А ватрушку? Хочешь ватрушку? С творогом, с изюмом?

— Не надо.

Мне ничего не надо. Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить.

На станцию часто прилетают вражеские самолеты. Бьют зенитки. Тетя Даша наглухо закрывает ставни. Она мелко-мелко крестится, боязливо прислушиваясь к тому, что делается за окном, а я зарываю голову в подушку и натягиваю на себя одеяло. Я не боюсь, я только не могу слышать эти звуки.

— Завтра можно будет походить по комнате, — говорит доктор.

Я встаю. Держась за спинку кровати, за стол, за комод, делаю первые шаги. Ветер шумит за окном, сметает желтые шуршащие листья. Осень? Нет, это не осень, это, должно быть, конец моей жизни. В комнате пахнет чем-то печеным, тетя Даша ставит на стол пирог.

— По случаю твоего выздоровления, доченька, — говорит она.

Однажды я очутилась у околицы. Ровная, как лента, уходила вдаль дорога.

Через силу жую хрустящую корочку.

— Вкусно?

— Вкусно.— Это, чтобы не огорчить тетю Дашу.

В воскресенье мы выходим из дома. Мы идем медленно, потому что я быстро устаю. Тетя Даша рассказывает, какая страшная была тогда бомбежка, как она подобрала меня и как долго я была без памяти.

Мы приходим к братской могиле. Тетя Даша плачет. Я не плачу. Какой-то камень лежит на сердце. Он жмет и давит, мне нечем дышать. Но слез нет.

Дни похожи один на другой. Рано утром тетя Даша уходит на работу — она заведует колхозной фермой. Я убираю комнату, мою посуду. В полдень тетя Даша приходит на несколько часов домой, и я помогаю ей готовить обед. «Останешься со мной,— говорит она мне.— Я детей люблю, у меня всегда шумно от ребят было, а потом выросли, разлетелись, теперь на фронте воюют...»

Иногда она сердится:

— Чего ты все время в комнате сидишь? Иди, Валюша, во двор, погуляй. Только далеко не ходи, а то налетят еще ненароком...

Я брожу по незнакомым улицам и стараюсь не смотреть на развалины домов, на воронки. Хожу долго, пока не вспоминаю, что тетя Даша волнуется. Когда ходишь, легче на душе.

Однажды, сама того не заметив, я очутилась у околицы села. Ровная, как лента, уходила вдаль дорога. На дороге что-то темнело. Я подошла ближе и увидела, что это работают люди, человек пятьдесят. Одни, стоя на дне огромной ямы, копали землю, другие накладывали ее на тачки и носилки. Было холодно, но люди, наверно, не чувствовали этого. У дороги лежала груда одежды — пиджаков, пальто, платков. Люди работали молча, хмурые, сумрачные, точно рыли могилу. Было странно: так много людей — и так тихо.

— Что это будет, дедушка? — спросила я у старика, катившего тачку.

— Танковый ров будет,— ответил он и отвернулся.

Письмо четвертое

Танковый ров... Значит, они придут и сюда? Будут ходить по станции и радоваться: этот дом мы разбомбили, эту улицу мы разрушили. Войдут к тете Даше, скажут ей — вон! Сорвут со стены ее богов и лягут на ее постель.

Я подошла к женщине, накладывавшей на носилки землю, и спросила:

— Можно помочь вам?

— Вот лопата, бери.

Лопата была тяжелая и не слушалась моих рук.

— Ты пониже бери,— показала женщина,— и доверху лопату не набирай, тебе не под силу.

Я послушалась. В несколько приемов мы наполнили носилки, потом вместе подняли их, отнесли в сторону за дорогу и, сбросив землю, вернулись на прежнее место. И снова принялись за лопаты.

— Ты чья будешь? — спросила женщина.— Что-то я тебя не припомню.

— Я у тети Даши живу, у Кашевой,— ответила я.

— Так это твою мамку бомбой убило?.. А отец где?

— На фронте.

— Солдатская дочка, значит.

Солдатская дочка... В первый раз меня так назвали. Я повторила про себя эти слова: «солдатская дочка». Мне показалось, что мои руки стали сильнее.

Домой я возвратилась вечером. Ныла спина, болели ноги. Первый раз за все свои тринадцать лет я почувствовала, что такое настоящая усталость. Тетя Даша сливала мне на руки воду и рассуждала о том, как это девочка не боится ходить так поздно, когда кругом ни зги не видать.

— Тетя Даша, миленькая, я должна что-то делать. Не сердитесь.

Через день ров был закончен, и мы принялись копать новый. Приходили рано утром, а уходили вечером.

Все чаще появлялись над станцией фашистские самолеты. Тогда мы забирались в ямы и

Дождь колет лицо, точно иглами,
ледяными струйками стекает за шею.
Коровам тоже, должно быть, холодно.

лежали в них ничком. Самолеты улетали, а мы снова брались за работу. На ладонях у меня появились мозоли. Ты, папочка, наверное, не узнал бы свою Валюшу в тети-Дашиной кофте, в косынке, завязанной под подбородком. Солдатская дочка...

С женщиной, которая так назвала меня, мы работали парой. С ней было легко работать. Может быть, потому что она почти не разговаривала. За все время, что мы были вместе, ее губы — тонкие, почти белые — ни разу не улыбнулись.

— Мария Никифоровна? Знаю, — сказала о ней тетя Даша. — Большой силы человек. Муж ее машинистом был здесь, в депо. Месяц назад он поехал в рейс и больше не вернулся. Только кочегар через неделю пришел. Он-то и рассказал все. Приехали они на станцию, куда им было назначено, а там уже были гитлеровцы. Кочегар удрал и спрятался в кусты, а Иван Борисович, машинист, не успел. Ему приказали вести поезд дальше. Он отказался. Его стали пытать, потом связали руки и ноги — и в топку. Теперь Марья одна с тремя детьми. Ночью убирает, варит, стирает, а утром — на копку рва. Тебе, Валюша, кажется, что горше твоего горя на свете нет, а горя сейчас у каждого — океан-море, а у Марии — и не скажешь, какое громадное! Только не дает она горю властвовать над собой. Она в своем горе, как железо в огне, закаляется.

На следующий день мы с Марией Никифоровной работали, как всегда, молча. Но в этот день я особенно старалась не отстать от нее, мне хотелось быть такой же сильной.

Вскоре и второй ров был готов. Выкопали и третий и четвертый; они вытянулись в ряд один за другим, похожие на огромные корыта. Паровоз привез несколько платформ, нагруженных какими-то рогатыми штуками, которые все называли надолбами. Устанавливать эти надолбы было еще тяжелее, чем рыть землю, но все же к вечеру мы справились.

— Пусть теперь попробуют подступиться к нашей станции!

Тетя Даша, перебиравшая что-то у сундука, захлопнула крышку.

— Может, и удастся их попридержать. Но все равно завтра мы с тобой уйдем. Скот угонять надо.

Письмо пятое

Платок, которым закутала меня тетя Даша, совсем намок от дождя. Я закрываю глаза, утыкаю подбородок в воротник, но спрятаться от дождя нельзя. Он колет лицо, точно иглами, ледяными струйками стекает за шею. Коровам тоже, должно быть, холодно. Они мычат и все время останавливаются. Мы подгоняем их прутьями и палками, коровы делают несколько шагов и снова останавливаются. А вокруг — ни села, ни даже деревца. Только черные голые поля и дорога, которой не видно конца, да скользкая и вязкая грязь, из которой с трудом вытягиваешь ноги. И дождь, дождь.

Я хочу сказать тете Даше, что я больше не могу. Пусть она оставит меня, я лягу здесь на дороге и умру. Но кто-то внутри меня говорит

грубо: «Ты что, думаешь, тете Даше легче? Она старенькая, а тебя под руку поддерживает». Я на минуту открываю глаза. Тетя Даша, сгорбившись, идет рядом. Прядь седых волос выбилась у нее из-под платка. Волосы слиплись, но она не замечает этого. Она идет, крепко прижав к себе локоть моей руки, и только изредка вздыхает.

В сумерки мы приходим в село. Незнакомая женщина заводит меня к себе в избу. Я сбрасываю мокрый платок, покрытые грязью туфли и чулки и протягиваю руки к теплой печке. Никогда еще мне так хорошо не было.

— Тетя Даша, — говорю я. — Идите к печке, погрейтесь.

— Некогда, Валюша, — отвечает она, — сначала коров подоить надо.

Она уходит. Уходят и Маруся, Катя, Вера, ее помощницы. Огонь уже не так радует меня. Мне стыдно, что я остаюсь в тепле, а они снова идут на холод. Я стараюсь уговорить себя, что я просто не умею доить. Но все равно стыдно.

На рассвете мы снова трогаемся в путь. Небо — как вымытое, чистое, синее. Вместе с нами идут еще женщины и дети. К нам подходит женщина. На руках у нее спит крохотная белоголовая девочка.

— Бабоньки, — спрашивает женщина, — может, дадите для дочки стакан молока? Боюсь, помрет у меня в дороге дитя, совсем зачахла.

— А мы сейчас привал сделаем, вот и будет тебе молоко. — Тетя Даша останавливает стадо. Подходят люди. Они подставляют под вымя кружки, котелки, фляги. Взяв у женщины белоголовую девочку, я пою ее теплым парным молоком. Девочка жадно пьет и говорит:

— Еще!

Я пою ее еще.

— А как тебя зовут?

Она на миг отнимает губы от стакана и отвечает:

— Лю.

— Нет такого имени. Наверное, Люся, да? Или Люба?

— Лю, — повторяет она. — Я — Лю.

Я возвращаю Лю матери.

Молока все напились, а недоеных коров еще много. Женщины сдаивают молоко прямо на землю. Растекаются по полю белые ручейки, превращаются в белые озерца. Текут по лицу тети Даши слезы.

— Какой грех, — шепчет она. — Господи, какой грех должны мы брать на свою душу. Дети без молока пропадают, а мы его — на землю.

В эту минуту появляются о н и.

Они появляются откуда-то из-за леса и летят низко-низко, почти касаясь земли. На серых крыльях видны кресты. Тетя Даша заслоняет своим телом меня, как будто от этого можно заслонить. Самолеты взмывают вверх, потом снова спускаются, и вой бомб оглушает меня. Одна, другая, третья. Что-то стрекочет в воздухе, свист, что-то ударяется рядом со мной в землю. Неужели пули?

Все тише и тише рокот самолетов. Я помогаю тете Даше подняться. Неподалеку лежит Катя, тетя Даша подходит к ней и поднимает ее голову. Катя молчит...

А где же Лю?

Мать прикрыла ее своим телом... Я беру девочку на руки и прячу под свой платок; ей не надо видеть ничего этого. Ей не надо видеть...

Так я нашла тебе, папочка, еще одну дочку...

Письмо шестое

Пришел Новый год, мой дорогой папочка, и первое мое слово привета сегодня тебе. Здравствуй, любимый! С праздником!

Анна Ивановна, Зина, Маруся, Рита и я вчера весь вечер украшали елку. Малышам страшно хочется узнать, чем это мы заняты. Мы, конечно, секретничали. Ребятишки то и дело пытались подсмотреть в замочную скважину.

Мы украшали елку, и каждая из нас думала о доме, о маме. Казалось, это вовсе не Анна Ивановна, а мама подает мне игрушки и говорит: «Осторожно, не разбей! И пальцы не коли. У тебя ведь нет других про запас!»

Пальцы мы искололи порядочно, так что сегодня писать трудно. Зато елка получилась красивая, как в мирное время. А когда малыши поужинали и легли спать, мы тихонько обошли спальни и каждому из ребят положили под подушку подарок. От Деда Мороза. Подарки прислали нам шефы со станкостроительного завода. Так много, словно они закупили целый магазин с игрушками. Сколько оказалось у нас всяких чудесных вещей — и ботинок, и чулок, и книг, и игрушек!

— Это для Лю, — сказала Анна Ивановна и протянула мне куклу.

Кукла нам всем понравилась. Мы внимательно рассмотрели, как сшито ее платье, и решили назвать ее Майкой. Осторожно положили мы куклу под подушку Лю и принялись вспоминать, какие у кого были куклы.

Утром оказалось, что Дед Мороз в серой клетчатой юбке и очках Анны Ивановны положил и под мою подушку подарок.

Я глядела на улыбающегося танкиста с почтовой открытки, перечитывала строки, написанные на обороте карандашом, и думала о том, какое доброе надо иметь сердце, чтобы не забыть о веснушчатой девочке Вале.

Я никогда не потеряю эту открытку. Вот что там было написано:

«С новогодним красноармейским приветом, наша маленькая боевая подруга! Пусть тебе не кажется, что ты не заслужила такого имени. Ведь это твои серые глазки светят нам сейчас в темном сыром блиндаже, и нам кажется, что в нем совсем не так темно и сыро.

Через час мы идем в бой, вместе с нами в бою будешь ты: твою фотографию Вася Федотычев повесил в своем танке на самом видном месте. И если нам придется трудно, мы взгля-

нем на нее, и ты придашь нам бодрости и силы, и каждый снаряд из нашей пушки будет лететь под возглас: «За Валю, за ее маму, за Лю!»

Пришли нам весточку, не забывай своих друзей-танкистов.

Майор Анисимов, младший лейтенант Федотычев».

И пока Лю играет со своей Майкой, а старшие девочки из нашей комнаты в двадцатый раз заплетают свои косички, я расскажу тебе о

Я уже не стыдилась своих голодных глаз и рваных чулок. Набирала полную ложку горячего супа, откусывала от толстого ломтя хлеба.

майоре Анисимове и о младшем лейтенанте Федотычеве, которого майор называет младчайший лейтенант, потому что он совсем молодой и очень невысокий. Всего лишь на голову выше меня.

Когда убили маму Лю, тетя Даша и Вера пытались взять ее на руки, но она крепко обхватывала мою шею и громко кричала: «Мама!»

— Это судьба, Валюшка, судьба! — говорила тетя Даша.

Я шла, осторожно ступая, чтобы не разбудить Лю, и чувствовала, как стучит рядом с моим ее сердце. И я знала, что не расстанусь с ней. Я подумала так, но ничего не сказала: Лю могла проснуться от моего голоса. А тетя Даша и так знала, о чем я думаю...

Вера и Маруся остались у станции стеречь стадо, тетя Даша пошла в поселок похлопотать о ночлеге, а я ходила по станционной платформе, старалась успокоить плачущую Лю и думала о том, как хорошо будет, если мы сейчас пойдем в теплую комнату и можно будет дать отдых рукам, и поесть горячего — непременно горячего, а потом лечь, вытянуться и уснуть. И спать, спать, спать, ни о чем не думая.

Очень хотелось есть. И все время чудился

Поезд медленно отходил от станции, а на перроне стояла тетя Даша.

запах свежего хлеба. Будто где-то совсем рядом была пекарня, и там только что вынули из печи булки, и от этого булочного духа, которого на самом деле не было, щекотало в носу.

Последний хлеб мы съели вчера вечером. Правда, хлеба мы взяли в дорогу много, но половину тетя Даша раздала разным людям по дороге. Молоко я люблю, оно вкусное, но если бы к молоку хоть малюсенький кусочек хлеба!.. А еще лучше суп с картошкой, густой-прегустой суп.

И как только я подумала о супе, то стало казаться, что пахнет уже не хлебом, а супом. Я проглотила слюну. И вдруг увидела совсем рядом котелки, наполненные чем-то горячим. От них шел пар и так вкусно пахло, что у меня закружилась голова.

У самого перрона стоял поезд. В дверях одной из теплушек расположились красноармейцы. Свесив ноги, они поставили перед собой котелки и ели, весело переговариваясь. Мне надо было отойти в сторону, но ноги точно прилипли к земле. А тут еще Лю увидела, что кто-то ест, и завопила: «Хочу кушать!»

— Сейчас, Лю, сейчас, миленькая. Скоро придет тетя Даша, и тогда будем кушать...

Но Лю завопила еще сильнее: она не хочет скоро, она хочет сейчас!

Один из красноармейцев увидел нас и крикнул:

— Эй, девочка! Чего это у тебя малàя плачет? Небось, кушать хочет? Да и сама ты, небось, голодная?

В дверях вагона появился командир, — видно, услышал шум.

— А ты, Барсуков, покорми ребят, — приказал он и, обращаясь ко мне, добавил: — Не стесняйся, девочка.

— Спасибо, — пролепетала я, — я не очень хочу есть, только вот Лю...

Но они поняли, что я вру.

Красноармеец, которого командир назвал Барсуковым, посадил Лю к себе на колени. Она высвободила из-под платка руку, погладила его по щеке и сказала:

— Мой папка приехал!

Никто не засмеялся, не улыбнулся.

— Похожа на твою, Барсуков? — спросил пожилой красноармеец.

— Похожа, — ответил Барсуков. — Только моя — черненькая, а у этой волосенки — что бронза.

Я уже не стыдилась своих голодных глаз и рваных чулок. Набирала полную ложку горячего супа, откусывала от толстого ломтя хлеба. Вокруг стояли люди — мужчины, женщины.

— За всех детей сердце болит, — сказала одна женщина, — а пуще всего — за тех, кто без батьки-матки по свету мыкается.

Я рассказала им все о маме. О Лю. О тебе. О Даше. И что я не знаю, где ты, и как мы шли под дождем, и как нас бомбили в поле. Я не сразу заметила, что из глубины вагона показался еще один командир с двумя шпалами на ши-

нели. Командир присел на корточки возле Лю и протянул ей кусок шоколада. Лю вмиг измазалась, и в первый раз я увидела на ее посиневших губах улыбку.

— Ты откуда идешь? — спросил меня командир.

Я ответила.

— А как тебя зовут?

— Валя.

— А фамилия твоя как?

— Петрова.

— Не твой ли отец директором завода был?

Мне показалось, что сердце готово выскочить из груди от радости:

— Вы моего папу знаете? Где папа, тоже знаете?

— Приезжал он как-то в наркомат, мы с ним беседовали. А где он теперь, не знаю. Хороший у тебя отец, умный, — добавил командир и обратился к молодому: — Пошли в вагон, Федотычев, посоветуемся. А ты, Валентина, доедай свой суп — ложку в руках забыла.

Тетя Даша искала меня по всей платформе. Я побежала к ней навстречу, привела к вагону. Лю по-прежнему сидела на коленях у Барсукова. «Ладушки, ладушки, где были?.. У бабушки!..» — приговаривал он, похлопывая ее ручонками. Лю весело смеялась. Мне стало тепло и радостно, даже немного завидно: почему и мне не два года, почему и я хоть на минутку не могу забыть свое горе?

Командир со шпалами выпрыгнул из вагона, подошел к тете Даше и, вежливо представившись, отвел ее в сторону. Они о чем-то разговаривали вполголоса, и тетя Даша все время прикладывала к глазам платок. Я дивилась, о чем это могут разговаривать люди, которые никогда прежде друг друга не видели? Но скоро все выяснилось.

— Вот что, Валюша, — сказала тетя Даша, когда они возвратились к вагону. — Этот военный командир предлагает отвезти тебя с Любочкой в город, а там определить в детдом. Жаль, доченька, расставаться, да что поделаешь — война. Нам со стадом еще верст сто идти... А то и больше...

— Тетя Даша, — бросилась я ей на шею. — Тетечка, дорогая, миленькая! Не оставляй меня! Я дойду, честное слово, дойду!

— А как с маленькой будет, Валя? — коротко спросил командир.

Больше он ничего не сказал, и я поняла: надо ехать.

Паровоз дал гудок. Тетя Даша еще раз крепко расцеловала нас. Молодой лейтенант крикнул весело: «По коням!» — и, подняв меня, поставил в вагон.

Поезд медленно отходил от станции, а на перроне стояла тетя Даша — маленькая, сгорбленная, старая, такая старая, какой никогда еще не была...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВЫСШАЯ НАГРАДА РОДИНЫ

Полвека назад, 6 апреля 1930 года, был учрежден орден Ленина — высшая награда Родины за ратные и трудовые подвиги.

Это было бурное и стремительное, словно вешнее половодье, время первой пятилетки.

И днем и ночью кипела великая всенародная стройка. Возводились электростанции, заводы, домны, прокладывались железные дороги и каналы. Рождалась индустрия.

Воплощались в жизнь, становились реальностью ленинские заветы. И высшей наградой лучшим из лучших стал орден, названный именем вождя и основателя Коммунистической партии и Советского государства.

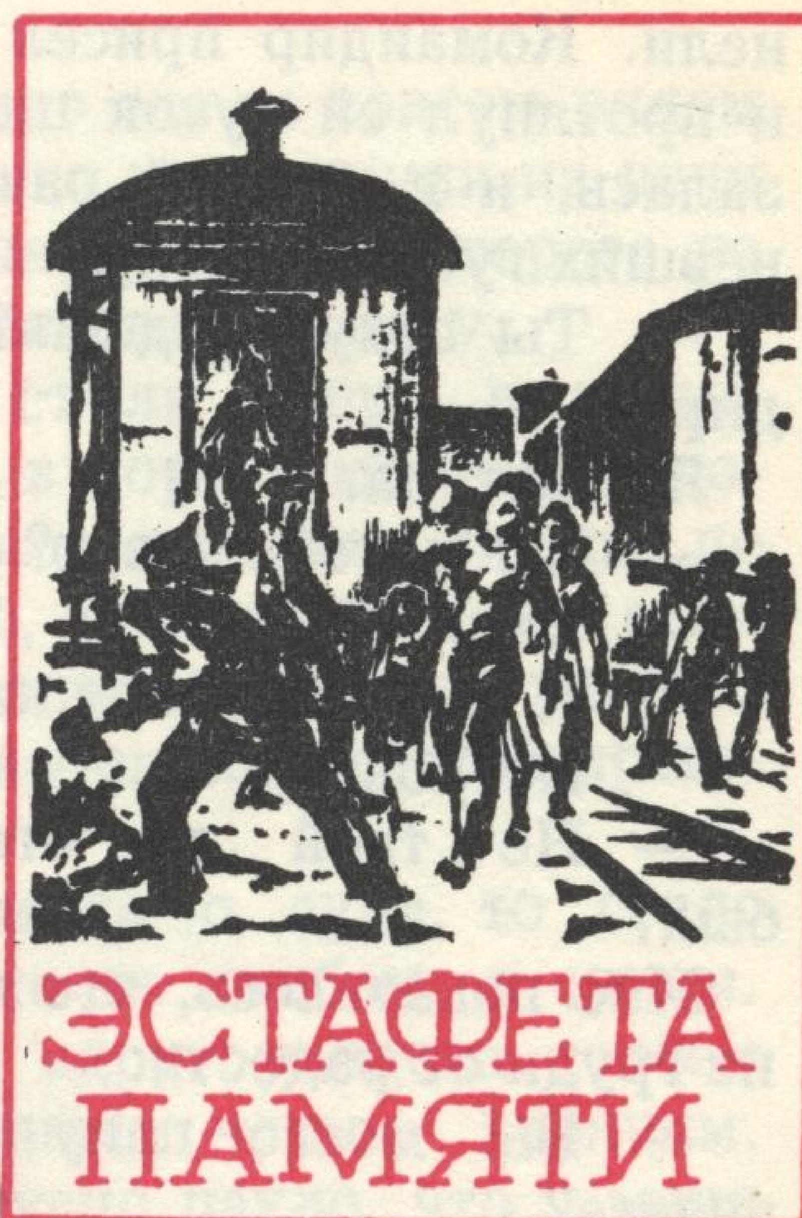
«Орденом Ленина, — гласит его статут, — награждаются отдельные граждане, коллективы, учреждения, предприятия и общественные организации Союза ССР за особые заслуги в социалистическом строительстве».

Орден Ленина № 1 был вручен газете «Комсомольская правда» за активное участие в развитии социалистического соревнования.

Пшеничные колосья — символ нашего государства — обрамляют портрет Владимира Ильича. Развернуто Красное знамя. Золотом начертано на нем дорогое имя — Ленин. Этот памятный знак с гордостью носят ветераны партии, участники трудового созидания и борьбы за свободу и независимость нашей Родины, передовые рабочие, труженики полей, ученые, врачи, педагоги. Орденом Ленина награждены союзные и автономные республики, многие края, области, города, заводы, фабрики, вузы и школы.

Три высших награды Родины горят на знамени Ленинского комсомола. Дважды отмечена ими и организация юных ленинцев — Всесоюзная пионерия.

В. ЯКОВЛЕВ

Этому снимку более шестидесяти лет, он сделан во время первомайской демонстрации 1919 года. На нем неподалеку от В. И. Ленина стоит молодой парень, комсомолец Василий Казин...

Сегодня старейший советский поэт Василий Васильевич КАЗИН — гость нашего журнала.

УЧИТЕЛЬ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Глядя на эту фотографию, я вспоминаю свою давно ушедшую юность. Шел 1919 год. Но мы, молодежь, несмотря на холод, голод и разруху, не унывали. Мы горели таким революционным энтузиазмом, что, казалось, еще чуть-чуть усилий, и вот она — мировая революция.

Первого мая должна была состояться демонстрация. Узнав, что на ней будет выступать Владимир Ильич Ленин, я постарался пробраться на Красную площадь как можно раньше. Встал я у самой Кремлевской стены. Какова же была моя радость, когда я увидел неподалеку Владимира Ильича!

Шли колонны трудящихся, и все восторженными криками приветствовали любимого вождя. Меня поразило, как просто и естественно он

держался. Глядя на него, трудно было поверить, что это вождь великой страны, великой революции.

Меня Владимир Ильич поразил еще тем, как скромно он был одет: обыкновенное демисезонное пальто. Точно такое же носил мой дядюшка — простой портной.

Это первое впечатление от облика Ленина оставило очень глубокий след в моем сердце. Мне хотелось написать о Владимире Ильиче как можно лучше. Но прошло много лет, прежде чем я написал стихотворение «Снимок». Оно много раз печаталось, но, может быть, не все из вас его читали, вот почему я хочу предложить это стихотворение читателям «Пионера».

После того майского дня я еще не раз видел Владимира Ильича. Посчастливилось мне слышать речь Ленина на III съезде комсомола.

Вы, наверное, знаете, что съезд проходил в помещении, где сейчас Театр имени Ленинского комсомола. Когда узнали, что будет выступать Ленин, в зал набилось людей до отказа. Вышел Владимир Ильич, встретили его овацией, которая долго не прекращалась. Но как только он начал речь, в зале воцарилась глубокая, чуткая тишина.

Владимир Ильич сказал, что мы сейчас поговорим о самой важной задаче комсомола, которую можно выразить одним словом. Мы сразу задумались — что это за слово? Тогда шла гражданская война, царила разруха... Какое может быть слово: победить, разгромить, выстоять! И вдруг оказалось, что слово это — учиться. Учиться коммунизму.

Сначала все были удивлены, но Ленин умел говорить так, что слова его глубоко запали в душу.

Эта речь Владимира Ильича была воспринята нами как программа действий, как программа нашей дальнейшей жизни — жизни всего комсомола.

Надо сказать еще, что в то время я учился в студии Пролеткульта, при Народном комиссариате просвещения.

Была в Москве такая организация, которая объединяла представителей пролетариата, пробующих свои силы в самых разных областях искусства: литературе, театре... Из этой студии вышло немало известных людей искусства.

Некоторые товарищи из «Пролеткульта» в то время выдвигали идею, что пролетарская культура должна существовать как бы сама по себе, вне накопленных человечеством знаний. Зачем, мол, нам изучать Пушкина, Лермонтова, Толстого и других, как они говорили, «буржуазных» писателей, когда мы создаем свою культуру, — такова была их позиция.

А Ленин в своей речи говорил, что ничто не создается на пустом месте и нельзя создать свою культуру, построить коммунизм, если не овладеешь знаниями, которые добыло до тебя человечество.

На меня тогда эти слова очень подействовали и, можно сказать, повлияли на мое мировоззрение.

В моей жизни Ленин сыграл громадную роль. Те мгновения, когда я видел его, я считаю одними из самых счастливых в своей судьбе. И представляете, каково было мое счастье, когда на экскурсии в кабинете В. И. Ленина в Кремле я увидел свою книжку стихов «Рабочий май». Моя книжка в личной библиотеке Владимира Ильича! Те чувства, которые я испытал тогда, невозможно передать словами, — вы и сами понимаете, как безмерно должен быть счастлив человек, чью книгу держал в руках, читал наш великий Ленин.

Мы часто говорим: «Беречь память Ленина». А что значат эти слова для тебя, для твоих товарищей, для всех советских людей? Задумывался ли ты когда-нибудь над этим вопросом?

Ленин остается нашим учителем на века. У него мы должны учиться не только революционному духу, но и нравственности, настоящей человеческой морали.

Если мы научимся жить по заветам Ленина — это и будет лучшей ему памятью.

СНИМОК

На нем — ни одной из любимых.
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком
Иль брошу сознательно взгляд,
Вскипая в волненье глубоком,
По-детски и горд я и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем —
И взгляд мой затеплит слеза:
Мелькнет и засветится Ленин,
Как счастье, ворвавшись в глаза.

Он вспыхнет, подпертый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней Кремлевской стеной.

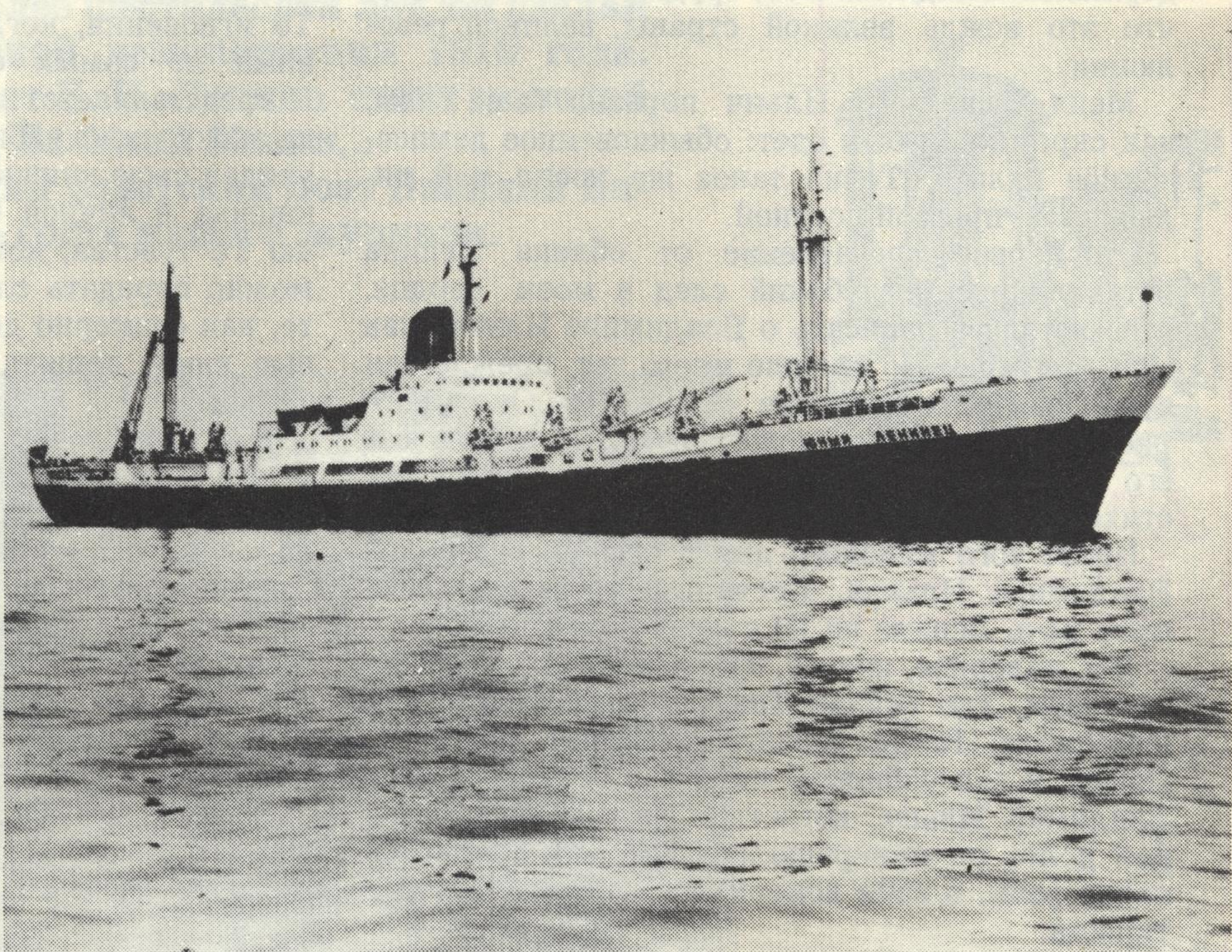
Стоит он, мудрец — покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И, глаз проницательный щуря,
Следит он, как в зорях знамен
Шагает Октябрьская буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою.

1938 г.

К читателям «Пионера» обращается экипаж турбохода «Юный ленинец»

«Мы остаемся в пионерском строю»

Дорогие ребята!

Наш корабль особенный, построен он из металла, собранного украинскими пионерами. Мы гордимся своим «Юным ленинцем», гордимся, что пионерский он не только по названию.

Рапортуем вам, дорогие ребята.

В свой первый рейс «Юный ленинец» ушел в самом конце 1964 года. С тех пор наш турбоход перевез сотни тысяч тонн грузов. Где мы только не побывали! Во Вьетнаме и Кувейте, Японии и Ираке, Иране и Франции, Италии и США, Испании и Канаде, Англии и Индонезии и многих-многих других странах...

Но где бы мы ни были, всегда помним: наш корабль пионерский. Помним, что, провожая нас в первое плавание, херсонские пионеры повязали каждому из нас красный галстук.

И мы остаемся в пионерском строю. Готовы выполнять все поручения пионеров.

...Когда мы были на Кубе, в гости на судно пришли кубинские пионеры. Мы им рассказали, как был построен наш «Юный ленинец», рассказали о вас, дорогие ребята, о вашей жизни, учебе, пионерских делах. Особенно понравились кубинцам рассказы о юных тимуровцах. Прощаясь с кубинскими пионерами, мы выполнили поручение киевских школьников: передали их письма и сувениры детям Кубы.

У нас немало друзей среди пионеров страны. Вдали от родных берегов особенно приятно получать от них письма. И хочется, чтобы число наших друзей росло.

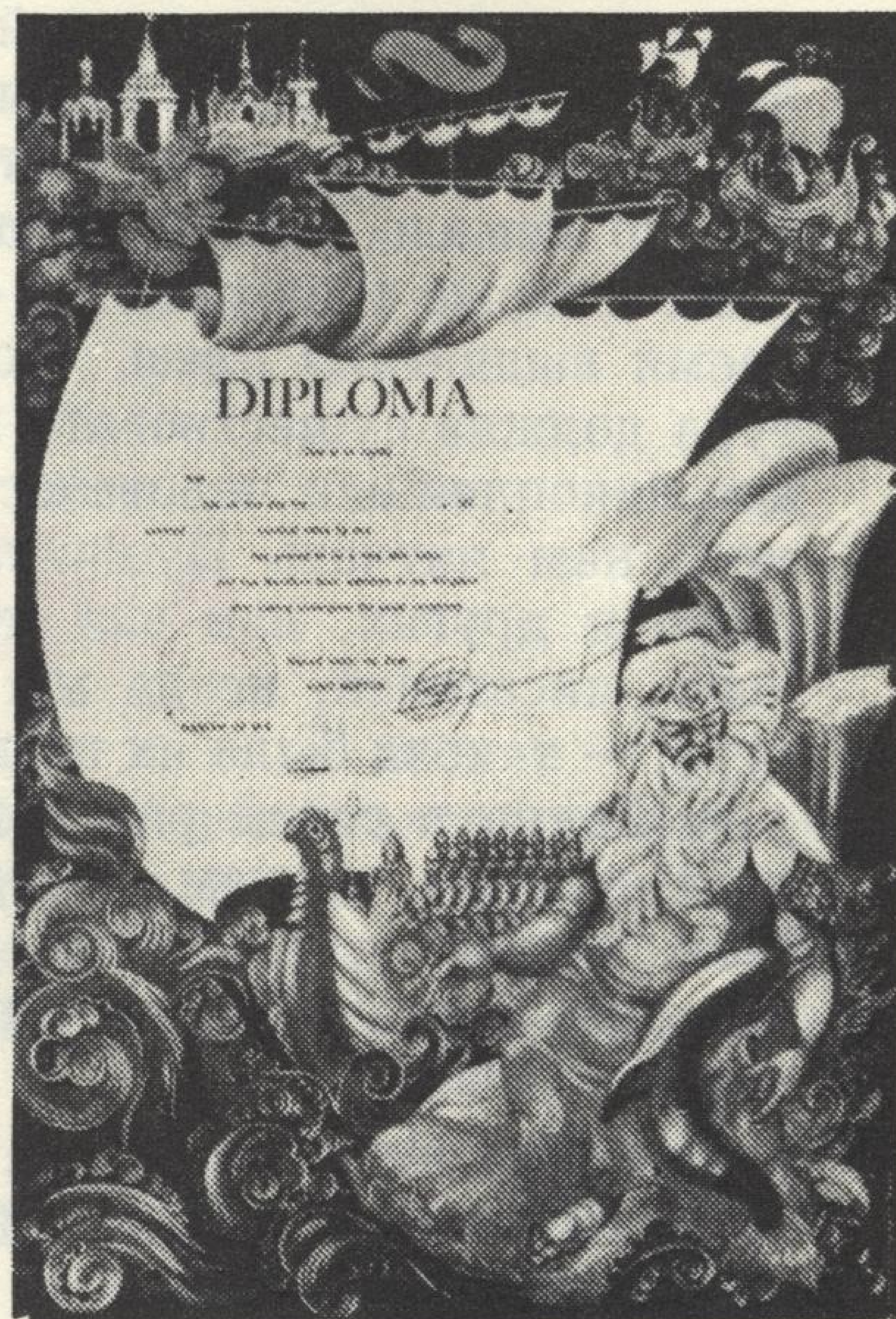
Пишите нам, ребята.

Пишите о своих пионерских делах, об учебе, о планах и мечтах. А мы будем рассказывать вам о том, как работаем в море, о странах, в которых побываем, о ваших сверстниках за рубежом.

Наш адрес: Черноморское ордена Ленина морское пароходство.

Турбоход «Юный ленинец».

По поручению всего экипажа капитан турбохода «Юный ленинец», капитан дальнего плавания АВРИЯНОВ Владимир Николаевич.

Этот веселый диплом подарен журналу «Пионер» в честь символического пересечения экватора.

Владимир ДАНЬКО

Скоро весна

Бежим со снежками
От дома до школы.

И ветви деревьев
Пока еще голы.

Еще каждый кустик —
Сухой и невзрачный.

Но небо все выше,
Светлей и прозрачней.

К утру подморозит,
А днем припечет.

И всюду сосульки.
И с каждой течет!

Зима уезжает

Весь день
Шел весенний,
Шел радостный бой

За птиц,
За растенья,
За кустик любой.

Зима не сдавалась,
Не отступала.
За ночь сугробы
Она насыпала.

Но утром опять
Начиналось сраженье.
Вот каждый сугроб
Уже взят в окруженье.

— На приступ! —
Команда весны раздалась.
И снежная крепость
Без боя сдалась.

И вот наши крепости,
Снежные горы
На самосвалах
Увозят шоферы.

Зима уезжает!
Зима уезжает!
Мальчишки снежками
Ее провожают.

Горит на пути
Светофор-автомат
Большими
зелеными
буквами:
М
А
Р
Т

* * *

Новая травка взошла у крыльца.
Вновь расцветают мои деревца.
Новая птица под крышей гнездится.
О чем твоя новая песенка, птица?

А птица в ответ:
— Я пою,
О птенчике новом пою,
Который в скорлупке стучится,
Которому гнездышко вью.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

В. СЕРОВ. **Всегда с народом.**

Кайсын **КУЛИЕВ**

ГОРСКАЯ ПОЭМА О ЛЕНИНЕ

ОТРЫВОК

О, первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лёт паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты...

...Мне Ленин дал тот праздник сентября.
Кому ж еще дарить такое впору!
Сын пастуха, его мечтой горя,
Весь мир увидеть поднялся на гору.

Как ленинского флага огонек,
С которым в сердце породнилась вера,
К груди моей прилип наискосок
И загорелся галстук пионера.

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?
В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обагрил в ауле?

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня,
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

О знамя правды! Твой спокойный свет
Отводит бури, чист и неизменен.
И в целом мире выше слова нет,
Чем слово жизни, слово света — Ленин.

Перевел с балкарского М. ДУДИН.

На Красной Пресне много мемориальных досок и обелисков. Такое уж это место. За каждый дом, за каждый метр дрались здесь в девятьсот пятом году восставшие.

Владимир Ильич Ленин по-особенному относился к Красной Пресне. После Октябрьской революции не раз выступал в Прохоровской столовой, любил встречаться, беседовать с пресненскими рабочими. Был бессменным депутатом Моссовета от «Трехгорной (бывшей Прохоровской) мануфактуры».

Все, что связано с ленинскими местами на Красной Пресне, с революционными событиями пятого и семнадцатого годов, бережно собирают и хранят ребята из московской школы № 87.

О ленинском музее этой школы рассказывает специальный корреспондент «Пионера» Ирина ПАВЛЕНКО.

Мы живем на Пресне

В двух шагах от того места, где сейчас восемьдесят седьмая школа, в начале века была Шмитовская фабрика. По наследству она досталась молодому революционеру Н. П. Шмиту. В пятом году вместе с рабочими он создал боевую дружину и вооружил ее. Начальником этой дружины стал большевик, пресненский рабочий Михаил Степанович Николаев.

Вот к этому человеку тридцать лет назад обратилась Елизавета Ивановна Земцова, совсем еще молодой директор школы, и попросила его помочь ребятам организовать ленинскую комнату.

С тех пор прошло много лет. Сколько поколений ребят школу закончили! Но и сейчас даже самые маленькие знают, что старый пресненский рабочий помогал рождению школьного ленинского музея.

«Начинать надо с себя»,— говорил Михаил Степанович. Елизавета Ивановна Земцова и ребята из школы № 87 прошли по ленинским местам на Красной Пресне; на «Трехгорной мануфактуре» нашли людей, которые слышали выступление Ленина в Прохоровской столовой.

С какими интересными людьми подружили их поиски документов, материалов для музея! Иван Мартынович Касаткин — еще мальчишкой в пятом году участвовал в боях на Красной Пресне. Григорий Алексеевич Моргунов, председатель Совета ветеранов завода «Динамо». Елена Константиновна Кравченко, член РСДРП с 1903 года. Михаил Мартынович Полухов. Он встречал Ленина в семнадцатом году на Финляндском вокзале. Именно Михаил Мартынович подарил музею самый первый, подлинный номер «Правды».

История представала перед ребятами в рассказах живых людей, в документах, и они старались сохранить все это для тех, кто придет в школу потом. Бережно собирали все, что касалось судеб старых пресненских рабочих, участников восстания.

У каждого класса есть задание. Четвертый собирает коллекцию значков, посвященных Ленину, старается все про эти значки узнать — какой когда выпущен и почему. Шестой класс готовит экспозицию о Марии Александровне, матери Ленина. У седьмого задание — выяснить, почему «Трехгорка» носит имя Ф. Э. Дзержинского, провести с октябрятами экскурсию по ленинским местам на Красной Пресне.

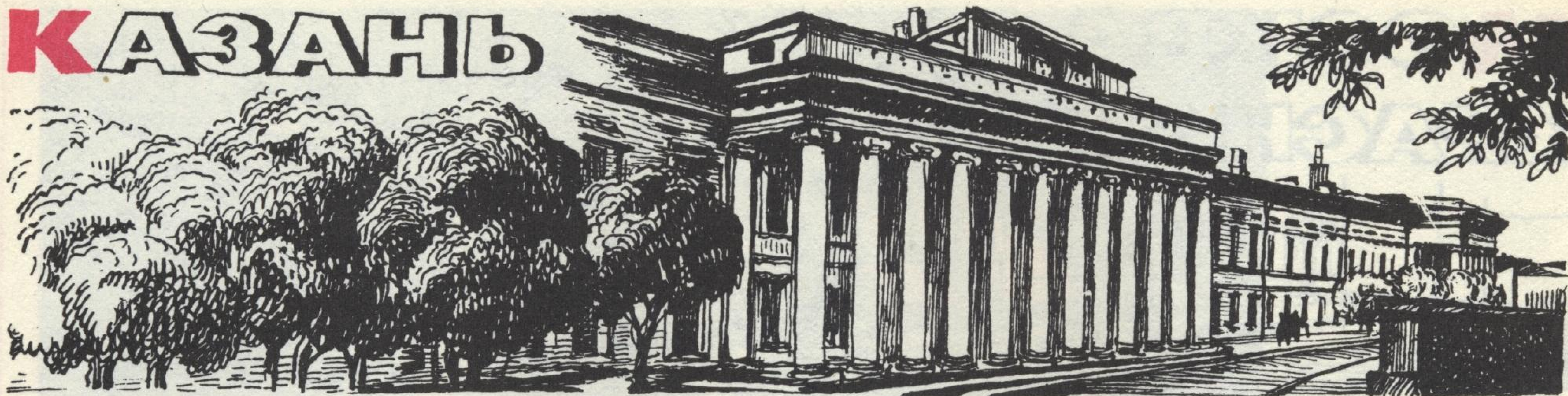
Ну, а те, кто школу кончает, тоже не уходят навсегда из музея. Приходит к ребятам Таня Гусева, выпускница 1974 года, сейчас она депутат Моссовета, кончает Менделеевский институт.

Юра Бабичев подарил музею свой реферат «Ленин и аграрная политика». Реферат этот удостоен золотой медали на Всесоюзном конкурсе студенческих работ, посвященных 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Старый пресненский рабочий Михаил Степанович Николаев научил ребят за названиями пресненских улиц — Большевистской, 1905 года, Восстания, Баррикадной — видеть историю. И те, кто сейчас учится в 87-й, самым главным в школе местом считают ленинскую комнату.

Этой ленинской комнате, единственной в Москве,— присвоено звание ленинского школьного музея.

Казань

«Университет —
горделивость Казани,
и стены его
и доныне
хранят
любовнейшее воспоминанье
о великом своем гражданине».

Эти стихи Владимира Маяковского невольно вспоминаются, когда впервые поднимаешься по чугунным ступеням лестницы, ведущей в Ленинский мемориал Казанского университета.

Почти сто лет тому назад семнадцатилетний Володя Ульянов учился здесь. В этой небольшой, темноватой аудитории под номером 17 он слушал лекции по истории русского права.

Владимир Ульянов поступил на юридический факультет Казанского университета в 1887 году. Для брата «государственного преступника» двери столичных университетов были закрыты.

4 декабря 1887 года состоялась студенческая сходка, студенты протестовали против полицейского режима в университете. Ульянов был одним из активнейших организаторов сходки. В ночь с 4 на 5 декабря он был арестован, а затем исключен из университета и выслан из Казани.

Теперь в Казанском университете ежегодно в декабре студенты проводят традиционную Ленинскую сходку под девизом «Работать, учиться, жить по-ленински!». В ней принимает участие и пионерия Казани. Студентов университета с пионерами связывает давняя дружба. Особенно тесно сотрудничают студенты со школьными музеями Ленина.

Об одном из них — ленинском музее школы № 81 города Казани — рассказывает специальный корреспондент «Пионера» Татьяна КОТЕНЕВА.

Не забывайте наш музей

Ему уже восемнадцатый год. Для школьного музея возраст, что и говорить, значительный.

Передавая из рук в руки указку, юные экскурсоводы ведут меня от стенда к стенду, от экспоната к экспонату, с каждым из которых связана целая история, интересная и увлекательная. Особенно гордятся ребята найденным ими несколько лет назад нотным сборником «Пьесы Шумана». Еще бы не гордиться: эти ноты принадлежали когда-то матери Владимира Ильича — Марии Александровне Ульяновой! Не в каждом музее, тем более школьном, можно встретить такой экспонат.

Особое место занимают вещи, сделанные руками самих ребят. Это — электрифицированные карты СССР, крошечный мраморный мавзолей, макеты домов-музеев в Ульяновске и в Казани, в Шушенском и в Кокушкине, маленькие копии квартир-музеев в Смольном и в Кремле...

Я задумалась: как удается музею не стареть, не терять своего авторитета у ребят, а напротив, с каждым годом становиться для них все притягательнее?

То, что это именно так, видно сразу. Каждому, кто впервые переступает школьный порог, прежде всего показывают музей. Быть членом совета музея — для ребят большая честь, ее нужно заслужить, одного желания работать в музее мало. И каждый новичок проходит испытательный срок.

Все дело, очевидно, в том, что ребята, которые работают в музее, передают своим «наследникам», тем, кто приходит на смену, не только экспонаты и ключи от комнат... Передают свое бережное, заинтересованное отношение к делу.

Лида Шаронова сказала мне не без грусти: «Я скоро заканчиваю школу, готовлю сейчас себе на смену Рамзию Кадырову. Но просто не знаю, как я буду жить без музея».

Идут годы, ребята покидают школу, но музей свой не забывают. Десять лет назад закончил школу Виктор Молочков, но все эти десять лет он постоянно приходит в музей и помогает ребятам буквально во всех их делах. Таких друзей у музея немало. Многим из них на торжественной линейке в день рождения Ленина ребята вручают почетный значок музея.

Далеко не у всех, даже, на мой взгляд, очень активных членов совета музея, видела я на груди этот значок. Видно, не так-то просто его заслужить.

— С тех пор, как я работаю здесь,— сказал мне семиклассник Володя Крошечкин,— стараюсь как можно лучше учиться. И еще я считаю, что не имею права вести себя плохо... И не только я, все наши ребята так думают.

А. САХАНОВ.
В. И. Ленин и А. М. Горький.
(Фрагмент).

...Эта школа особенная. Школа имени Памяти Ленина. Парк возле школы незаметно переходит в парк, окружающий Дом в Горках. Из высоких окон виден пруд, у которого часто гулял Владимир Ильич. И сама школа возникла по инициативе Ленина. Создавали ее Н. К. Крупская и М. И. Ульянова. Занятия в двухэтажном домике начались осенью 1921 года. Дом этот сохранен. Да и вся школа — это большой музей, берегут который ребята с любовью.

Об этом рассказ специального корреспондента «Пионера» Ирины УРИЦКОЙ.

Беречь свой дом

Как везде, где бывал Владимир Ильич, в школе царит своеобразная атмосфера. Атмосфера радушия и внимательности, всеобщего порядка и необходимости каждодневного общего труда. В школе я не встретила ни одного человека, не занятого делом.

Субботники, сборы металлолома и макулатуры, уборка классных комнат — все, как везде. Но ребятам этого мало. Чтобы государство не тратило тысячи рублей на ремонт их школы, они ремонтируют ее сами в летние каникулы. Белят потолки, красят стены, двери, оконные рамы, чинят мебель. И первого сентября, поднимаясь по школьным ступеням, входят в СВОЮ школу. Свою потому, что все в школе и на участке вокруг нее сделано руками ребят. Посажен молодой сад. В автомастерской стоят отремонтированные машины. А когда двор, лес и небо становятся белыми от снега, в теплицах расцветают яркие, ароматные цветы...

В сентябре, когда опускается серая сетка нескончаемого дождя и земля раскисает от влаги, все ученики школы выходят на колхозные поля. Осенью прошлого года они заработали для оборудования своей школы 1000 рублей.

В этой школе умеют и любят трудиться все. Десятый выпускной класс в весенние каникулы ремонтирует и оформляет кабинет литературы, а пятиклассники мастерят скворечники ко Дню птиц. И, пролетая над Ленинскими Горками, возвращающиеся с юга птицы опускаются на высокие тополя и клены, чтобы петь свои песни и выращивать птенцов.

Всем! Всем! Всем!

«Боевой листок» получил письмо от членов городского штаба «Гайдаровец» города Стерлитамак Башкирской АССР.

Дорогие друзья!

У тимуровцев из штаба «Гайдариана» (село Соколовка Северо-Казахстанской области) случилось несчастье: сгорел музей А. П. Гайдара, создававшийся много лет. Не удалось спасти ценнейшие экспонаты. Другие опустили бы руки, но ребята из Соколовки решили создавать музей заново — практически на пустом месте.

Наш штаб объявил операцию «Если друг оказался в беде — ему помогут везде». Тимуровцы города уже собрали много интересных экспонатов для нового музея в Соколовке.

Мы предлагаем тимуровцам страны принять в ней участие, помочь соколовским ребятам. Материалы для музея Гайдара нужно направлять по адресу: Казахская ССР, Северо-Казахстанская обл., село Соколовка, штаб «Гайдариана».

От Всесоюзного штаба Тимура. Мы полностью присоединяемся к предложению тимуровцев Стерлитамака. Тимуровцам Соколовки требуется все, что может помочь созданию нового музея: книги о Гайдаре, фотографии, документы, связанные с жизнью и творчеством Гайдара, газеты и журналы, в которых появлялись произведения писателя, записи воспоминаний друзей и современников Аркадия Петровича, материалы и сведения по истории тимуровского движения в нашей стране.

Ждем ваших сообщений о ходе операции!

— ТЕЛЕГРАФ ТЧК ТЕЛЕГРАФ ТЧК =

Тимуровцы Воркуты передают

«Прочитали и обсудили книгу Л. И. Брежнева «Целина». Разыскали в своем микрорайоне тех, кто принимал участие в освоении целинных и залежных земель, организовали встречи с целинниками, помогаем ветеранам». Тимуровцы школы № 40.

«Ребята взяли шефство над семьями тех, кто уехал на Всесоюзные комсомольские стройки страны». Тимуровцы школы № 31.

«Провели операцию «Айболит». По заданию аптеки сделали несколько тысяч бумажных пакетов для лекарств». Тимуровцы школы № 25.

Хлеб сухой и горький

В тот день в школе № 19 города Орла было много гостей...

Пришли к ребятам работники хлебозавода — создатели рецепта знаменитого орловского хлеба, фронтовики. Среди них — бывшая узница Освенцима Нина Савельевна Гусева. Они пришли на вечер «Хлеб нашей Родины», чтобы рассказать о том, что для них связано со словом «хлеб». За каждым таким рассказом — судьба, судьба человека и судьба страны.

Была на этом вечере еще одна встреча — встреча с хлебом сурового сорок первого года.

Бережно, из рук в руки, передавали ребята сухую и горькую четвертушку хлеба—однодневный паек блокадного Ленинграда.

И после этого вечера никто больше не видел в школьной столовой брошенных кусков хлеба.

Рисунок Д. БАРАБАША.

Сергей ЛЬВОВ

СТРАТОСТАТ КОЛИ МИНАЕВА

РАССКАЗ

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Вот уже несколько лет я пишу книгу рассказов о своем детстве. Некоторые из них были напечатаны в «Пионере». Действие нового происходит тогда, когда мне было столько лет, сколько сейчас вам,— в начале тридцатых годов в Москве.

Мой сосед по парте Коля Минаев пригласил меня домой. Он жил около Патриарших прудов: Пионерскими их назвали позже. У него не было ни отца, ни брата, ни сестры. Только мать. В комнату Минаевых вела деревянная лестница из большой коммунальной квартиры. При комнате была крохотная кухонька, а все остальное — внизу. Даже воду Коля приносил вверх по лестнице из большой квартиры. Мы тоже жили в коммунальной квартире, но не в такой огромной и густонаселенной, как Колина. Он долго вел меня по длинному темному коридору, заставленному сундуками и корзинами, корытами и велосипедами, висевшими под потолком, вел так тихо и так облегченно вздохнул, когда мы поднялись по лестнице в их комнату и за нами закрылась дверь, что мне показалось: Коля и его мать живут в своей комнате, как в осажденной крепости. Но он никогда не жаловался.

У них оказалось очень хорошо. Потолок над окнами был скошен. Окна утопали в глубоких проемах толстой стены и выходили на крышу.

— Это мансарда, да? — спросил я у Марии Михайловны, Колиной мамы. Она работала в типографии «Гудка», но сегодня была выходной.

— Ох, мансарда, будь она неладна, — вздохнула она, замесила муку на кислом молоке, нажарила оладий и стала кормить нас. Ни масла, ни сметаны к ним не было, но все равно оладьи показались мне очень вкусными. Такого чая я прежде тоже не пил. Он назывался фруктовым и отдавал сухими яблоками.

Потом Мария Михайловна села шить на ручной машинке, поставив ее на кухонный стол, а мы пошли в Колин угол комнаты. Коля показал мне свои книги. Их было куда меньше, чем у меня, но книги были интересные.

Одна книга была очень большой, со множеством фотографий. Она рассказывала о недавнем полете стратостата «СССР-1», на котором Прокофьев, Годунов и Бирнбаум поднялись на высоту девятнадцать километров. Меня особенно заинтересовал снимок, где было показано, как около огромного стратостата летает человек на маленьком шаре, осматривая снаружи оболочку гиганта. Этой книгой прошлым летом Колю премировали, когда он был в пионерском лагере. «За активное участие в работе авиамодельного кружка...»

Я хотел взять книгу про стратостат домой, почитать. Коля пообещал дать ее, но не сейчас. Сейчас она нужна ему для работы. Я удивился. Он поднял кусок клеенки, которым было что-то накрыто на его рабочем столе. Я увидел, что там лежит стопка странных длинных лепестков из тонкой бумаги, аккуратно придавленная по краям камушками, и точно такой же по форме картонный лепесток.

— Что это? — удивился я.

— Это будет модель стратостата! — пояснил Коля. И он растолковал мне, что, когда склеит лепесток с лепестком, получится баллон. К нему на суровых нитках он подвесит кабину. Она будет построена из тонких бамбуковых ребрышек и картона, а оклеена серебряной бумагой. Книга о стратостате потому и нужна Коле, что он, строя модель, все время смотрит на напечатанные в ней фотографии.

— А чем ты наполнишь баллон? — спросил я, показывая, что не чужд этой проблеме. Я

знал, что воздушные шары наполняют водородом или гелием.

Оказалось, это и есть главная трудность. Гелия взять негде. Можно добыть дома водород. Это нетрудно, но опасно.

— Опасно, опасно! — горячо подтвердил я. Я помнил, как нам влетело от папы, когда мы с соседом попробовали дома разложить воду на кислород и водород и чуть было не получили гремучий газ.

Словом, Коле пришлось воскресить старинный способ подьячего Крякутного и братьев Монгольфье и наполнить стратостат, как старинный воздушный шар, горячим воздухом. Тут возникали некоторые дополнительные трудности. В настоящем стратостате кабина герметическая, поскольку он поднимался туда, где атмосфера разрежена. Колиному стратостату герметическая кабина не нужна. Экипажа, которому угрожала бы смерть на высоте от удушья, у него не было. Но открытая кабина нарушает сходство модели с настоящим стратостатом, это обидно. Кроме того, Коля сомневался, сможет ли его стратостат поднять не только кабину, но и спиртовку в кабине, чтобы получать теплый воздух в полете. Все это еще пока было не вполне ясно.

Да и вообще работы осталось много. Я вызвался помочь. Нарезать по картонной форме лепестки из тонкой бумаги, а потом склеивать их друг с другом оказалось очень трудно. Я перемазался в клейстере и склеил лепестки, которые Коля дал мне на пробу, плохо. Коля объяснил, что если клеить таким толстым слоем, бумага размокнет, а баллон получит лишний вес.

Сам он аккуратно прижимал их чистой тряпкой, аккуратно проверял, как они приклеились, то и дело мыл руки в тазу и насухо вытирал их. По правде говоря, мне это занятие показалось скучным, а когда я узнал, сколько лепестков нужно склеить, я совсем приуныл. И я обрадовался, когда Коля, увидев, что меня не увлекло строительство стратостата, предложил заняться чем-нибудь другим. Мы сыграли в «морской бой», и я распрощался.

— Приходи еще! — сказал Коля.

Я пообещал.

Колин стратостат был готов нескоро. Он просил меня никому ничего не говорить в классе. «Вдруг не выйдет!» — рассудительно сказал он. Наконец он попробовал свою модель во дворе. Стратостат поднялся выше трехэтажного дома и опустился в палисадник. После полета потребовался только небольшой ремонт.

Теперь предстоял пуск со школьного двора. После уроков Коля попросил меня позвать всех, кто захочет. Захотели, конечно, все. Кроме моего прежнего соседа по парте и бывшего приятеля Вовы Михайлова. Он не любил, когда в классе происходило что-нибудь, в чем он оказывался не главным.

Пускать стратостат интереснее, чем строить. Его баллон оказался куда больше, чем я представлял себе. Теплый воздух шел в него от спиртовки через перевернутую воронку. Все это устройство держалось на станочке, хитроумно собранном из «Конструктора».

Вокруг стола, с которого должен был состояться пуск, собрался весь наш класс. Даже Вова Михайлов не утерпел, пришел. Коля Минаев мягко, но решительно распределил обязанности. Около ниток, которые удерживали стратостат на столе, стояла наземная команда. По Колиной команде она должна была перерезать нитки. Коля хотел не только запустить стратостат, но и вернуть его обратно, а это не так-то просто. Кроме того, он опасался пожара и рядом со столом на всякий случай поставил ведро с водой. Оно было в распоряжении пожарного звена.

Наполнение баллона началось. Под спиртовкой горело почти незаметное в дневном свете бледное пламя; в воронке собирался горячий воздух, и мне казалось, я вижу его. Баллон, склеенный из лепестков тонкой бумаги, надувался и становился похожим на настоящий стратостат. И вот он уже почти совсем расправился и покачивался — огромная перевернутая морщинистая груша на нитках-канатах, которые удерживали баллон. Тут я понял, что значит затаить дыхание.

Однако в системе что-то разладилось. Коля, покраснев, объявил, что прерывает заполнение баллона, и погасил колпачком пламя спиртовки. Огорченно рассматривал он воронку, трубку, баллон, что-то поправлял, а весь класс не отрываясь смотрел, что он делает.

— Важничает-то как! — тихо сказал Вова Михайлов, обращаясь ко мне и словно напоминая, что мы еще недавно сидели на одной парте и были друзьями. Стоило ли менять дружбу с ним на дружбу с Колькой и на его дурацкий стратостат, говорил его тон.

Я промолчал. Но тут Коля объявил:

— Заполнение баллона продолжается! — И стал искать спички. Он, видно, здорово волновался, потому что не смог их сразу найти. Спички нашлись у Вовы Михайлова. Он сложил три спички вместе, как делают, когда нужно зажечь огонь на ветру, чиркнул ими, спички загорелись, другой рукой он снял колпачок со спиртовки, потянулся к фитилю с огоньком, но вдруг почему-то оступился. Рука его со спичками сделала размашистое движение, огонек прикоснулся к краю бумажного баллона, и мы еще ничего не успели сообразить, как баллон запылал. Пожарное звено растерялось. Коля попытался прихлопнуть огонь, но огонь выскочил у него из-под ладони, и тут Вова Михайлов, оттирая пожарное звено, схватил ведро воды и выплеснул его на стратостат, и через миг на столе лежал бесформенный ком обгоревшей и размокшей бумаги. В суматохе на пол сбили спиртовку, и она со звоном разбилась.

Я пошел провожать Колю Минаева домой. Он шел как слепой. У него дрожали руки и лицо. Я пытался утешить его. Он меня не слушал. Построить новый стратостат? Как? Из чего? Он полгода копил деньги на бумагу, бамбук, спиртовку. Я знал, сколько ему мать дава-

Я вызвался помочь. Нарезать по картонной форме лепестки из тонкой бумаги, а потом склеивать их друг с другом оказалось очень трудно.

ла на завтраки — даже рубль из этих денег накопить нелегко. И мне вдруг ясно привиделся тот миг, когда Вова Михайлов, странно поскользнувшись, нечаянно поджег стратостат. Нечаянно?

Когда поднялся в воздух стратостат «Осоавиахим-1» с Федосеенко, Васенко и Усыскиным, чтобы побить рекорд подъема на высоту, Коля болел.

Я принес ему тетради с домашними заданиями и гостинец от моей мамы. Он сидел в постели, как всегда наклонив голову и слушая передачу о полете стратостата «Осоавиахим-1». Детекторный приемник он построил сам. Один наушник взял он, другой я. Передача вдруг оборвалась, и долго было тихо, только что-то потрескивало в эфире. Коля щупал кристаллик детектора, но передача не возобновлялась. Потом вдруг прозвучал музыкальный аккорд — торжественный и мрачный, — и полилась музыка, какую играют на похоронах. А голос диктора сказал невероятное. «Осоавиахим-1» разбился. Федосеенко, Васенко, Усыскин погибли.

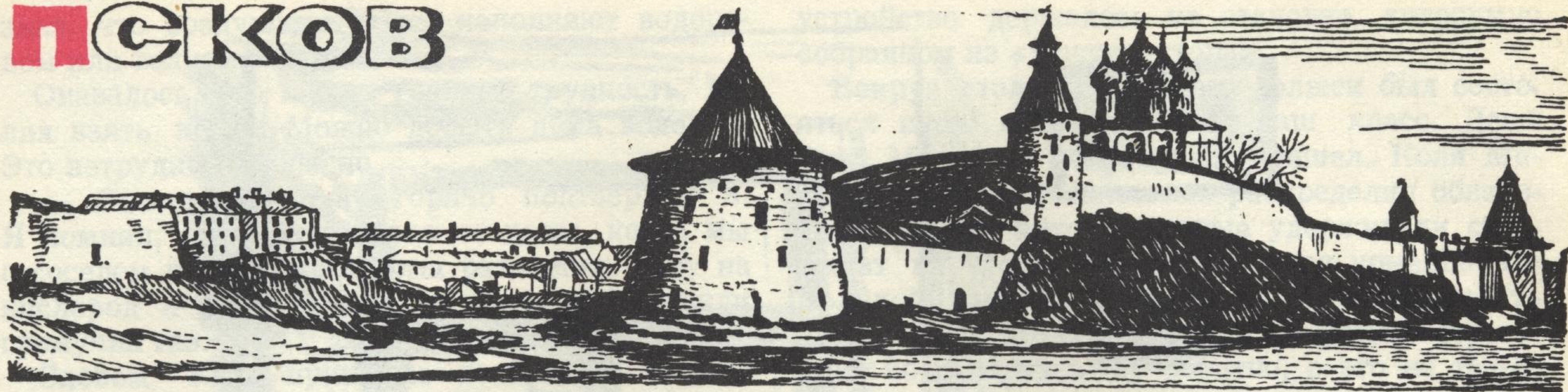
Коля побелел и вскочил на кровати. Он рвался куда-то бежать и что-то делать.

Я беспомощно его успокаивал. А он вдруг начал разматывать повязку на шее. Это было страшно. Его с трудом успокоила мать, когда вернулась из типографии, где только что прошел траурный митинг.

Я смог навестить Колю через два дня, как раз в день, когда воздухоплавателей хоронили в Кремлевской стене на Красной площади. Мы слушали передачу оттуда. Каждый — через один наушник.

Потом Коля сел к столу. Ему уже разрешили вставать. Он снял со стола клеенку. Под ней лежала тонкая бумага. И он стал вырезать длинные лепестки с зубчиками — заново строил свой стратостат.

ПСКОВ

Над Псковом — небесный ледоход. Тучи дробятся и налезают друг на друга. Где-то далеко, за рекой Великой, они сталкиваются и грохочут. Солнце все чаще проглядывает в трещинах туч и быстро уничтожает серые сугробы.

Наверное, в такой же мартовский день 1900 года в Псков после сибирской ссылки приехал Ленин.

В Москве, Петербурге и многих других городах Ленину запретили жить. Он выбрал Псков. Потому что там много высланных из столицы революционеров. До Петербурга и Риги рукой подать. Да и западная граница империи недалеко... Еще в ссылке Владимир Ильич задумал издавать боевую революционную газету «Искра». Помощников в этом трудном и опасном деле он решил искать среди псковичей.

Ленин снял комнату на втором этаже дома по Архангельской улице. Теперь это улица Ленина, дом номер три. Музей-квартира В. И. Ленина.

Здесь в музее специальный корреспондент «Пионера» Сергей МАКАВЕЕВ познакомился с активистами ленинского зала школы № 10 города Пскова.

Остановиться и подумать

С козырька над крыльцом часто сыплет капель. Ребята быстро юркнули в подъезд и стали подниматься по лестнице на второй этаж. В гости к Ленину.

Знаете, нынешние мальчишки и девчонки привыкли все делать бегом. Иначе, говорят, ничего не успеешь. По школьным лестницам, в подъездах своих домов они носятся вверх и вниз через две ступеньки. Сейчас они шли на второй этаж не спеша, отмеряя шагами каждую ступень.

И пока они идут наверх, раздеваются, слушают своего экскурсовода, я расскажу о том, что они уже успели сделать для своего школьного ленинского зала.

Уже несколько поколений пионеров и комсомольцев школы № 10 собирают материалы о детстве и юности Володи Ульянова, о революционной борьбе Ленина, готовят альбомы о соратниках Ильича. Совет ленинского зала дает каждому отряду задание-тему: «В. И. Ленин в Пскове», «Псковичи, награжденные орденом В. И. Ленина», «Предприятия, колхозы и совхозы имени В. И. Ленина в Псковской области»...

И появляются в ленинском зале новые стенды, альбомы, сочинения ребят о Ленине.

Появляются у школы новые друзья — ветераны революции, войны и труда. Рождается у ребят знание того, как нынче продолжают советские люди дело Ленина.

Но в любой работе полезно порой остановиться и подумать: как работать дальше? Нельзя ли сделать лучше?

Вот, пожалуй, с такими мыслями активисты ленинского зала и пришли в Квартиру-музей В. И. Ленина.

...Окончена экскурсия. Но ребята не спешат по домам.

— Как недолго был Ленин в нашем городе, всего восемьдесят три дня, а сколько успел сделать! — говорит Надя Васильева, семиклассница.— Написал «Заявление редакции газеты «Искра», другие документы, встретился с десятками людей, организовал группу содействия будущей газете, работал над переводами и занимался немецким языком... Всего не счесть!

— Владимир Ильич всегда держал в памяти строгий план действий. И никогда не откладывал дел «на потом»,— поддержала Надю ее сестра Вера.— Между прочим, в нашей пионерской работе это очень важно. Давайте предложим нашим лекторам рассказать ребятам о ленинском стиле работы. А то некоторые отряды любят принимать единогласно планы и разные обязательства, а выполнять их не торопятся!

— А для старшеклассников я такую тему предлагаю,— сказал Саша Чернов, он уже комсомолец.— Роль Ленина в создании партии большевиков. Это должен быть разговор с ребятами о том, как создавалась Коммунистическая партия нашей страны, как, за что боролись коммунисты во все времена и теперь...

— Почему же только для старшеклассников? — возразила Вера.— Это и старшим пио-

нерам надо знать, тем, кто готовится в комсомол.

— Знаете, что я подумала? — по привычке подняла руку Светлана Шуб из пятого «А».— Я подумала, что ведь Ленин был самый-самый первый. Понимаете — пионер! Вот бы для октябрят такую экскурсию провести: что значит быть пионером, быть всегда впереди.

— Давайте только вот о чем договоримся,— предложил семиклассник Андрей Бердюгин,— рассказывать ребятам о Ленине просто, от души, не по писаному... Ведь и Ленин говорил с людьми просто.

— Верно,— согласилась его одноклассница Оля Колнберская.— Когда говорим: «он был честный», «он был человечный»,— надо объяснять, в чем это выражалось. Я читала, когда в Поволжье был голод, наше правительство решило купить хлеб за границей. Но капиталисты соглашались продать только за золото. Начался сбор золотых вещей. У Ленина была только одна золотая вещь — гимназическая медаль за отличную учебу.

Псков, улица Ленина, 3. На втором этаже этого дома сейчас находится Квартира-музей В. И. Ленина.

Он очень дорожил ею, но отдал без колебаний для спасения голодающих!..

— Есть еще вопрос для обсуждения,— снова взял слово Андрей.— На что истратить деньги, заработанные на Ленинском субботнике? Конечно, должно быть решение совета дружины и комитета комсомола. Но мы ведь можем посоветовать. Я лично предлагаю: передать их в фонд Квартиры-музея В. И. Ленина.

1870—1980

ЗАОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА ШКОЛЬНЫХ ЛЕНИНСКИХ МУЗЕЕВ И КОМНАТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

**Так же, как продолжается
важная, непростая
и почетная работа
десятков тысяч школьных
ленинских музеев и комнат
по всей огромной
нашей стране.
Готовясь к славной дате,
110-летию со дня рождения
Владимира Ильича Ленина,
ребята многое сделали,
многое поняли.
Были интересные находки,
велась обширная переписка
с теми, кто создавал
и защищал
Советскую власть;
записана история улиц
и площадей,
носящих имя Ленина;
в гости к вам приходили люди,
которых за их труд
Родина наградила
высшим орденом —
орденом Ленина;
вы побывали на предприятиях,
носящих имя великого вождя,
узнали,
как они работают,
подружились
с интересными людьми.
Насыщенной была
ваша пионерская жизнь.
Но впереди еще много дел,
много работы.
Мы по-прежнему ждем
ваших писем,
ваших рассказов.
Лучшие
будут на страницах «Пионера».
Успеха вам!**

Наперекор морской стихии

Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь, остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало, все вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Это строки из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». Она написана в 1824 году, вскоре после сильного наводнения, когда воды Невы поднялись более чем на четыре метра.

А за всю историю Ленинграда было 244 наводнения. Сколько бед и разрушений они принесли!

Много было проектов защиты города от вод Невы, но они до сих пор угрожают Ленинграду. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О строительстве сооружений защиты г. Ленинграда от наводнений». Уже разработан проект грандиозного гидрокомплекса. Он навсегда защитит город от бесчинств Невы.

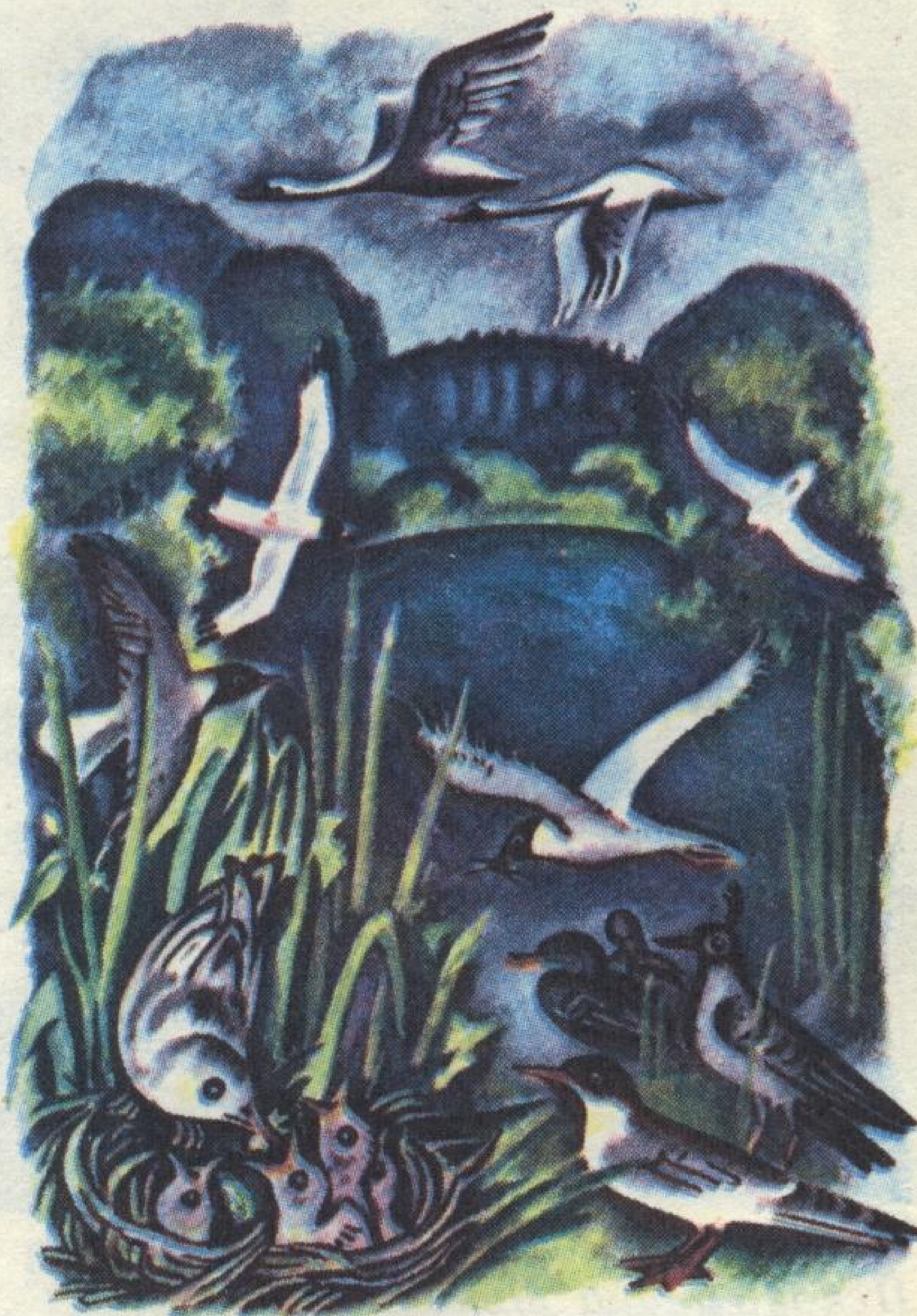
Нигде в мире не создавалось ничего подобного. В Финском заливе на протяжении двадцати пяти километров будет сооружено одиннадцать дамб высотою в восемь с лишним метров. Это будет не сплошная плотина, а похожая на гребенку, положенную на дно реки зубцами вверх. Между ее зубцами-дамбами возведут шесть водопропускных сооружений с десятью — двенадцатью отверстиями в каждом шириною двадцать четыре метра. Для прохода речных и морских судов сделают отверстия с пролетами в 110 и 200 метров.

После штормового предупреждения все водопропускные «окна» закроются особыми затворами. Из доковых камер на морском дне выдвинутся массивные металлические ворота — их правильнее было бы назвать плотинами на колесах — и задраят широкие пролеты. И все это произойдет за какие-нибудь 20—30 минут!

По гребню гидрокомплекса проложат широкую автомагистраль, по ней машины смогут двигаться в шесть рядов. Она разгрузит ленинградские улицы и проспекты от автомашин и соединит Кронштадт с берегами Финского залива.

Этот грандиозный комплекс гидротехнических сооружений будет готов через десять лет, в 1990 году. Он остановит грозные морские волны в Финском заливе, не подпустит их к городу.

Птичья гавань

Почти в центре Омска в левобережной пойме Иртыша есть несколько озер. Назывался этот озерный уголок Замарайкой, его не раз предлагали засыпать, сровнять с землей.

Омский ученый А. Сулимов несколько лет изучал этот уголок. Сутками сидел он в камышах с биноклем и подсчитывал, какие птицы и звери живут здесь и сколько их.

Результаты его наблюдений были таковы: на озерах гнездятся утки-лысухи, чирки, кулики, чайки, чибисы, речные крячки, трясогузки, камышовки, соловьи — тридцать видов птиц.

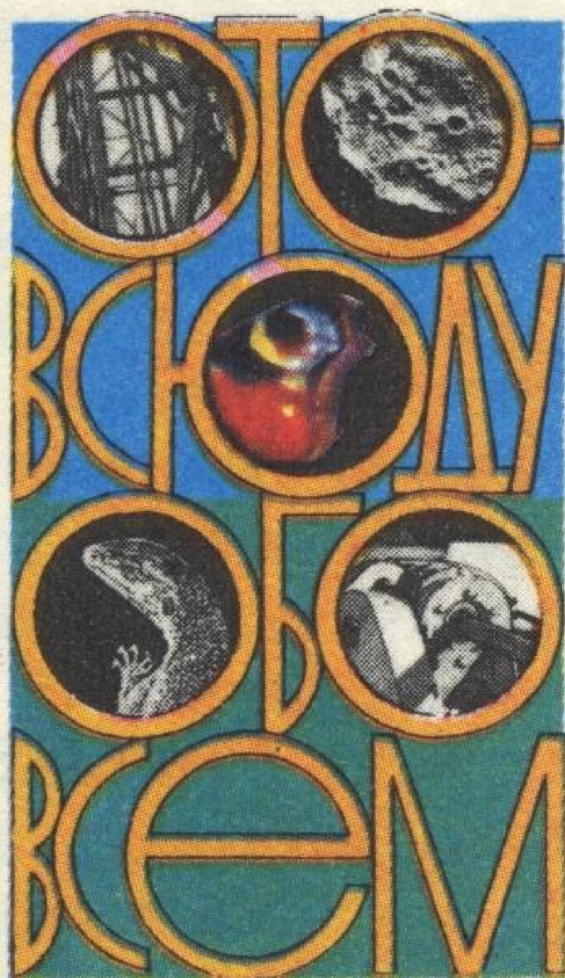
Во время перелетов птичье население увеличивается. Ученый наблюдал в это время уже шестьдесят видов пернатых — в том числе лебедей, журавлей, гусей, полярных куликов, турухтанов, луней, сов и многих, многих других.

Неплохо себя чувствуют здесь и горностаи, ондатры, зайцы, полевки, хори.

Исполком Омского горсовета объявил этот уголок природы заповедником, но негоже заповеднику по-прежнему называться Замарайкой. И газета «Молодой сибиряк» провела конкурс на более достойное имя.

Писем пришло несколько тысяч. Больше всех понравилось предложение работницы Омско-Кировского элеватора А. Спасских и ее сына Сережи переименовать Замарайку в Птичью гавань.

Так посреди современного города с миллионным населением, неподалеку от оживленной автомобильной дороги устроили омичи безопасное пристанище для птиц и зверят.

Живущие в каменном веке

Многие считают, что на земном шаре все исследовано, что нет на нем «белых пятен».

Но вот недавно информационное агентство Филиппин сообщило, что на острове Лусон, в горах, обнаружено племя низкорослых людей ростом не выше полутора метров, с кожей шоколадного цвета, с жесткими вьющимися волосами.

Живут эти люди в хижинах из пальмовых листьев, охотятся, ловят рыбу, собирают дикий мед и съедобные плоды в джунглях.

Вооружены они деревянными копьями и луками с отравленными стрелами.

Аборигены умеют добывать огонь и пользоваться им для приготовления пищи.

НЕ ДАДИМ В ОБИДУ!

Сегодня в нашей весенней выставке участвуют почти двести ребят. Приглашаем всех стать ее участниками и особенно тех, кто собирается летом в пионерлагерь или в турпоход. Ждем писем о том, как вы защищали лес, деревья, ягодные кустики, зверей, птиц и их гнезда, лягушек, бабочек, цветы, грибы.

Не забывайте присылать рисунки и фото.

Три синичьих истории

В сильный мороз мы пошли за водой. На ветке сидела синичка и не шевелилась. Один из друзей снял птицу с ветки и отдал мне. Я принесла ее домой в варежке, но не смогла отогреть. Она замерзла, ослабев от голода: никто ее не подкормил.

Ребята, зорче смотрите вокруг: не нужна ли птицам ваша помощь? Чтоб не случилась такая история, как с синицей и со мной.

Розалия Анамова, с. Такталачук, Татария.

Вернувшись домой, я села за уроки. Вдруг на подоконнике кто-то пискнул. Оказывается, в дом залетела синица и что-то искала в цветочном горшке. Были сильные морозы, и Зинька (так я назвала синицу) прожила у нас несколько дней. Я давала ей семечки.

Теперь я узнаю Зиньку во дворе, на кормушке, среди других синиц. И она меня узнает, подлетает близко, что мне очень приятно.

Наташа Буркова, п. Квакшино Калининской области.

Моя история с продолжением. Зимой я подкармливал воробьев, голубей и синиц. Пережив зиму, большая синица выведет птенцов, а из воробьиных она самая многодетная. Надеюсь, у нас в городе появятся новые синичата.

Валерий Железняков, Тольятти.

Праздник во дворе

Три года назад мы пожалели выросшую на дороге сосенку-малышку: задавят зеленого ежика машины. Мы переселили сосенку к себе во двор, поливали, подкармливали, выхаживали. Теперь она в два с половиной метра высотой. Зимой она у нас вместо новогодней елки. Мы вешаем на ее ветки игрушки и серебряный «дождик».

Если будете на каникулах в Ленинграде, приходите к нам на Белградскую посмотреть на наш зимний праздник во дворе.

Ирэна Перчик, Ленинград.

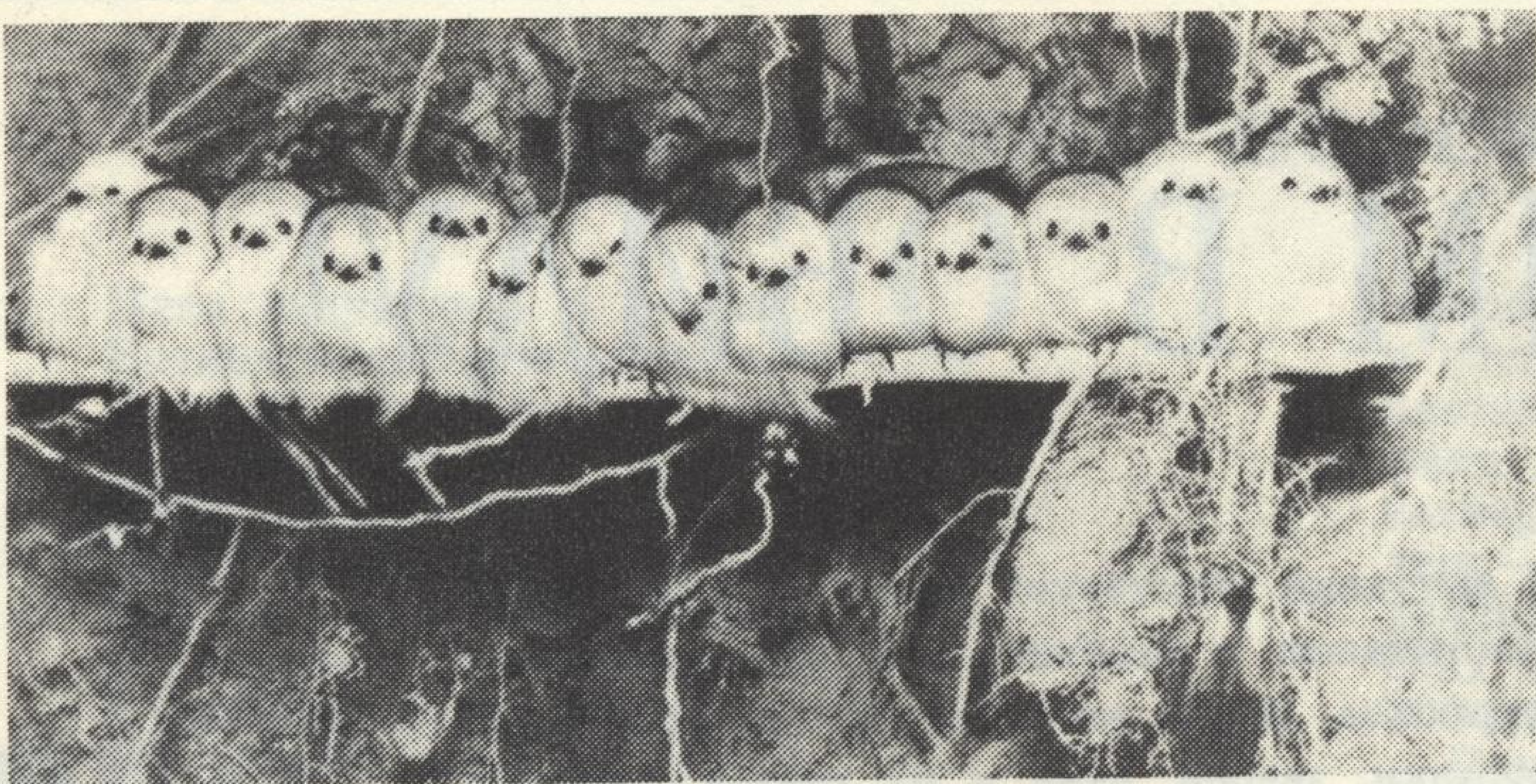
У них теперь есть дом

Всем ребятам, которые, как *Лена Семерикова* (Свердловск), хотят, «чтоб у каждой кошки и собаки был дом», приятно будет узнать, что четверо котят (фото на соседней странице), обнаруженные на чердаке *Светой Потаповой* (Саратов), попали в добрые руки. Нашли дом и другие беспризорные котята: кто у *Наташи Ухановой* (Саратов), кто у *Марины Башкирцевой* (п. Моховое, Пермская область), кто у *Светы Макаренко* (ст. Первомайская, Краснодарского края), кто у *Тани Толстокулаковой* (г. Аргунск, Читинская область), кто у *Радислава Анчикова* (п. Егоркино, Чувашия), кто у *Димы Девятова* (Хабаровск).

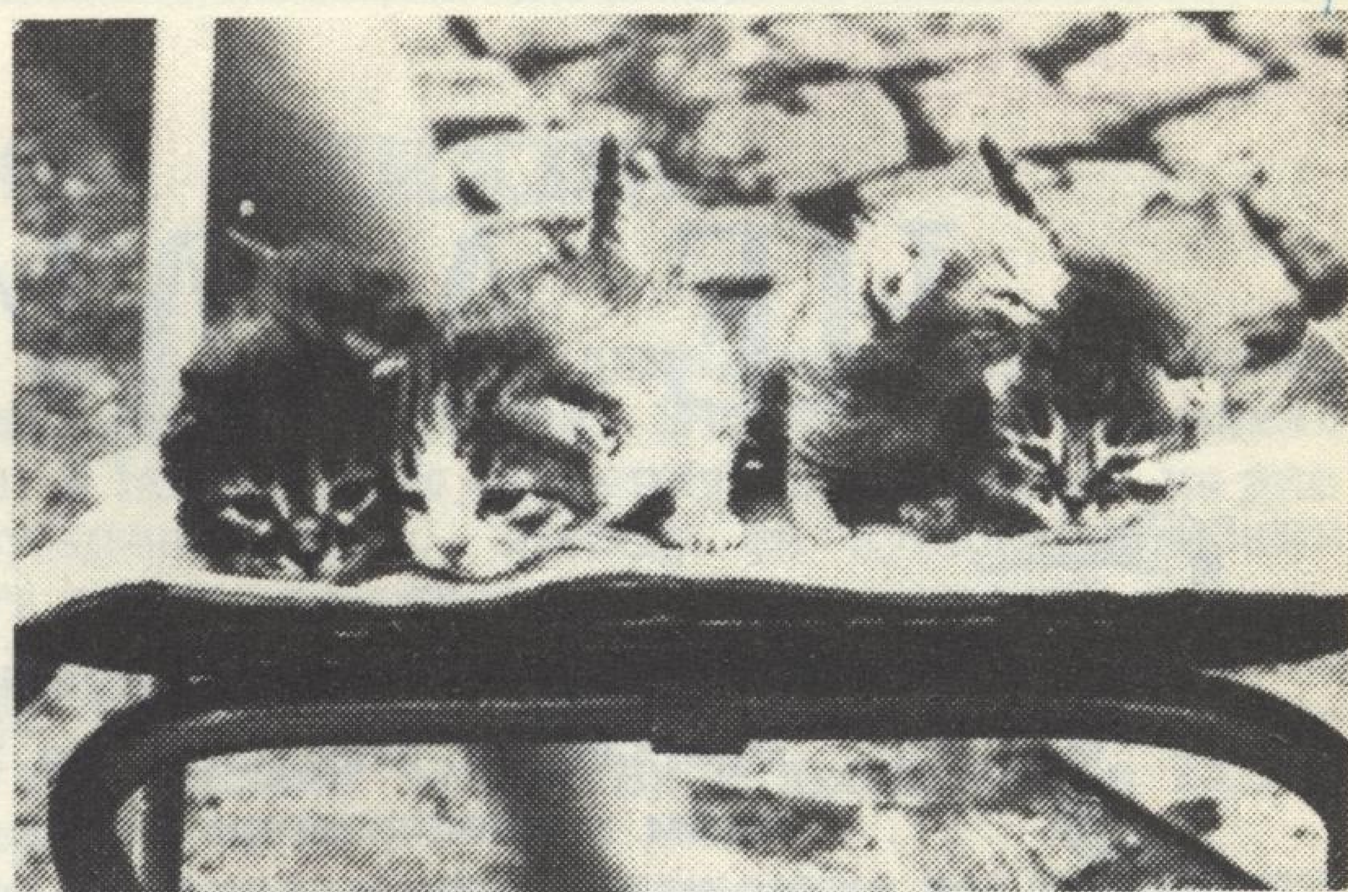
«Сейчас у нас во дворе,— пишет Наташа Морозова (Петрозаводск),— *гуляют сытые и довольные коты и кошки, у них теперь есть хозяева. К ним даже псы не подходят. И на соседнем дворе мальчишки, от которых раньше котам не было прохода, поняли, что кошка не игрушка».*

Спасибо айболитам

От имени утки-нырка, сороки, скворцов, воробьев, голубей и других птиц, вылеченных ребятами, благодарим: *К. Марал* (Чард-

Большая синица — одна из самых многодетных птиц. Вот какая семья у одной синицы.
Фото Владимира Поливанова.

Котята, спасенные Светой Потаповой,— Дина, Лиля, Малыш и Бантик.

жоу), *Светлану Бондарь* (Вольногорск), *Ларису Вакуленкову* (п. Донской, Ростовская область), *Надю Семукину* из села Мочинки и *Наташу Акимову* из Никольского (Пензенская область), *Диану Оласаеву* (Москва), *Риту Григорьеву* (Новосибирск), *Любу Солонец* (с. Нлястицы, Челябинская область), *Свету М.* (Феодосия).

Просьба подснежников

Вот букет: он брошен вместе с сором.
Умирают, сжавшись, лепестки...
Это мы срывали без разбора
Беззащитные тугие стебельки.
Для чего мы рвали их? Не знаю!
Быстро вянет нежный первоцвет —
Пусто, скучно стало на поляне:
Вестников весны там больше нет!
Очень просто погубить живое,
Ведь подснежники не могут нам сказать:
«Наслаждайтесь нашей красотою —
Только очень просим нас не рвать!»

Ирада Абдулаева, Баку.

«У меня есть друг!»

Лена Стрельникова из Йошкар-Олы подобрала на улице бездомного щенка. Так же поступили: *Таня Жукова* (ст. Алмарино, Кемеровская область), *Лена Лазутина* (Ногинск), *Света Кривощекова* (Челябинск), *Лариса Вильданова* (Дюртюли, Башкирия), *Ира Карпова* (Кимовск) и *Андрюша Бабич* (Туапсе). Андрюша, взяв щенка с поврежденными лапами, возил его в лечебницу, ухаживал за ним, пока щенок не выздоровел.

А сейчас все рады: и ребята и щенята. И все согласны с Андрюшей, который написал нам: «Теперь у меня есть верный друг!»

Зайчата-приемыши

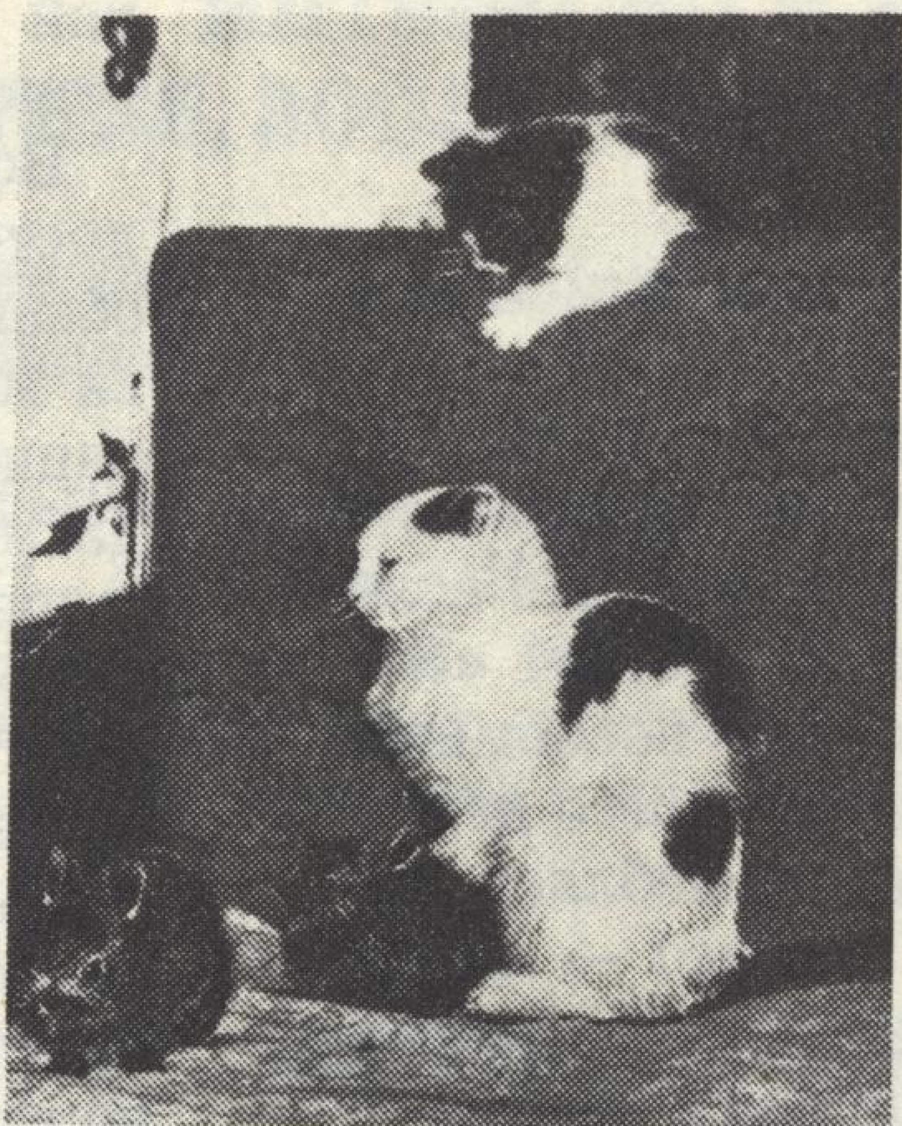
Весной папа принес домой двух крохотных зайчат. Горела тайга, но в клубах дыма папа заметил два комочка, прижавшихся к земле.

Зайчата не брали соску и не умели есть

Эти два рисунка и свою эмблему передали нам ребята из клуба «Муравейник». Эмблему нарисовали Оля Векслер (4-й класс 440-й школы г. Москвы), плакат «Они хотят жить» — Наташа Желякова (5-й класс 440-й школы), «Разговор с «квакинцами» — Лена Адарченко из Калуги.

Эти два зайчонка — кошкины приемыши.

сами. Но у меня мелькнула спасительная мысль: подложить зайчат к кошке, у которой были котята. Немного поколебавшись, кошка приняла зайчат в семью и кормила молоком, как своих детей.

Через несколько дней мы стали давать им траву и веточки. А потом выпустили в лес. Теперь по лесу бегают два зайца — кошкины приемыши.

Марина Шевцова,
п. Каменка, Приморский край.

Наша эмблема — муравей

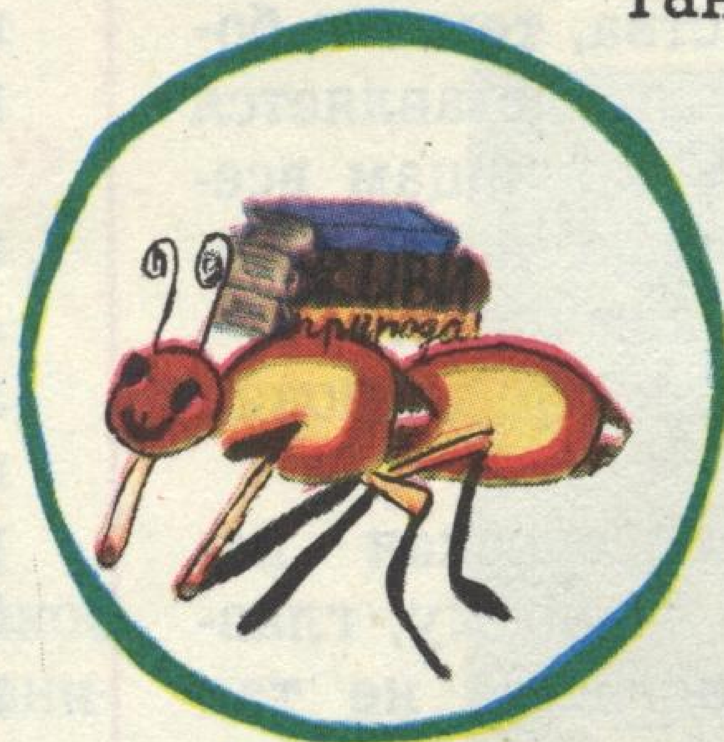
Почему наш клуб по интересам называется «Муравейник»? Любить природу нас научили книги, которые мы прочли, и наш руководитель, заведующая детской библиотекой № 97 Регина Александровна Наумова. Она организовала при библиотеке и живой уголок и лекторий. Когда лектор рассказал, как маленькие муравьи спасли лес, мы решили, что тоже будем защищать наш Измайловский парк, и выбрали себе эмблемой муравья.

У нас много подопечных: птицы и белки, мы их подкармливаем, елочки, которым под Новый год угрожают порубщики, березы, кому мы весной замазываем ранки. Но главное для нас — «ликприбез» (ликвидация безграмотности в отношении к природе). Ведь многие еще не знают, что ландыши заповедные, что нельзя ходить в лес с транзистором — распугаешь птиц, и многое другое.

Мы развешиваем плакаты, нарисованные в нашем изокружке, рассказываем то, что узнали из книг и лекций, в школах, во дворах, в Доме культуры строителей, приглашаем ребят на наши сборы, на встречи с писателями и учеными.

Тимур и его команда боролись с Квакиным. У нас есть свои «квакинцы» — мучители животных, рогаточники, разорители гнезд, жадины, торгующие ландышами. Но наш «Муравейник» растет и растет, и мы верим, что победим!

От имени ста ребят — актива «Муравейника» — Оля Чулкова, Сережа Самохин, Таня Калупаева.
г. Москва.

ПОДУМАЕМ ВМЕСТЕ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ПВ»

К нам на выставку приходят письма с разными вопросами. Иногда на них ответить просто, например, что читать про лошадей, можно ли выдрессировать кота?

Но вопрос, который задала *Таня*, много сложней.

«У меня есть собака Муха. Она дворняжка. Папа говорит, что увезет Муху в больницу, а мне купит овчарку. Я тоже хочу овчарку, но не знаю, что нужно сделать, чтоб Муха жила. Как мне быть?»
Таня П., Киров.

Вот мы и решили завести на выставке «Не дадим в обиду» почтовый ящик «ПВ» — «Подумаем вместе». Девочки, с которыми мы будем думать вместе, никогда не видели Таню и писали не для нее. Но, может, строчки из их писем, помогут Тане найти решение.

«Сейчас в моде восточноевропейская овчарка. А разве другие собаки, пусть не породистые, не заслуживают уважения? Моя бабушка говорит: собака не свинья, свинью можно зарезать, а собаку нельзя».
Ира Карпова, г. Климовск.

«Мы плакали всем отрядом, когда в пионерском лагере один злой мальчик убил ручного хомячка Хомку. Представьте себя на месте Хомки. Хотелось бы вам умереть, когда все вокруг живет и цветет?»
Света Моисеева, Москва.

«Когда я вижу собак, брошенных их хозяевами, мне как-то не по себе. Мне стыдно перед собаками, у которых нет дома, за людей, которые так поступили».
Марина Андрианова, Рязань.

Если вас волнуют вопросы, которые вы сами не можете решить, и хотите услышать голоса друзей — посылайте письмо на нашу выставку "Не дадим в обиду" в почтовый ящик «ПВ». Подумаем вместе.

Что нам читать?

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Если бы я мог, то пришел бы ко всем читателям «Пионера», ко всем их знакомым и друзьям, дал бы им книгу Василия Пескова «Война и люди» и сказал: «Прочтите обязательно. С этой книгой вам будет лучше жить».

Может быть, ты читал очерки журналиста и писателя Василия Михайловича Пескова в «Комсомольской правде». И заметил, что Песков никогда ничего не придумывает — пишет о том, что было на самом деле. И оказывается, что эта БЫЛЬ интересней и заманчивей самой увлекательно сочиненной истории.

И в этой книге все, что ты прочтешь — от первой буквы до последней точки, — абсолютная правда. «Чем меньше становится людей, решавших в смертельной схватке судьбу Отечества, тем все более важным представляется собирание по крупицам всего, что хранит о войне живая человеческая память», — пишет автор в предисловии к книге.

Живая человеческая память — вот, по-моему, главный герой книги. И не так уж важно, чья это память — знаменитого ли маршала или швеи, идущей в обозе за войсками, — важно, что это память людей, отвоевавших у черной войны светлые годы. Отвоевавших твое и мое детство.

Я не воевал. Я родился через полтора десятилетия после окончания войны. Но если сейчас спросить меня: «Какие самые яркие воспоминания вынес ты из своего детства?» — я не колеблясь назову среди прочего — синие вечера, когда за столом собирались однополчане отца и я, сев где-нибудь в уголке, слушал их рассказы о войне, их воспоминания.

Может быть, у тебя нет возможности часто слушать рассказы очевидцев о войне. Книга Василия Михайловича Пескова поможет тебе обрести живое общение с людьми, вынесшими на плечах груз, равного которому не было во всей Истории.

В книге ты найдешь рассказ матери, маленький сын которой погиб, помогая нашим солдатам форсировать реку. Узнаешь о войне от маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского, писателя К. М. Симонова. Поймешь, что такое профессия разведчика, — расскажет тебе о ней Г. Г. Шубин — легендарный фронтовой разведчик.

Книга «Война и люди» даст тебе возможность почувствовать, какой была эта война: какое это было великое горе, великий труд, великий взлет мужества, чести, отваги.

Всегда ли мы умеем жить достойно этих людей? И в обыденности, когда не рвутся мины, когда не погибают наши близкие и друзья, когда мы уверены в своем будущем, всегда ли мы с честью выходим из трудных ситуаций? Вот об этом заставляет нас задуматься писатель.

Быть может, не все написанное Василием Песковым будет тебе понятно, не все запомнится. Не бойся этого. Главное, что должен понять ты, — наша сегодняшняя жизнь строится не на пустом месте, за нее отдали свои жизни двадцать миллионов советских людей, за нее пролили кровь неисчислимое множество солдат войны, среди которых был мой отец, был твой дедушка или твоя бабушка. Нет у нас семьи, которую бы обошла война. А хранить память об этих людях, не дать памяти померкнуть должен ты — человек восьмидесятых годов!

А. МАКСИМОВ

Приближается большой праздник — 35-летие Великой Победы над фашизмом. К этому дню выпускается много книг о войне. Мы рассказали тебе об одной.

А какие книги о войне прочел ты? Может быть, ты сам записал рассказы фронтовиков — пришли их нам.

Ждем писем!

«ЗОЛОТАЯ ПОЛКА»

СЕРДЦЕ, ПОЛНОЕ ЛЮБВИ, ТРЕВОГИ И ГОРДОСТИ

Моя любимая книга — о самой любящей и самой мужественной из матерей, о матери Владимира Ильича Ленина. Эта книга — «Сердце матери» Зои Воскресенской.

Мария Александровна Ульянова — удивительно чуткий, умный, добрый человек. Это она смогла так хорошо воспитать Владимира Ильича и других своих детей. Она нашла в себе мужество стойко перенести казнь старшего сына и помочь другим детям выстоять в трудное для семьи время. Книга недаром называется «Сердце матери», ведь у Марии Александровны было большое, полное любви, тревоги и гордости за своих детей материнское сердце.

Елена ПИСАРЕНКО, 7-й класс, г. Иваново.

ИНТЕРЕСНО И УВЛЕКАТЕЛЬНО О МАТЕМАТИКЕ, ЗООЛОГИИ, АСТРОНОМИИ И ДРУГИХ НАУКАХ

Эта книга помогает мне в учебе. Называется она «Магистр рассеянных наук», автор ее — В. Левшин.

В ней в занимательной форме дается много интересных научных сведений. Но так как главный герой книги — человек рассеянный, то он допускает в своих рассказах ошибки. Некоторые ошибки такие смешные, что я над ними от души смеялась и старалась найти правильное решение. Скажу прямо, не всем ребятам эта книга под силу, а только тем, кто любит учиться, кто хочет проверить свои знания и смекалку и узнать много нового об астрономии, физике, истории, математике и других науках.

Светлана БАЛАЕВА,
село Плеханы Саратовской области.

МЕЧТЫ, ОБОГНАВШИЕ ВРЕМЯ

Мой любимый писатель — Жюль Верн. Герои его романов — люди смелого и благородного сердца, всеми силами ненавидящие зло. Жюль Верн не был ни ученым, ни географом, ни путешественником, он просто любил мечтать и о своих мечтах рассказывал в своих книгах. А между тем он предсказал множество великих открытий, таких, как проникновение в тайны океанских глубин и полеты в космос.

Больше всего я завидую смелому и отважному Дику Сэнду, герою романа Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан». Ведь он не побоялся взять на себя управление кораблем и смело выступил против работорговцев. У Дика можно поучиться бесстрашию и мужеству.

Как бы мне хотелось совершить такое необычное, полное приключений и опасностей плавание, какое совершил Дик!

Андрей ВЛАСЕНКО, 6-й класс,
пос. Шкотово, Приморский край.

НАЧНИТЕ С БУКВЫ «А»

О словаре «Юному книголюбу»

То, что заглядывать в словарь полезно, знают все — в словарях объясняются и простые и очень мудрые слова. Но, заглянув в этот словарь, ты вряд ли не дочитаешь его до конца — здесь почти всякое объяснение превращается в любопытную историю. Будто читаешь не словарь, а сказки «Тысячи и одной ночи». И у каждой сказки — свой особый смысл, иногда лукавый, иногда загадочный.

Легче легкого объяснить, например, что такое **абзац.** Но теперь представьте себе совершенно фантастическую картину: все абзацы из книг исчезли! Страшная история! Пострашнее, чем исчезновение носа с лица майора Ковалева: сам Гоголь растерялся бы, если бы из всех его сочинений ушли абзацы. Ну вот, а мы думали, что абзац — это так, пустячок...

Или еще пример: что такое **автограф?** Подпись знаменитого французского певца, поэта и композитора Жака Бреля на подаренной тебе фотокарточке? Да, конечно, это приятный автограф. Такой сувенир у меня есть, я его берегу как память о встрече, о разговоре. Но ведь и огромная рукопись «Войны и мира», которую Лев Толстой писал в Ясной Поляне в знаменитой комнате под сводами, — тоже автограф, только предназначенный не в дар одному человеку, а в дар всем читателям. Рассматривать такие автографы очень интересно. «Почему Гоголь так спешил, так черкал, так наезжал строчкой на строчку? А у Шевченко все записано, как на уроке чистописания... Пушкинские буквы наклоняются и летят. Чехов пишет мелко и ровно...»

Авторы (вернее, целый коллектив авторов из Всесоюзного общества книголюбов и Государственной республиканской детской библиотеки РСФСР) надеются, что словарь станет «началом бесконечного интереса к книге и пристрастия к чтению». Об этом написано в предисловии. Прочитайте книгу до конца, как говорится, от «А» до «Я», и напишите нам, оправдываются ли эти надежды.

Генрих МИТИН

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

КТО ЧТО ПОДАРИЛ?

Капитан Перо ищет помощника

Барсук позвал к себе гостей:
Медведя, рысь и белку,
И подарили барсуку
Подсвечник и тарелку.
Когда же он позвал к себе
Рысь, белку, мышку, волка,
То он в подарок получил
Подсвечник и иголку.
Им были вновь приглашены
Волк, мышка и овечка,
И получил в подарок он
Иголку и колечко.
Он снова пригласил овцу,
Медведя, волка, белку,
И подарили барсуку
Колечко и тарелку.
Мне срочно нужен ваш совет
(На миг дела отбросьте!).
Хочу понять, какой предмет
Каким дарился гостем.
Не так уж важно это знать,
Но попрошу, однако,
Ответить, кто же из гостей
Являлся без подарка?

П р и м е ч а н и е: разумеется, всякий раз каждый из гостей (за исключением тех, кто ничего не дарил) преподносил барсуку какой-нибудь один и тот же свой излюбленный предмет. Для удобства решения этой загадки сделайте табличку, позволяющую сразу видеть, кто что кому дарил.

Капитан Перо.

На острове Зезе

Игры Лупы и Пинцета

ОБЩИЙ признак

Перед вами семь марок. Присмотритесь повнимательнее к четырем, расположенным в верхнем ряду. Они следуют друг за другом в строгом порядке, подчиненные одному общему признаку. Найдите этот признак и сообщите нам, какая марка из нижнего ряда может продолжить серию верхнего, то есть стать пятой.

Пинцет.

Гори-верти

Свой ум и глаз проверьте,
Решая «гóри — вéрти»!

«Гори — верти» — это маленькие кроссворды, в которых и по ГОРИзонтали и по ВЕРТИкали расположены одни и те же переплетающиеся между собою слова. Значения слов подсказаны в четырех строчках стихотворной подписи.

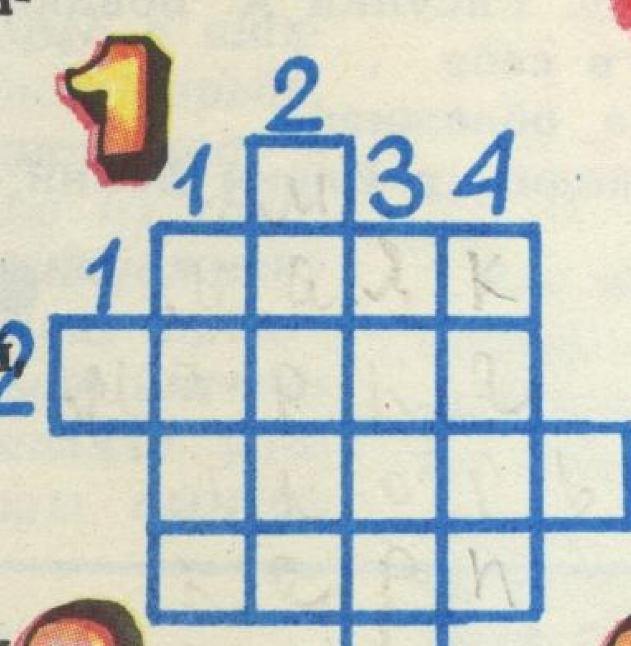

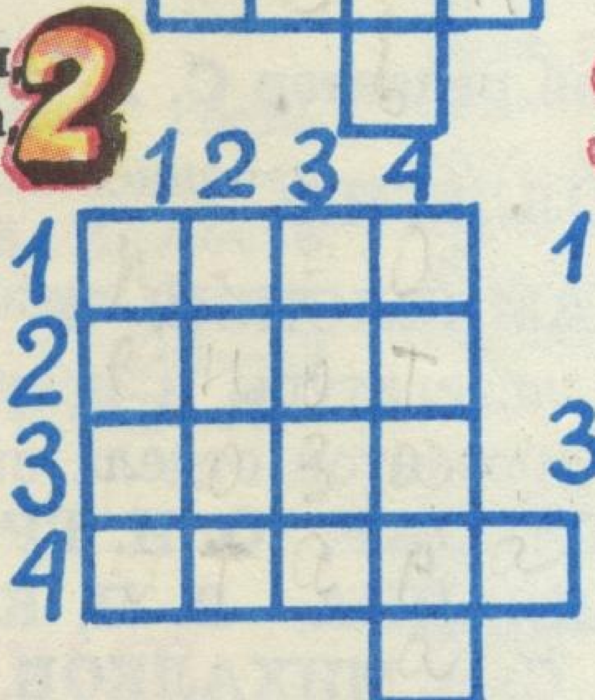

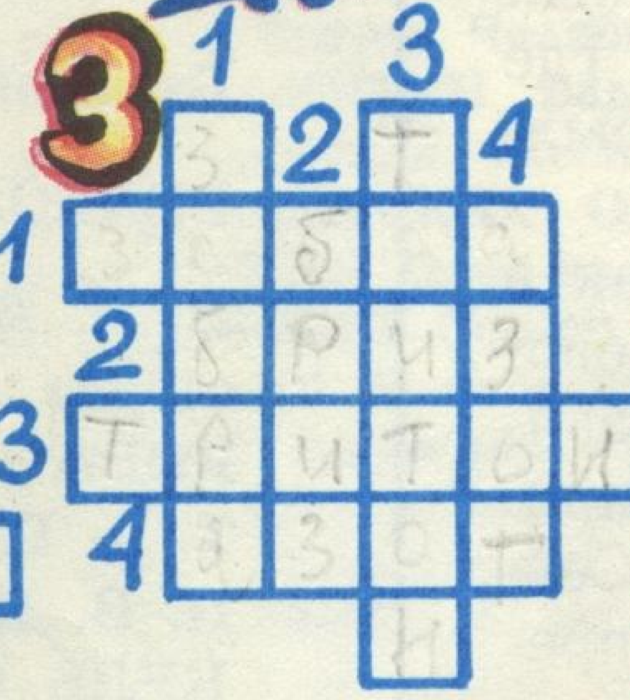
Слова сплетая вместе,
Сначала буквы взвесьте!
— Над морем сноп моих лучей,
— Купил конверт — меня наклей,
— Я на цепи в баркасе, в лодке,
— А я, увы, на сковородке!

— Я след от петушиной драки,
— Я дальний родственник собаки,
— Мой нежный запах всем отрада,
— А я овец большое стадо.

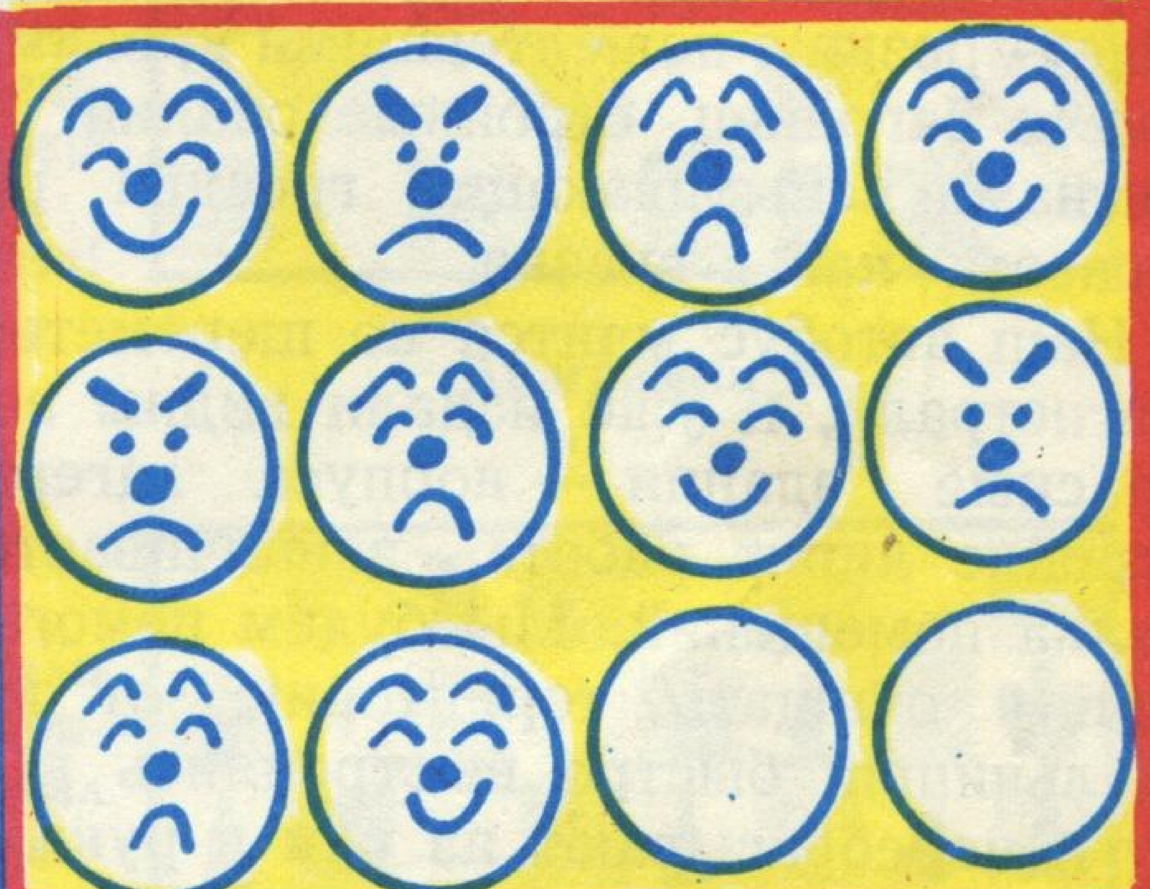
— Я полосата, быстронога,
— Я паруса надул немного,
— Дружу я с тиной и с водою,
— Я газ, и воздух полон мною.

Лица и таблица

Любопытная таблица,
На таблице — только лица.
Повнимательней взгляни:
Очень строгому закону
Подчиняются они.
Дорисуйте два кружка!
Жду ответов. Все.
Пока!

На острове Зезе
Устроили турнир
Пять шустрых шимпанзе:
Аз, Ти, Ви, Би и Кир.
На сколько мест отстал
От Би упрямец Ти,
На столько выше Аз
Стоит над Ви,— учти,
Что также ниже Ви,
Чем Ти, хотя и Ти
В таблице не второй.
Да, я забыл, прости,
Сказать еще, что Кир
Не первый и не третий...
Возьми-ка карандаш!
Хватает данных этих,
Чтоб ты распределил
Как следует места.
Задача не сложна,
Хотя и не проста.

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 3

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Живая очередь. Ответ должен получиться такой: голубь, косуля, сорока, лосось, соболь, собака, корова, ворона, павиан, навага, ехидна.

Сколько веток. 23 ветки.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Чудо! — Верблюд состоит из марок следующих стран: Дания, ФРГ, Нидерланды, Бельгия, Франция, Италия, Греция, Югославия, Австрия, Швейцария, Ирак, Турция, Болгария, СССР, Румыния, Венгрия, Чехословакия.

Хитрец. Хамелеон.

Дед Буквоед благодарит всех ребят за присланные ответы.

Сами о себе

Олимпийский сад

В школе особенно шумно и весело. В коридоре ребята собираются группками и оживленно разговаривают. Мы едем на стройку!

Рядом с аэропортом Шереметьево заканчивается строительство олимпийского международного молодежного лагеря. Такие лагеря строились на всех олимпиадах и вот теперь в Москве. В новом молодежном центре будут кинотеатр, стадион, бассейн с финскими банями. А вокруг — прекрасные подмосковные леса. Белоствольные березки с пожелтевшими кронами, одетые в багрянец стройные осинки, алыми пятнами вспыхивающие гроздья рябины. Красота как в сказке.

Наш автобус мчится по шереметьевской магистрали, и уже издали видны высокие красные здания — корпуса лагеря. На стройке кипит работа, заканчивается отделка помещений. Мы будем помогать рабочим очищать территорию от мусора. Мальчишки быстро выстроились в цепочку и перебрасывают из рук в руки доски. Девочки взяли грабли и принялись сгребать мусор. Очень скоро весь участок был расчищен. И мы вдруг увидели место, где работали, по-новому. Перед нами открылся в желтых осенних листьях сад.

Когда-то мама рассказывала мне, как в 1957 году во время фестиваля молодежи и студентов она вместе со своими друзьями и зарубежными гостями, которые приехали в Москву, сажала Парк дружбы. Сейчас она очень гордится тем, что в этом прекрасном парке есть доля и ее труда.

Скоро в Москве новый большой праздник — Олимпиада. И пусть весной зацветет спасенный нами сад, пусть он дарит аромат своих цветов и свои плоды людям. А когда мы вырастем, то сможем так же гордо сказать: «А на этой стройке работали мы!»

Саша ЛЕБЕДЕВ,
г. Химки, Московская область.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25.01.80.
Подписано к печати 04.03.80. А 06543. Формат $84 \times 60^{1}/_{8}$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 767. Заказ № 1913.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВЕЧНАЯ ГОРДОСТЬ ШАХМАТ

Вы, конечно, слышали, что Владимир Ильич Ленин любил играть в шахматы, решать шахматные задачи и этюды. Вот несколько строк из воспоминаний брата Ленина Дмитрия Ильича Ульянова:

«Играть Владимир Ильич начал лет восьми—десяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом — Александром Ильичом, затем, впоследствии, с нами, меньшими — сестрой Олей и со мной...

У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать — взялся за фигуру, ею и ходи...

У него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения, выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые».

(Диаграмма № 1)

Эту задачу-трехходовку составил известный революционер П. Н. Лепешинский. В. И. Ленин ее решил, не передвигая фигур. Задача решается так. 1. Сb1—а2 d6—d5 2. d2—d4 c4 : d3 3. Ca2 : d5—мат.

ДВЕ КРАСИВЫЕ КОМБИНАЦИИ

Многие юные шахматисты начали свой спортивный путь на турнирах клуба «Белая ладья». Познакомьтесь с тем, как сражались за шахматной доской участники соревнований школьников РСФСР, которые проходили в городе Алапаевске.

(Диаграмма № 2)

К этому положению пришла партия между Максимом Сорокиным (Ижевск) и Женей Рагозиным (Свердловск).

Белые отлично использовали свое преимущество. События развивались так: 30. Лg7—f7 Фd7—е6 31. Кd5—f6 е3—е2. Черные надеялись на этот ход, но неожиданно последовало 32. Фh5 : h6 +, и мат следующим ходом.

(Диаграмма № 3)

А эта позиция возникла в партии юношеского чемпионата РСФСР между перворазрядниками Рубаном (Новосибирск) и Талыбовым (Архангельск). Жертвой ферзя белые добились победы.

Игра продолжалась так: 43. с5 : b6! Лс8 : с4 44. Лс1 : с4 Фе7—d7 (плохо и 44... аb 45. а7) 45. Кb5—с3.

Подумайте, почему Рубан отказался от хода. 45. b6—b7?

45... а7 : b6 46. Лс4—а4. Черные сдались.

Если 46... Фа7, то 47. Кb5 Фd7 48. Ла1, и пешка а6 неудержима.

НАШ КОНКУРС

Этим красивым этюдом мы продолжаем заочное соревнование журнала.

(Диаграмма № 4)

Найдите, как в этом положении белые добиваются ничьей. Для этого их кавалерии придется проявить чудеса храбрости, ведь пешка а2 вот-вот превратится в ферзя.

Ждем ваших решений, ребята!

НАШИ ПОБЕДИТЕЛИ

Вот имена ребят, которые стали победителями конкурса за прошлый год: АЛЕКСАНДРОВ Михаил из Владимира, АЛОНЦЕВ Александр из села Каменка Тамбовской области, АХМАДЕЕВА Марина из села Еткуль Челябинской области, ВОЛОКИТИН Вадим из города Электростали Московской области, БОЛХОВСКИХ Олег из Воркуты, ЗОТКИН Олег из города Рязани, ИВАШКИН Сергей из города Раменского Московской области, ИСАЕВ Владимир из города Коломны Московской области, КЛЮЧАНЦЕВ Константин из Воронежа, КОРНЕЕВЕЦ А. из города Калинковичи Гомельской области, КАРОЧКИН Сергей из города Коломны Московской области, КОРОЛЕВ М. из Нарвы, КУЗНЕЦОВА Галя из Читы, МАРТУНЯН Норайр из села Н. Оратаг Азербайджанской ССР, НЕКРАШЕВИЧ Ян из Москвы, ПАЗЕНКО Олег из поселка Эльбрусский Карачаево-Черкесской автономной области, УСТЮШКИН Игорь из города Подольска Московской области, ФРИАУФ Андрей из Ставрополя, ХАРЛАМОВ Александр из Ульяновска, ЧЕРЕМНЫХ П. из Перми, ЧЕРНЫХ Игорь из Москвы, ШВЕЦ Лена из города Мценска Орловской области.

Все ребята награждаются грамотами журнала «Пионер».

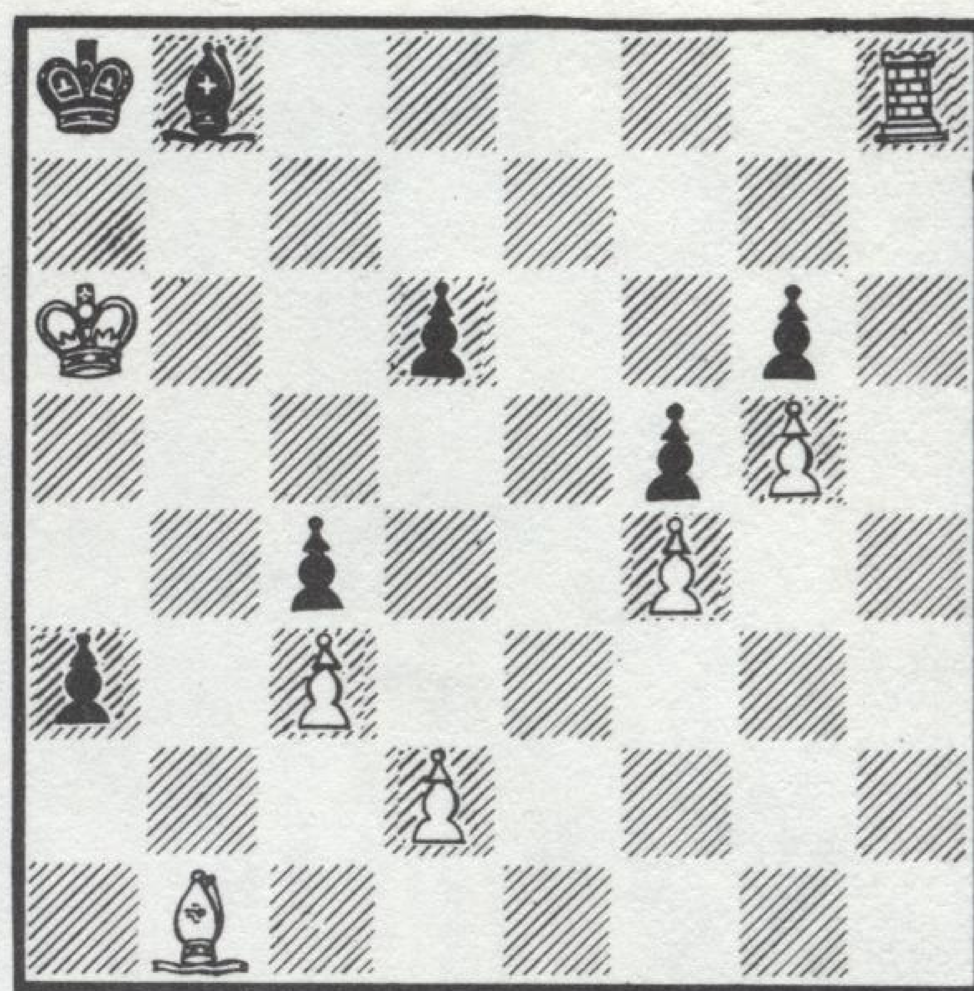

Диаграмма № 1

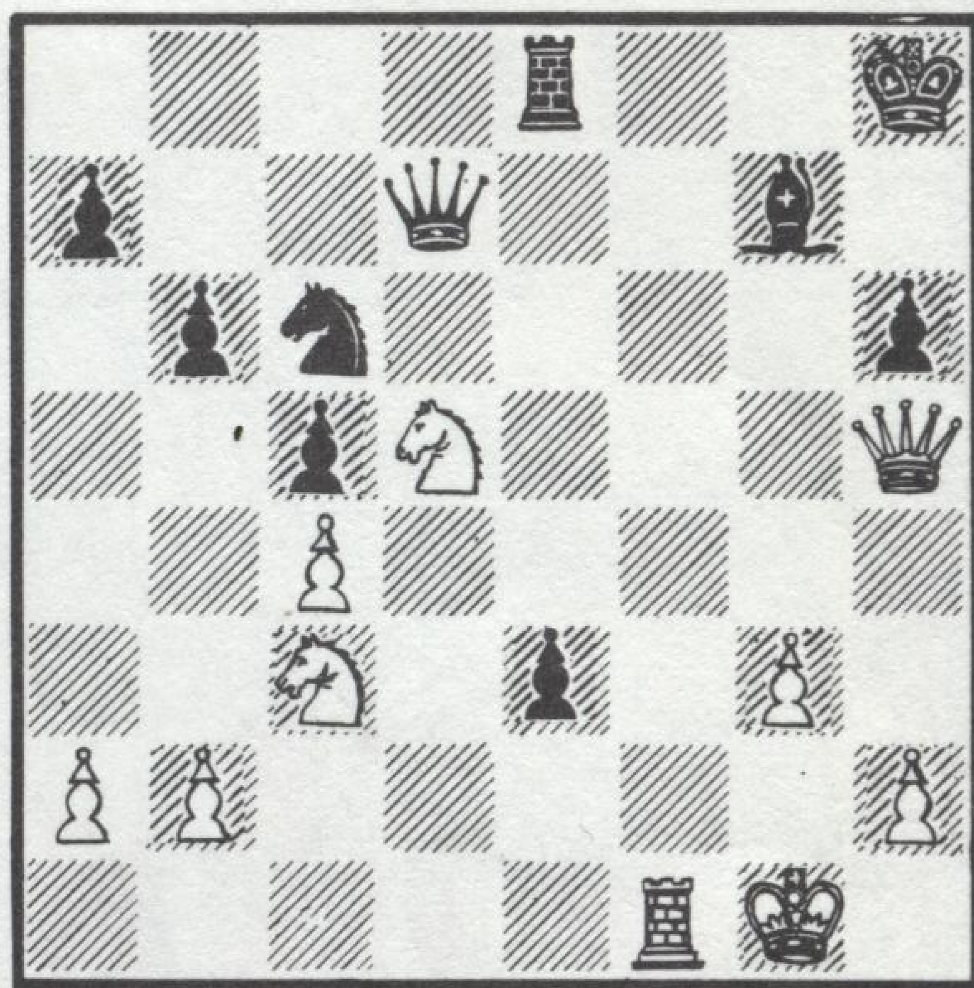

Диаграмма № 2

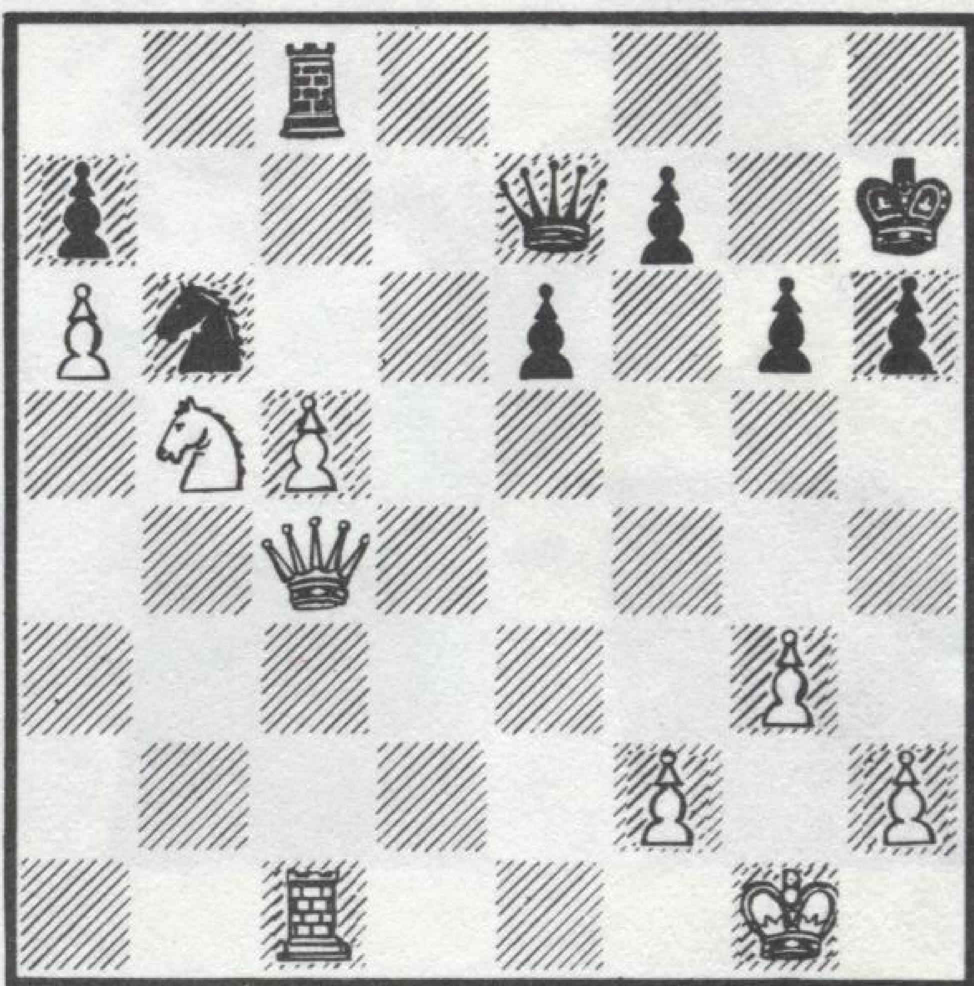

Диаграмма № 3

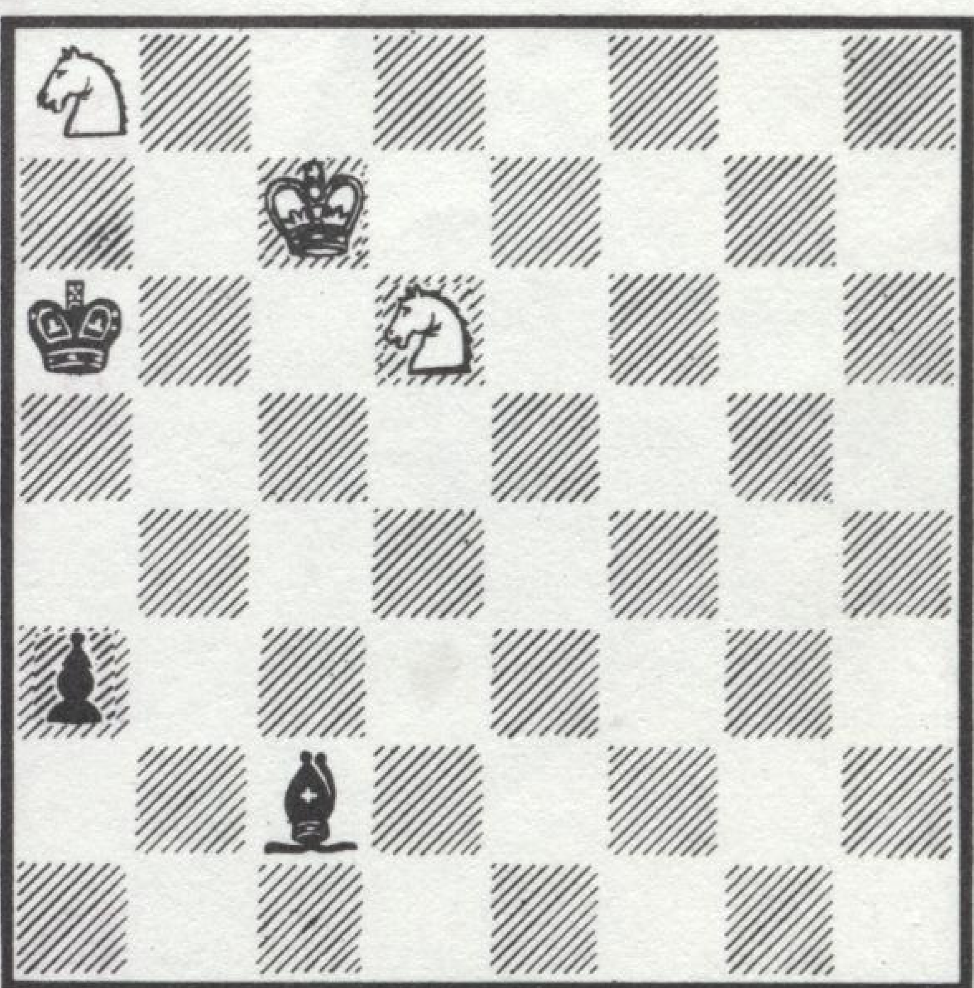

Диаграмма № 4

Дорогой партии идти
Всегда готовы!
Любимой Родине служить
Всегда готовы!
Достойной сменой старшим быть
Всегда готовы!
Дружбу братскую крепить
Всегда готовы!
Как завещал нам Ленин жить,
Всегда готовы!

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

ISSN 0130—8009